

ISSN 0235-6864

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ 8 (15) 1990

Цена 1 руб. 50 коп.

ЕЖЕМЕСЯЧНИК МОСКОВСКОЙ ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» (МАДПР)

ТИБЕЛЬ ТАТАРИНА ДОМЫСЛЫ И ФАКТЫ

Владимир
ВЕРНАДСКИЙ.
Из дневников
1938 года
с. 10

Эдвард ГЕРЕК.
После 10 лет
молчания
с. 24

Юрий КРОТКОВ.
Самоубийства
советских
писателей
с. 18

— Мне, как и моим коллегам, за последние полгода приходилось не раз интервьюировать крупных руководителей оборонного производства, некоторые из них, когда речь заходит о производстве товаров широкого потребления, об изготовлении оборонной промышленности различных перерабатывающих и упаковочных линий, заявляют, что это не конверсия. Конверсия, дескать, в том, чтобы с уже нажитого потенциала, пусть даже и военного, снять максимально богатый урожай. И действительно, где, как не в образцах военной продукции, мы сегодня обнаруживаем конкурентоспособность советских «шоу-хау». Продать, к примеру, истребитель-перехватчик Су-27 и получить несколько десятков миллионов долларов, безусловно, выгоднее, чем гнать за границу сырье. Да и моральная мотивировка вроде бы соответствует нашим нынешним примеркам к рынку: тот, кому нужна военная техника, все равно, дескать, найдет у кого ее купить. Так уж лучше у нас...

— Вы ведь, надеюсь, не рассчитываете, что я с ходу опровергну подобные претен-

зующие перерабатывающие производства. Если бы авторам этого варианта удалось в свое время хотя бы на пару лет заглянуть в будущее, они увидели бы в нашем сегодня совсем иные потребности — в маленьких тракторах, в крупных перерабатывающих производствах (копильных, сырдельных и т.д.), необходимых для мелких аграрных хозяйств. Да, многое говорит о том, что к идее конверсии у нас по привычке отнеслись как к очередной кампании.

— Но в нашей стране конверсия может стать более осознанной? Ведь недавно правительство рассматривало и приняло в основном Государственную программу конверсии оборонной промышленности до 1995 года, которая была представлена Военно-промышленной комиссией, Минобороны и Госпланом СССР.

— Конверсия — это перевод военных производств на изготовление гражданской продукции. Рассмотрим с этой точки зрения предложенную программу. На переориентирование производств, создание в «оборонке» новых мощностей по выпуску товаров на-

отдельные цеха. А ведь разговор-то в первую очередь должен идти о том, чтобы военные отрасли поделились с гражданскими своими технологиями, находящимися ныне за «колючей проволокой» запретов.

В нашей стране десятилетиями концентрировали высокие технологии в военных отраслях за счет других сфер экономики. По сути дела, произошла «поляризация» технологий. На одном полюсе — оборонные, на другом — то, что называется презрительным словом «широпотреб». И фактически, когда мы сейчас решили начать «новую жизнь», оказалось, что и хозяйственную реформу, и структурные повороты нам приходится осуществлять, не используя энергию, силу технологического ядра экономики, находясь на какой-то технологической периферии. Но ведь, не «раскупили» технологический потенциал оборонных отраслей, мы не сможем провести подлинную технологическую реконструкцию народного хозяйства.

— Выходит, «глубина конверсии», заданная Государственной программой, не позво-

лает иметь, как я уже сказал, большое количество недостатков.

Во-первых, при такой постановке дела основной научно-конструкторский и производственный — технологический потенциал оборонной индустрии не удастся нацелить на гражданские виды продукции. По выступлениям прессы хорошо видно, что люди не хотят идти работать на этом, по существу, второстепенном направлении.

Второй недостаток: являясь лишь частью продукции оборонного комплекса, гражданская продукция должна нести в своей цене все издержки данного военного производства — оно ведь сейчас единое. Издержки же очень велики — организационные, научные и так далее. Возникают огромные накладные расходы. В итоге гражданскую продукцию мы получаем не очень высокого качества, технического уровня (то есть технологической революции здесь не происходит), и к тому же достаточно дорогую.

Третий недостаток нынешней программы: она совершенно не учитывает того факта, что сегодняшнее разверты-

вание парикмахерские, мелкие магазины, но если мы хотим быть современным государством, то мы должны иметь действительно мощные субъекты рынка, и в частности вот на этом самом «оборонном» направлении.

— Что нам мешает сегодня идти именно по этому пути?

— Я думаю, устойчивая боязнь большинства нынешних управленцев от обороны такой конверсии, когда перевод военных производств на гражданскую продукцию осуществлялся бы целочисленно, а не лоскутно. А ведь нужно, чтобы от военного «пирига» отрезались целые предприятия — со всем персоналом, со всем НИОКРом. Я уверен, что если бы государство помогло двигаться именно по этому пути, то вскоре у нас уже появились бы такие крупные, конкурирующие друг с другом промышленные центры, сохраняющие и преумножающие высокие технологии и обеспечивающие скачок потребления.

Пока же мы этим путем не пошли. Это — крупный изъян в стратегии, которой сейчас придерживаются Госплан и

КОНВЕРСИЯ

зии на конверсию «по специальности»? Скажу сразу: хотя такой вариант, когда мы начинаем активно продавать ходовое вооружение и на полученную прибыль закупать товары народного потребления, конверсий я бы не назвал, но и вообще исключить его сегодня из нашей экономической политики тоже нельзя. Однако мир, кажется, все увереннее поворачивает к стабильности. Давайте надеяться, что когда-нибудь настанет такой момент, когда вооружение продавать не будет никто. А если наша «оборонка» будет рассчитана исключительно на это? Так что продажа военных товаров может быть лишь временной мерой.

С другой стороны, разнорядку на прежде непрофильные для военного производства виды продукции, которую на первом этапе получили военные заводы и КБ, тоже нельзя называть конверсией. Этот вариант был явно ориентирован на старый, как мир, реальный социализм, способ взаимоотношений государства с аграрным сектором. Это был договор двух сверхведомств — Госагропрома и «оборонки». А в результате конверсии были замыслены

родного потребления и другой гражданской продукции, а также на консервацию военных производств авторы программы запросили на новую пятилетку 40 миллиардов рублей. Да еще 36 миллиардов рублей — на научные и опытно-конструкторские разработки. Как видим, масштабы запросов, «аппетиты» — привычные для оборонной промышленности. А что нас ждет в результате? Программа, допустим, предусматривает удвоение к 1995 году выпуска товаров народного потребления в оборонных отраслях (в различных ценах). Но в натуральном выражении «замах» выглядит значительно скромнее. То есть с самого начала программа ориентирована на рост «вала» в основном за счет увеличения цен.

Остается сделать вывод, что программа конверсии, которую вместе с Военно-промышленной комиссией и Минобороны разрабатывали специалисты исключительно оборонных отделов Госплана, по-прежнему являет собой политику некоего «натурального налога» — когда на оборонных производствах открывают для производства гражданской продукции какие-то

лиет пуститься в серьезное плавание?

— Именно. Предложенная ныне «глубина конверсии» невелика. Совершенно непонятно, какой потенциал мы сможем смело отрезать от «оборонки», какие ресурсы из нее извлечь. Если нам ориентироваться только лишь на заключенные договоры по разоружению, то получим некий минимум — 15–20 процентов снижения оборонных затрат. Деньги не очень большие. К тому же это только деньги. Ясно, при таком подходе конверсия будет больше ориентирована на прошлое и не может быть динамичной.

Чтобы составить план эффективной конверсии, нужно ориентироваться не только на то, что мы уже имеем, но и на перспективу сокращения стратегических и обычных вооружений. Сегодня же такой перспективы мы не учитываем.

Все это позволяет сделать вывод, что сейчас, по сути, разговор идет не о конверсии, а о развешивании крупномасштабного производства товаров длительного пользования «под зонтиком» оборонных производств. Эта

вание производства потребительской продукции должно стать важнейшей частью строящегося рынка. Просто обязан! Ведь, когда мы говорим о рынке, мы понимаем, что с ростом доходов населения потребление продуктов питания будет все-таки расти достаточно умеренно, а основным «наполнителем» доходов станут товары длительного пользования — именно с ними в первую очередь связаны перспективы нашего потребительского рынка. Пока же оказывается, что этот вновь строящийся рынок возводится за труднопонижаемой стеной вокруг оборонной промышленности.

На Западе (и это почти всегда) крупные корпорации, обладающие мощным конструкторским потенциалом, обладают и мощной коммерческой инфраструктурой. Они и работают на массовое производство, и выполняют военные заказы — проблем с уровнем необходимой технологии у них нет. Так же как и проблем с оперативной внутренней «структурной перестройкой», удешевлением продукции. То есть эти корпорации — действительно крупные субъекты рынка. Можно, ко-

оборонные ведомства.

— То есть конверсия пока идет именно под их диктовку?

— Именно так. Причем, мне кажется, военные ведомства и Госплан не пошли по наиболее разумному пути конверсии потому, что они хотят сохранить в неизменности мобилизационный потенциал военной промышленности. То есть они хотят, с одной стороны, объявить конверсию. Но эта конверсия выражается только в том, что они берут на себя новые задачи, и, по сути дела, расширяют свое экономическое пространство, усиливая свою мощь и влияние. Одновременно они хотят сохранить мобилизационный потенциал. И даже на тех предприятиях, где происходит сокращение объемов выпуска военной продукции, где, к примеру, переходят с трехсменки на односменку, в военных цехах все остается по-старому. А рядом создаются мощности по производству новой гражданской продукции. О затратах, которые запланированы при такой конверсии, я уже говорил. Это несколько десятков миллиардов рублей в ближайшие пять лет. Это снова путь экстенсивного развития.

— Откуда же ныне этим миллиардам взяться?

— Правильно, этих миллиардов сегодня нет ни у Госплана, ни у оборонных ведомств. И получается, что даже та программа, которую сегодня называют программой конверсии, строится не то что на зыбком основании — она строится в вакууме.

Вернусь к вашему первому вопросу. Первоначально принятый план включал в себя крупные задания по производству технологического оборудования для легкой и пищевой промышленности. Не говоря уже о том, что разверстка этих заданий носила случайный характер, этот элемент конверсионной программы обладал, на мой взгляд, еще одним очень существенным дефектом. А именно: он был ориентирован на старый способ взаимоотношений нашего государства с аграрным сектором. Сначала, как известно, у нас централизуется существенная часть продовольственных ресурсов. Вторая стадия — обеспечить централизованное хранение. И третья — переработка запаса. По этой схеме и пошли сначала. Это было, как я уже сказал, соглашение между од-

зывать технологические и конструкторские услуги, изготавливать специализированное оборудование для гражданской промышленности. Но и этого, увы, в программе нет.

— Резюмируя, видимо, можно сказать, что программа конверсии ныне слабо ориентирована на стратегические цели развития нашей экономики?

— Она разрабатывалась как бы автономно, безотносительно к стратегии развития народного хозяйства. Еще раз подчеркну, что ныне наша стратегия — это поворот в сторону потребителя и выравнивание уровня технологических отставших производств. Предложенный вариант, даже если и приведет к росту объемов производства товаров длительного пользования, приведет и к появлению еще одного крупного источника ресурсопоглощения в нашей стране. Основания для такого вывода — в нынешнем контуре конверсии. Если мы не поставим производство телевизоров, холодильников, стиральных машин, магнитофонов и многого другого на современный технологический уровень с высокой ориентацией на ресурсосбережение, то они будут металлоемкими и

проблемы. Это что касается политических решений.

Во-вторых, нашим оборонщикам просто необходимо сегодня уяснить себе экономическую ситуацию. Опять же повторю, вполне возможен такой вариант: если мы с помощью оборонного сектора, может быть, с помощью иностранных вложений не проведем реконструкцию наших инвестиционных отраслей, то спрос на материалы, на энергоресурсы у нас будет все возрастать. Ситуация дефицита станет хронической. Это будет требовать все время новых капитальных вложений — и мы никогда не выйдем из режима жизни в диспорциях, из состояния неравновесной экономики. Если мы не пойдем на реконструкцию в гражданском направлении каких-то отраслей оборонной промышленности, если мы не создадим некую «критическую» массу средств реконструкции отставших отраслей экономики, то наша технологическая несбалансированность, наша структурная несбалансированность будут сохраняться, что означает постоянный инвестиционный «голод». А постоянный инвестиционный «голод» исключает, в свою очередь,

нашей, так сказать, аналогичной продукции связана с тем, что у нас нет прочной базы в самом основании этого производства.

— Разве не отказались мы раз и навсегда от попыток изобрести велосипед в области электроники? Разве не отстали мы от тех же японцев «навсегда»?

— Я думаю, что если говорить о фундаменте электроники, ее элементной базе, то это мнение неверно.

— Интересно, почему?

— Для создания современной элементной базы требуется индустрия сверхчистых материалов. Наше все-таки индустриально мощное государство должно это потянуть. Закупка и сборка у нас электроники из готовых иностранных деталей закрывают перспективы развития. У нас должны появиться крупные предприятия, может быть, акционерные общества, которые, выделившись из оборонного комплекса, будут устранять эту нашу фундаментальную брешь. Это, конечно, не значит, что они должны будут разорвать все связи с предприятиями оборонного сектора. где очень тесная кооперация.

Но высшие интересы, во-

из оборонного комплекса. И уже вместе с ними попытаемся как-то конкретизировать наш пока общий замысел.

— Вы сказали, что над нынешней программой конверсии работали исключительно оборонные отделы Госплана. А почему вам так кажется?

— Разве не ясно, что программа несет в себе черты именно такого творчества — отраслевого?

— А вы предполагаете, что в Госплане мог бы обнаружиться и другой взгляд на конверсию — уже более связанный с заграничными реалиями?

— Я полагаю, что именно Госплан силами своих сводных отделов должен был взяться за программу конверсии. Я думаю, что в этом случае она бы имела совсем другой колорит.

Современное очевидно, что медлить ни нам, ни Госплану больше нельзя — надо постараться как можно быстрее перевести конверсию из разряда отраслевых программ в разряд важнейших народнохозяйственных, а отчасти и международных проектов. В первую очередь она нуждается во всесторонней невedomственной экспертизе. Было бы непростительно не использо-

ЕЩЕ ОДНА

ЧЕРНАЯ ДЫРА?

На эту тему наш специальный корреспондент Дмитрий ХРАПОВИЦКИЙ беседует с директором Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР членом-корреспондентом АН СССР Юрием ЯРЕМЕНКО.

ним сверхведомством — оборонной промышленностью и другим сверхведомством — Госагропромом. Именно поэтому заказано было крупное технологическое оборудование, была ориентация на замыкающие стадии переработки, крупные предприятия. Эта «конверсия» работает на старые формы экономики. Ведь нельзя говорить, что сегодня ее результаты помогают сельскому хозяйству осваивать рынок, фермерство, аренду, кооперацию. Она не отвечает в целом потребностям экономического освобождения сельскохозяйственной.

К числу недостатков ныне существующей программы конверсии следует отнести также и то, что она почти не стимулирует попытки налаживать технологическую кооперацию военных предприятий с гражданским сектором. Если разумно идти на целочисленную конверсию, на перевод предприятий целиком на гражданскую продукцию, то не менее разумно воспользоваться и возможностями кооперации. При технологической кооперации оборонные предприятия могли бы поставлять комплектующие изделия, ока-

зывать энергоемкими. Пока их у нас мало, это не сказывается достаточно остро на сырьевом и энергетическом фронте нашего народного хозяйства. Но если мы все же пойдем по этому пути и нарастим достаточно большой парк подобных товаров длительного пользования, то сами же и ухудшим ситуацию. И окажется, что если раньше у нас был ресурсорасточительный производственный аппарат, то теперь вдобавок к нему появилась еще одна «черная дыра». Мы, как специалисты, занимающиеся экономическим прогнозированием, стараемся смотреть дальше сиюминутных задач и видим там очень большую опасность.

— Что же все-таки может позволить уже на сегодняшней стадии обезвредить этот «вирус» неправильной конверсии? Учитываются ли предложения, подготовленные сотрудниками наших институтов?

— Во-первых, для того чтобы военные могли спокойнее допускать гражданских к своему «широкому», нужно до конца проработать отечественную доктрину разумной оборонной достаточности. А у нас с ней, как вы знаете, большие

возможности технического совершенствования. И нам остается тогда только один путь — путь деградации, причем не только в гражданском экономическом, но и в военном.

Я думаю, лучше всего в пользу предложенного нами подхода свидетельствует ситуация в электронике. Без прогресса в ней невозможно глубинное обновление нашего технологического потенциала. Это проблема проблем. Если сегодня искать источники удорожания продукции нашего машиностроения, то они окажутся связаны с отсутствием современной и достаточно дешевой электроники. Кстати, этим отчасти вызваны и инфляционные процессы у нас. Как только мы начинаем оснащать наши машины, оборудованные современными (по нашим представлениям) системами управления, электроникой, цена по спирали идет вверх. Отверг от нас Запада в области вычислительных машин, электронных систем огромный. Но уже очевидно, что это не только путь к большому совершенству, но и путь к большей дешевизне с точки зрения потребительского эффекта. Высокая же стоимость

прось существования нашего государства, не исключая и проблемы нашей оборонной способности, требуют, чтобы мы сейчас перераспределили этот наш накопленный в «оборонке» потенциал.

— Вы могли бы предложить более-менее точную программу конверсии?

— Нет. Но мы видим ее логику. А для составления точной программы необходимы, помимо концепции оборонной достаточности, еще и точные данные о потенциале оборонной промышленности. А сегодня эти данные нам никто не даст. И выходит, что за пределы общей концепции мы сегодня выйти не можем. Мы не располагаем данными о мощностях оборонных производств, о структуре парка, о структуре НИОКР. Открыто очень мало. А ведь сейчас уже настало время решений и действий, а не размышлений.

— И что, ваша работа, выходит, впустую?

— Я не думаю. Мы сейчас вместе с институтом Арбата, с ИМЭМО АН СССР создали комиссию по прогнозу конверсии. Надеемся привлечь к ее работе специалистов как по естественным наукам, так и

вать огромный резерв оборонного комплекса, где собран цвет высоких технологий, наиболее квалифицированные кадры для социальной и технологической переориентации экономического потенциала страны. Одним только оборонщикам конверсию на откуп отдавать нельзя. Проблема это общая.

— Выступая недавно в нашем парламенте, Президент СССР сказал о необходимости основательно проработать подходы к конверсии. «Мы столько глупостей, — сказал он, — наделали на начальном этапе, когда хорошие фонды производственных, кадровый потенциал нашего военно-промышленного комплекса, оборонного сектора начали использовать на чепуху». Обнадеживает ли Вас это заявление?

— Да, если мы в конце концов не примем ту недоработанную, но уже объявленную во всеуслышание программу конверсии, о недостатках которой мы вели речь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

27 марта 1968 года в авиационной катастрофе под Москвой, в трех километрах от деревни Новоселово, погибли Герои Советского Союза летчик-космонавт Ю. А. Гагарин и летчик-инструктор В. С. Серегин. Они выполняли обычный тренировочный полет...

Для выяснения причин катастрофы была создана авторитетная комиссия. Однако официального сообщения о результатах работы комиссии с подробным анализом причин трагедии опубликовано не было. Это породило множество домыслов и слухов. Даже сегодня, спустя более двадцати лет после катастрофы, то и дело возникают все новые версии того, что же все-таки произошло в тот трагический день.

Одна из них приписывается нашему ежемесячнику «Совершенно секретно», якобы написавшему, что Ю. А. Гагарин не погиб в 1968 году, а чудом спасся.

Несмотря на опровержение, опубликованное в «Совершенно секретно», на выступление по этому же поводу популярной телепрограммы «Взгляд», редакция продолжает получать письма с одним и тем же вопросом: «Правда ли, что Гагарин не погиб?»

На наш взгляд, достаточно четкий и полный ответ на этот вопрос дает документ, который впервые публикуется полностью в неспециальной печати.

Свершив первый полет в космическое пространство, Ю. А. Гагарин навсегда вошел в историю. К счастью, и по человеческим качествам он оказался на уровне той великой миссии, которая выпала на его долю. Поэтому история его жизни, и в том числе сведения о его последнем полете, должны быть сохранены для будущих поколений.

Мы, участники расследования причин гибели Ю. А. Гагарина и В. С. Серегина, считаем своим долгом изложить выводы, к которым пришли за эти годы. Тем более что появляются все новые публикации, в том числе свидетели тех событий, участники их или со ссылками на них, в которых, видимо, доверяясь памяти очевидцев, авторы приводят целый ряд неточных данных. Мы уже не говорим о неверных версиях, которые также пока имеют хождение, причем не только среди обывателей, но даже среди некоторых специалистов. Об этом свидетельствуют, в частности, письма и устные высказывания в связи с публикациями в «Правде» и журналах.

1. На самолете Ю. А. Гагарина и В. С. Серегина не было системы автоматической регистрации параметров полета (САРПП), что сильно осложнило расследование. Однако проведенный комплекс научно-криминалистических исследований позволил достоверно и однозначно установить весьма важные для расследования конечные данные (перед ударом о землю) об экипаже и самолете. Они приведены наиболее подробно в журнале «Гражданская авиация» № 3 за 1988 год.

2. На 27 марта 1968 года в плановой таблице для Ю. А. Гагарина было предусмотрено следующее:

- а) Выполнение двух контрольных полетов с одной заправкой:
 - полет в зону по упражнению 2 КБП-ИА-67 (курс боевой подготовки истребительной авиации);
 - полет по кругу по упражнению 3 КБП-ИА-67.

Оба с контролирующим полковником В. С. Серегиним в задней кабине на самолете УТИ МИГ-15 с бортовым номером 18.

б) После этого ему было запланировано выполнить самостоятельно два полета по кругу по упражнению 4 КБП-ИА-67 продолжительностью по 30 минут каждый на самолете МИГ-17.

3. Организация полетов осуществлялась при неточной информации о состоянии погоды. Это было установлено позже, при дополнительном анализе кольцевых карт погоды и других материалов, хранящихся в архиве. К началу полетов руководитель их не имел данных о фактической погоде в районе полета. Вылет разведчика погоды задержался и состоялся вместо 9 часов по плану в 9 часов 50 минут. Приземлился он в 10 часов 18 минут, за минуту до вылета Ю. А. Гагарина и В. С. Серегина.

Погода оказалась хуже, чем это следовало из прогноза, известного летчикам и руководителю полетов. Очевидно, поэтому, прилетев в зону, В. С. Серегин сократил программу, отменив выполнение запланированного упражнения 2 КБП-ИА-67 в полном объеме. Сказанное следует из радиобомбежки, который зафиксировал интервал времени между докладами о начале и окончании выполнения задания в 4 минуты 20 секунд. Кроме того, из схем и рапортов руководителя полетов и других официальных лиц следует, что Ю. А. Гагарин в зоне вынудил два виража.

4. Чтобы выработать достоверные версии о причинах гибели Ю. А. Гагарина и В. С. Серегина, необходимо было решить следующую задачу.

БЫЛИ ИЗВЕСТНЫ:

а) Начальные данные (в момент последнего радиообмена) — состояние экипажа и техники, примерная высота, изменение курса, наиболее вероятный режим полета.

б) Конечные данные (перед ударом о землю) — состояние планера, двигателя, агрегатов, положение самолета и рулей, параметры полета, режим работы двигателя, состояние и позы членов экипажа.

в) Время, за которое самолет перешел из

начального положения в конечное (одна минута).

НЕОБХОДИМО БЫЛО УСТАНОВИТЬ:

- а) Наиболее вероятную картину полета.
- б) Наиболее достоверные причины свершившегося.
- в) Дать объяснения и оценку действий летчиков.

Эту задачу начала решать в комиссии двадцать один год назад группа специалистов под руководством ответственных представителей ЦАГИ (Г. С. Бюшгенс), ВВИА (С. М. Белоцерковский), ОКБ МАП (А. В. Минаев) и ЛИИ (А. Д. Мионов).

На ЭВМ были проведены тщательные расчеты различных видов маневра, который могли совершить Ю. А. Гагарин и В. С. Серегин на последнем этапе полета. Оказалось, что за достоверно установленное время (около одной минуты полета) невозможно потерять имевшуюся энергию, около 4000 метров высоты и прийти в конечную точку с параметрами, которые были точно зафиксированы, без существенного ухудшения аэродинамического качества самолета. В результате чего был сделан вывод о том, что самолет попал в штопор, в котором потеря энергии максимальна, а затем был выведен из него (прекращено вращение самолета). В качестве возможных причин сваливания в штопор указывались следующие: попадание в вихревой след, маневр при уклонении от действительного или мнимого препятствия, воздействие порыва ветра. Однако процесс попадания в след и выход за режим сваливания не моделировались.

Изучалась в то время также несколько иная, хотя и близкая по существу, причина попадания в штопор — столкновение с шаром-зондом или птицей. Поводом для возникновения такой версии послужило то, что, судя по отпечаткам на шкале прибора, фиксирующего перепад давления в кабине, перед ударом о землю она была разгерметизирована. Это могло быть следствием столкновения в воздухе. Однако никаких следов от столкновения на обломках самолета обнаружено не было, поэтому причиной разгерметизации кабины комиссия признала воздействие на самолет верхушек деревьев.

Одной из объективных причин, которая помешала комиссии дать согласованное заключение уже тогда, было указанное расхождение о причинах попадания в штопор.

5. Нам по роду деятельности много раз приходилось участвовать в расследовании летных происшествий. И должны сказать, что редко причина сразу бывала очевидной. Приходилось выдвигать серию версий, которые могли привести к несчастью. Потом каждую из них тщательно прорабатывать и несостоятельные отбрасывать. Среди них, как правило, фигурировала и такая: неправильные действия или недисциплинированность экипажа.

Эта версия тщательно изучалась комиссией двадцать один год назад. Необходимо остановиться на ней и сейчас.

6. Давая заключение о подготовленности В. С. Серегина как летчика-испытателя и инструктора, мы имеем возможность судить об этом не только по документам, но и по многолетней совместной испытательной работе.

Его летное мастерство получило становление на фронте, где он успешно совершил около 200 боевых вылетов на самолете Ил-2. Участвовал в 19 воздушных боях, сбил 3 самолета противника. В 1953 году В. С. Серегин окончил инженерный факультет ВВИА им. Н. Е. Жуковского и в соответствии с его желанием был назначен в испытательный институт ВВС. Полеты в качестве летчика-испытателя начал на самолете УТИ МИГ-15. Хорошая инженерная подготовка, опыт летчика, прошедшего суровую школу войны, позволили Владимиру Сергеевичу быстро войти в строй летчиков-испытателей. Ему не раз приходилось попадать в трудные ситуации, совершая сложные испытательные полеты, в том числе при выработке рекомендаций по минимуму погоды при заходе на посадку, по установлению летных ограничений и так далее. В

мае 1958 года ему присваивается квалификация летчика-испытателя второго класса, а в 1967 году — первого класса. С 1964 года он военный летчик первого класса, причем эту квалификацию подтверждал дважды — в 1966 и 1967 годах. Имел почти пятилетний опыт инструкторской работы. Общий летный его составил более четырех тысяч часов.

Как летчик он был очень надежен, хладнокровен, весьма квалифицирован и в высшей степени дисциплинирован.

7. Иногда выражают сомнение, не оказалась ли всемирная слава Ю. А. Гагарина на его отношении к летному делу. Можем заверить, что это не так: подготовка к полетам он вел весьма основательно, не отступая от норм и правил ни по содержанию, ни по форме. Перерыв в полетах у него был с 27 ноября 1967 года по 13 марта 1968 года. Заключение всех, кто готовил Ю. А. Гагарина и совершал с ним полеты, о его навыках и знаниях, об отношении к делу самое положительное. Контрольные полеты в зону и по кругу по упражнениям 2 и 3 КБП-ИА-67 совершали 20 и 22 марта с ним инструктор-летчик капитан Хмель, командир звена майор Лашков, заместитель командира эскадрильи майор Есиков. Общая оценка у всех одинаковая — «отлично», как и вывод о готовности к самостоятельным полетам по кругу и в зону на самолете МИГ-17. Последний контрольный полет 22 марта с ним осуществил командир эскадрильи подполковник Устенко, который, оценив все действия Ю. А. Гагарина в воздухе на «отлично», дал разрешение на самостоятельные полеты. Среди ныне здравствующих летчиков, летавших с Ю. А. Гагариным, он является наиболее компетентным в этом вопросе, поэтому мы и обратились к нему.

Вот что написал в июле 1988 года бывший командир авиационной эскадрильи полковник запаса А. М. Устенко: «Хотя Ю. А. Гагарин был уже известным человеком во всем мире, чувство скромности никогда его не покидало. Он не требовал к себе особого отношения, был таким, как многие его товарищи, хотя по внутренней собранности, аккуратности и настойчивости чувствовалась великая сила в этом человеке. Он имел манеру негромко разговаривать, часто и умело пользовался юмором, что соответствовало всех уравнивало, а его делало еще более земным и привлекательным. Внутренняя дисциплинированность, аккуратность отложил, естественно, отпечаток на всю его профессиональную подготовку.

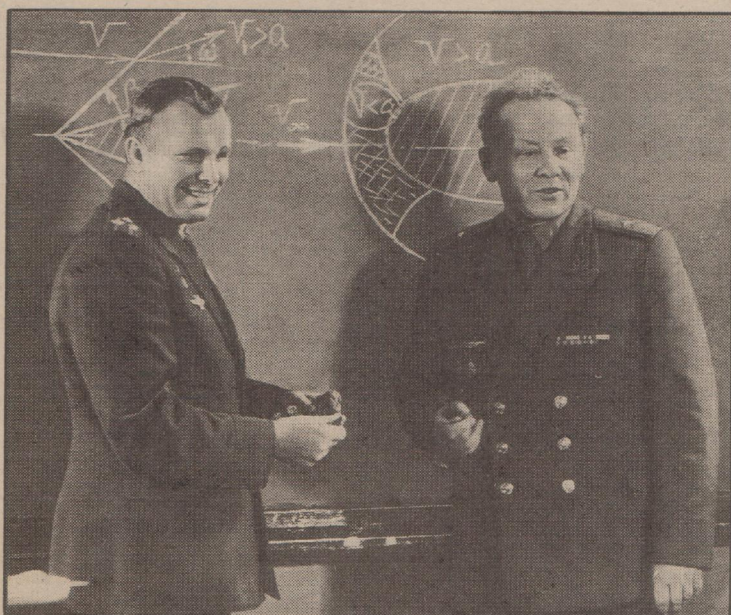
Ю. А. Гагарин все указания на полеты записывал подробно. Вел, как и все летчики, тетрадь подготовки к полетам. Схемы полета и действия свои на каждом этапе им описывались грамотно и досконально всегда были изучены. Особые случаи в полете он знал очень хорошо и практически все действия отработал на тренажерах в кабине самолета. В полет брал накопленный планшет, где были нанесены схемы заходов на запасные аэродромы и порядок связи при выходе на них.

При проведении контроля готовности к полетам мне практически никогда не приходилось его поправлять или дополнять. Хорошая подготовка к полетам давала и хорошие практические результаты.

Ю. А. Гагарин в кабине самолета чувствовал себя уверенно. Не был суетлив. Всеплугу знал расположение кранов, тумблеров. В технике пилотирования не допускал резких движений. На замечания в воздухе реагировал своевременно, и ему дважды не требовалось говорить об одном и том же.

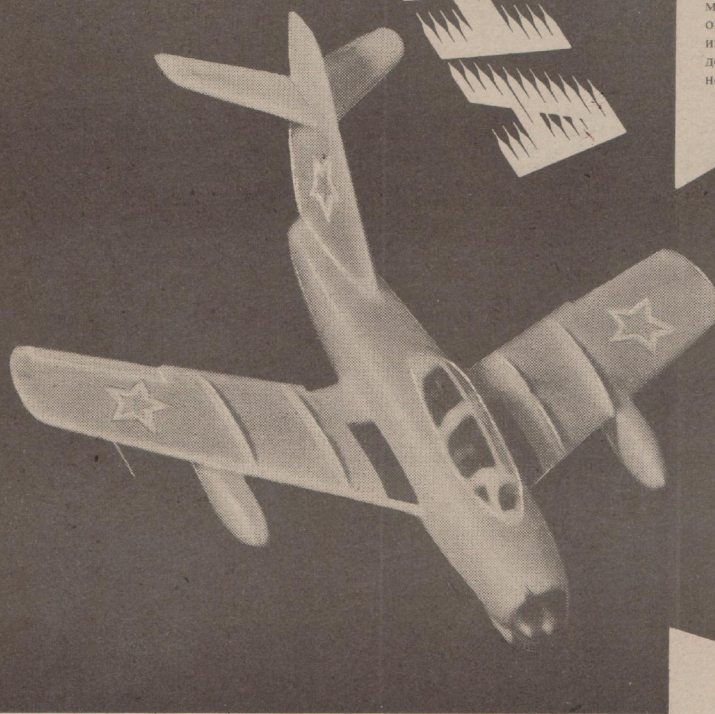
При наличии перерывов в полетах технику пилотирования восстанавливал быстро. Техника пилотирования Ю. А. Гагарина отличалась чистотой выполнения элементов. Количество контрольных полетов, выполненных им в марте (18), было обусловлено облачной погодой, ввиду чего приходилось планировать и производить полеты по специальным вариантам, чтобы искусственно не создавать перерывов.

Выполненный вместе с Ю. А. Гагариным контрольный полет по кругу и в зону 22 марта 1968 года понравился мне своей планностью, энергичностью, качеством выпол-

Ю. А. Гагарин и
С. М. Белоцерковский

ДОМЫСЛЫ И ФАКТЫ

ненных элементов. Для такого летчика в объеме выполняемого задания инструктор был уже не нужен.

Ю. А. Гагарин был очень порядочный человек. Он хотел летать не просто на словах, а на деле и поэтому ко всем вопросам летной подготовки относился серьезно. Другому он относиться к ним не мог.

8. Как двадцать один год назад, мы высказываем твердое убеждение в том, что версия о неправильных действиях или дисциплинированности летчиков должна быть категорически отвергнута.

Наряду с doskonaльным знанием их уровня квалификации и строжайшего отношения к летному делу в этом нас дополнительно убеждает и анализ конкретной обстановки. В. С. Сергеев не мог пойти на прямое и бессмысленное нарушение авиационных законов, разрешив Ю. А. Гагарину вместо полученной в ответ на его запрос команды руководителя полетов возвращаться начать сложный пилотаж. Тем более что он только что отменил его и Ю. А. Гагарин по радио доложил об окончании пилотажа в зоне. Что касается Ю. А. Гагарина, то он давно добивался самостоятельных полетов. Наконец-то они после этого полета предстояли ему, и все его стремления были направлены сюда.

Как известно, самолет УТИ МИГ-15 очень надежен в управлении, а сваливание его в штопор сопровождается предупредительной тряской. Поэтому мы все пришли к твердому убеждению, что только какое-то неожиданное обстоятельство могло привести к такому неблагоприятному развитию событий. Нужно, однако, признать, что ни одна из версий — о столкновении или попадании в вихревой след — исчерпывающего подтверждения нашла. Шар-зонд не был найден, следы столкновения на обломках самолета не обнаружены. Доказать строго, что имело место попадание в след, также нельзя. Более вероятно поэтому — опасное обближение с шаром или самолетом. Ни в то время, ни сейчас мы не смогли выработать единого взгляда на этот счет.

9. В связи со сказанным при моделировании на ЭВМ процесса сваливания рассматривались две причины: попадание в вихревой след впереди летящего самолета УТИ МИГ-15 и резкий маневр при уклонении от самолета или шара-зонда.

Отметим обстоятельства, которые способствуют сваливанию. На УТИ МИГ-15 с бортовым номером 18 было установлено два подвесных топливных бака 2×260 . Это был первоначальный и самый неудачный с точки зрения аэродинамики вариант баков. Ограничения по перегрузке у самолета таковы: с баками 2×260 $n_y \leq 3$, с баками 2×300 и 2×600 $n_y \leq 5$, без баков $n_y \leq 8$. Заметим также, что при возникновении скольжения и вращения самолета отклонение элерона вниз на опускающемся крыле для парирования вращения способствует более раннему срыву потока и сваливанию.

Полет происходил между двумя сплошными слоями облаков, очевидно, без видимости естественного горизонта. Погода оказалась намного хуже, чем это следовало из прогноза, сообщенного летчикам. Их действия осложнялись также неожиданностью ситуации и возможной несогласованностью.

ванностью рефлекторных действий в первый момент ее возникновения.

Для моделирования на ЭВМ были выбраны наиболее вероятные исходные данные, не противоречащие всем точно установленным фактам, рассматривались различные действия летчиков. При этом изучалась возможность выхода на режимы сваливания по указанным выше причинам. Анализ результатов моделирования показывает, что естественная, нормальная реакция летчиков рулями высоты, направления и элеронами при внезапном сближении или попадании в вихревой след в целом ряде вариантов выводит указанный самолет на режимы сваливания. Это происходит на больших скоростях, чем совершается обычный вход в штопор. Поэтому данный процесс отличается от привычного, преднамеренного входа в штопор большей резкостью.

Отсутствие САРПП с записями всех действий летчиков не позволяет точно восстановить все, что происходило на последнем этапе полета. Однако на ряд важных вопросов может быть дан однозначный ответ. Так, имеющиеся материалы позволяют объективно оценить качество управления самолетом на последних секундах полета после выхода из облаков. Здесь действия летчиков следует рассматривать как оптимальные: на закритическом режиме ($L = 20^\circ$) при перегрузке $n_y = 10-11$ они пилотировали самолет без крена и скольжения, «выжали» из техники все возможное, пытались вывести из пикирования и избежать столкновения с землей.

10. В чем же причина гибели Ю. А. Гагарина и В. С. Сергеева? На основании имеющихся материалов однозначно во всех деталях об этом сказать нельзя. Однако можно утверждать следующее.

Аварийная ситуация возникла внезапно на спокойном фоне полета, о чем свидетельствует сохранившийся радиообмен. Ситуация эта была чрезвычайно скоротечной. В создавшейся обстановке, которая усугублялась плохими погодными условиями, экипаж принял все меры, чтобы выйти из этого чрезвычайного положения, но из-за нехватки времени и высоты произошло столкновение с землей.

Учитывая все обстоятельства данного полета, мы, в том числе опытные летчики, не раз попадавшие в аналогичные ситуации, не можем поставить в вину Ю. А. Гагарину и В. С. Сергееву также то, что они не пытались катапультироваться, а продолжали активные действия по выводу самолета.

Следует признать и тот факт, что к возникновению чрезвычайной ситуации привел целый ряд, казалось бы, незначительных отклонений в организации полетов. Каждое из них в отдельности почти не опасно. Однако могло произойти довольно маловероятное стечение обстоятельств, которое хотя и редко, но бывает в реальной авиационной жизни. Видимо, многие из неблагоприятных факторов проявились одновременно, что и привело к катастрофе. Основной закон безопасности полетов — в обеспечении ее нет мелочей — оказался нарушенным, а гибель такого подготовленного экипажа подтвердила давно известную авиационную истину: нет простых и вполне безопасных полетов. Любой из них может преподнести неожиданность на любом участке — от запуска двигателя до заруливания на стоянку.

Летчики-космонавты СССР:

А. ЛЕОНОВ, дважды Герой Советского Союза, лауреат Государственной премии СССР, военный летчик первого класса, кандидат технических наук, генерал-майор авиации; Г. ТИТОВ, Герой Советского Союза, военный летчик первого класса, кандидат военных наук, генерал-полковник авиации.

Летчики:

С. МИКОЯН, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, кандидат технических наук, генерал-лейтенант авиации; С. ПЕТРОВ, заслуженный летчик-испытатель СССР, лауреат Ленинской премии, кандидат технических наук, полковник в отставке; А. ПУШКИН, Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик СССР, генерал-лейтенант авиации в отставке.

Ученые и инженеры:

С. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ, лауреат Государственных премий СССР, доктор технических наук, профессор, генерал-лейтенант авиации в отставке; А. МАЙОРОВ, лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук, профессор, полковник-инженер в отставке; П. СИГОВ, лауреат Государственной премии СССР, генерал-майор-инженер в отставке; А. СОСУНОВ, лауреат Государственной премии СССР, кандидат технических наук, полковник-инженер в отставке.

ПРЕРВАНИЙ ПОЛЕТ

«Заключение» дает ответы на многие вопросы о причинах и обстоятельствах авиакатастрофы, однако не на все... Это побудило нашего корреспондента Владимира Добина встретиться с одним из авторов документа профессором Сергеем Белоцерковским.

— Сергей Михайлович, итак, вновь о гибели Гагарина и Серегина. Не удивляетесь?

— Не очень... Интерес к этому идет волнами: то спадает, то возникает вновь. Причем наблюдается какая-то особая тяга людей к самым невероятным версиям. Отчего так? Может быть, повседневные тяготы жизни, будничная серость ее, доводящая до ощущения безысходности, порождают тягу к чему-то иррациональному, вызывая желание уйти от жизненных реалий?

Авторы новых версий настойчиво требуют их признания, распространяют всяческие слухи, один из них пошел по Москве, а потом и по всему Союзу — со ссылкой на ваше популярное издание. Якобы Гагарин не погиб во время полета, а был «упрятан» Брежневым в психиатрическую больницу. Попал он туда, по этой версии, из-за конфликта, разыгравшегося между ним и Брежневым на каком-то приеме: Гагарин, мол, выплеснул в лицо Брежнева бокал шампанского...

Все это выдумки от начала до конца: к несчастью, Ю. А. Гагарин погиб 27 марта 1968 года, и это — установленный факт. Но слухи не утихают, появляются новые якобы научные версии — теперь уже о причинах авиакатастрофы. Например, такая: самолет Гагарина и Серегина потерпел аварию из-за воздействия атмосферного электричества. Наконец, недавно мне позвонил бывший военный летчик, полковник в отставке. Он прямо одержим идеей найти иную версию гибели Гагарина, нежелая та, которую сформулировали мы после 22 лет исследований и многочисленных публичных дискуссий на эту тему. А дискуссии эти, кстати, вызвали большой интерес и привлекли внимание специалистов. Первая состоялась несколько лет тому назад на Гагаринских чтениях в Звездном городке, вторая — на Всесоюзном научном семинаре, посвященном итогам расследования причин гибели Ю. А. Гагарина и В. С. Серегина (в связи с 20-летием со дня катастрофы).

Так вот, о телефонном звонке... Мой собеседник утверждал: у Серегина было плохо со здоровьем, он умер в полете, и это послужило причиной катастрофы. Разговор наш длился около часа. Я привел доводы, наивно отрицающие эту версию. Не уверен, правда, что убедил, потому что мой собеседник, как и многочисленные авторы версий, не хочет или не может понять одного: любая версия должна опираться на твердо установленные факты, каждый факт должен быть доказан, документирован. Этим мы и занимались более двадцати лет.

— И все-таки, Сергей Михайлович, видимо, в той, «брежневской», с шампанским, версии есть что-то, отчего она так быстро оказалась на слуху у всех. Не правда ли? Что-то такое, идущее от фольклора: честному молодцу никакая власть не указ. Тем более та, что имели над в период застоя. Узнаете вы в этой легенде Гагарина?

— Вы, возможно, удивитесь, но психологически этот эпизод оправдан. Конечно же, в жизни ничего подобного не было и не могло быть: Гагарин был человеком исключительной собранности, дисциплинированности, силы воли. Но только немногие знали, что у него на душе...

Я, пожалуй, как никто, доверительно общался с ним тогда. С конца 1965 года группа космонавтов, обучавшаяся в академии имени Н. Е. Жуковского, начала исследования, ставшие темой их комплексной дипломной работы. Цель исследований — изучить возможности создания одноступенчатого гиперзвукового самолета и особенности его летно-технических характеристик.

Гагарин взял на себя отработку аэродинамической компоновки, которая должна была обеспечить нужные параметры при посадке. Я был руководителем дипломной работы Гагарина. Диплом настолько захватил Юру, что вскоре наши отношения переросли отношения учителя и ученика, стали дружескими. И я видел, как непросто ему было тогда...

1961 год — полет Ю. А. Гагарина в космос. Весь мир рукоплещет, встречи с президентами и премьер-министрами, с учеными и выдающимися писателями, фото во всех журналах и газетах и цветы, цветы, цветы — слава! Но уже довольно скоро, когда прошла эйфория, он обнаруживает, что есть как бы два Гагарина. Один — тот герой, что на фото, которому на приемах по-прежнему готовы оказывать почести. И другой — желающий жить обычной жизнью, имеющий свое мнение о происходящем и с ним, и вокруг него. А главное — волею судьбы он оказался на вершине, откуда увидел не только заоблачные высоты, но и страшные беды, боль сотен и тысяч простых людей.

Гагарин был очень умным и наблюдательным человеком. А еще он был человеком редкой порядочности. Он не мог не видеть, что творилось, особенно в брежневский период, там, «наверху». Коррупция, казнокрадство, подлость, карьеризм — все это считалось в порядке вещей. Ему это было не по душе. Зная случаи, когда Гагарин пытался пробить «броню», но чаще не очень успешно. Ему вежливо, а иногда и не очень, указывали его место: ты герой — вот и думай о героическом, а остальное — не твоё дело.

Слава сделала его народным героем. Люди хотели видеть в нем своего заступника перед несправедливой властью. Наверное, он мог бы уйти в сторону, отказаться от этой роли. Но не захотел.

«...В ОДНУ ИЗ ПОСЛЕДНИХ ВСТРЕЧ С АННОЙ ТИМОФЕЕВНОЙ, МАТЕРЬЮ ГАГАРИНА, КОГДА МЫ ОСТАЛИСЬ НАЕДИНЦЕ, ОНА ВДРУГ СПРАШИВАЕТ: «ЧТО, ЮРУ УБИЛИ?»

Уже после гибели в одном из его конспектов была обнаружена телеграмма: «Глубокоуважаемый Юрий Алексеевич офицер запаса штурман первого класса прослушивший в авиации девятнадцать лет просит вас принять его в любое удобное для вас время... от этого зависит жизнь моего сына...». Подобным письмам, телеграммам не было числа... И он встречался, пытался помочь.

Но он мог, к сожалению, не очень много, гораздо меньше, чем от него ждали... Эта неудовлетворенность,

ощущение собственного бессилия накапливались. В нем, особенно в последнее время, ощущались какая-то тревога, напряженность, это было заметно в поведении, в разговорах. Гагарин вообще был очень эмоциональным человеком, очень расстраивался, когда не мог помочь, переживал. Он даже мог плакать... Он плакал, когда погиб Комаров.

— А не преувеличиваете ли вы, Сергей Михайлович? Может быть, сказывается сегодняшнее наше восприятие того времени как душного, застойного, предгрозового?

— Конечно, это не исключено. Но вот что вспоминается. В одну из последних встреч с Анной Тимофеевной, матерью Гагарина, когда мы остались наедине, она вдруг спрашивает меня: «Что, Юру убили?» Я опешил: «Почему Вы так думаете?» Она: «Однажды он сказал мне: «Мама, я боюсь...»

Она не совсем поняла, что он имел в виду. И мы можем теперь только догадываться, что хотел сказать Гагарин этим «я боюсь». Мне кажется, более того, я даже уверен, что он говорил не о страхе за свою жизнь. Это был другой страх, наш тогдашний общий страх — боязнь того общества, мира, в котором мы жили. К Юре шел беспрерывный поток писем, страшных писем. На него обрушилось все горе, какое накопилось в обществе, — на одного человека, на молодого человека, вся предыдущая жизнь которого, по существу, была один мгновенный взлет. Это оказался груз огромной тяжести, страшный шиль.

— От сказанного вами всего один шаг до версии о самоубийстве Гагарина...

— Ничего подобного. Эта версия — чистый вымысел... Потому что для Гагарина в самоубийстве именно в 1968 году не было никакого смысла. Как раз в последние «учебные» годы Гагарин обрел то, чего ему так не хватало прежде, как это ни парадоксально звучит, — уверенность в правильности своего выбора. Он нашел дело, которым ему нравилось заниматься и в котором он, судя по всему, увидел смысл своей дальнейшей жизни.

За полтора месяца до своей гибели Юрий Алексеевич защитил диплом. Я в жизни не видел человека, который бы так радовался получению инженерного диплома. И кто? Герой Советского Союза, первооткрыватель космоса... Это было удивительно.

Дипломную работу он защищал в один день с Г. С. Титовым — 17 февраля 1968 года. Защита прошла прекрасно, можно сказать, триумфально. Гагарину вручили инженерный диплом с отличием, и его, единственного из всего отряда космонавтов — выпускников академии имени Н. Е. Жуковского, рекомендовали в заочную адъюнктуру академии.

Он радовался буквально как ребенок. Защита была в Звездном, потом он потащил нас домой, затем банкет. Он так был счастлив, словно этот день — самый-самый в его жизни.

Только через годы я понял его: он тогда убедился, что подвиг его не был делом случая, что он вправду способен к сложнейшей творческой работе. И, значит, есть чем жить дальше. В 27 лет он стал самым знаменитым человеком Земли. И он же писал: «Не хочу быть живым памятником...»

— И наступил этот горький день — 27 марта 1968 года... И эта неожиданная смерть...

— Неожиданная... Я знаю, со мной, вероятно, многие не согласятся, но я не считаю эту смерть неожиданной... Так же как вряд ли можно считать неожиданным Чернобыль... Или гибель «Адмирала Нахимова». Все это — из одного ряда.

Гибель Гагарина мне не кажется случайной по двум причинам. Первая — психологическая. Гагарин не вписывался в образ жизни партийной и

административно-командной верхушки брежневского общества, где ему волей-неволей приходилось вращаться. Система выталкивала его, он был чужим, лишним, а временами — даже неудобным и это чувствовал.

Были варианты: приручить... купить... Гагарин не приручался — он был слишком честен, прям, своенравен, самостоятелен. Этим он очень походил на своего наставника, «космического отца» Сергея Павловича Королева, тоже всю жизнь бывшего «неудобным». Купить? Надо было знать Гагарина, чтобы даже не делать таких попыток.

— Сергей Михайлович, из вашего коллективного «Заключения» ясно, что, скорее всего, не было какой-то одной, определенной причины авиакатастрофы. — Верно. Одной не было. Но было немало якобы «мелочей», которые, связав происшествия того дня в тугую узел, привели к трагедии.

«... СО МНОЙ, ВЕРОЯТНО, МНОГИЕ НЕ СОГЛАСЯТСЯ, НО Я НЕ СЧИТАЮ ЭТУ СМЕРТЬ НЕОЖИДАННОЙ... ТАК ЖЕ КАК ВРЯД ЛИ МОЖНО СЧИТАТЬ НЕОЖИДАННЫМ ЧЕРНОБЫЛЬ... ИЛИ ГИБЕЛЬ «АДМИРАЛА НАХИМОВА». ВСЕ ЭТО — ИЗ ОДНОГО РЯДА».

Я не хочу повторять сказанное в «Заключении», просто кое-что попытаюсь пояснить. Смотрите, что получается. Воздушная разведка была проведена с опозданием. Точной информации о состоянии погоды в районе, где должен был проводиться полет, ни летчики, ни руководители полета не имели. Летчикам сообщили, что нижний край облаков находился на высоте 900 метров, тогда как на самом деле он оказался гораздо ниже.

Далее: комиссия установила, что наземный радиовысотомер был неисправен. Поэтому группа руководства полетами не имела возможности оперативно наблюдать за изменениями фактической высоты, на которой находился самолет. Контроль за высотой полетов самолетов осуществлялся лишь по докладом экипажей.

В группе руководства полетами не работали и фотоприставки для съемки экранов индикаторов РЛС. Схемы радиолокационных проводов наносились на кальку по данным операторов, передаваемым планшетисту по средствам связи, что сильно снижало их точность и достоверность.

«Мелочи» множжились, накладывались одна на другую. Разумеется, никто не думал о том, что это ведет прямо к трагедии.

На предварительной подготовке к полетам группа руководства полетами не присутствовала. Плановую таблицу в день полетов изучили бегло, что называется, на ходу, без детального рассмотрения складывающейся по плановой таблице обстановки в зонах и на маршрутах.

Еще один вывод: полет в зону между облаками был спланирован в нарушение руководящих документов. Переноса начала полетов из-за задержки с воздушной разведкой не осуществили. Вылет самолетов выполнялся без должного анализа метеословесий в зонах и на маршрутах.

Дальше — больше. Через минуту после взлета Гагарина и Серегина (в 10 часов 20 минут) был произведен взлет

двух более скоростных самолетов МИГ-21. Пробивая облачность (при наборе высоты), они обогнали самолет УТИ МИГ-15. Это было нарушением. Могло произойти столкновение самолетов в воздухе — но на этот раз обошлось. Хотя, как выяснилось, обеспокоило руководителя полета. Разрешая паре самолетов МИГ-21 набор до высоты 5000 метров, он предостерег ведущего пары: «...справа по курсу, справа по курсу от вас 625-й в наборе». В ответ услышал: «Вас понял. Я не вижу, здесь облачность...»

Гагарину и Серегину (их позывной 625-й) тоже мешала облачность. Они не знали, что чуть позже них в соседней зоне взлетел еще один самолет УТИ МИГ-15 (позывной 614-й) — для проведения его облета после ремонта. Но самое печальное, что, как выяснилось, ничего об этом самолете не знал и руководитель полета.

— Не слишком ли много случайностей и «мелочей»?

— Я называл еще далеко не все. У нас сегодня есть основание утверждать, что был еще один самолет, который взлетел с другого аэродрома и в это самое время находился поблизости от 625-го. В нарушение всех инструкций руководитель полета об этом самолете не был информирован.

— Сергей Михайлович, каким образом удалось восстановить обстоятельства гибели практически развалившегося самолета?

— На первом этапе в расследовании участвовали все лучшие научные силы страны, институты, лаборатории, а также отдельные ученые, инженеры, летчики, космонавты.

Сразу же после установления места гибели были приняты меры к сохранению обстановки в первоначальном виде.

Если бы в то время на самолете мог быть установлен «черный ящик» — система автоматической регистрации параметров полета (САРПП), сколько бы сразу узнали. Но САРППа на самолете УТИ МИГ-15 еще не было.

Тщательно собрали все, что осталось от экипажа и самолета. Факт редчайший в мировой практике: когда были собраны элементы конструкции планера, силовой установки, агрегатов, систем управления и приборов, оказалось, что мы располагаем 95% веса пустого самолета. Средний показатель для происходящих в мире катастроф — около 70%. Было собрано и выложено по соответствующим местам на стенде-макете все остекление фонарей кабин — более тысячи осколков, практически полностью удалось воспроизвести поверхность фонарей, что позволяло решить, было или не было столкновение с птицами, шарами-зондами, с другими самолетами.

— Как восстанавливались показания приборов?

— В момент столкновения с землей многие узлы и детали приборов мгновенно заклиниваются в строго определенных положениях. Это дает возможность достаточно точно установить, что происходило на самолете в последнее мгновение перед катастрофой.

Были использованы три метода получения данных: по заклинившему положению механизмов, узлов и деталей; по отпечаткам стрелок на шкале; по осыпанию светомассы стрелок. Так были расшифрованы показания всех основных приборов, а также установлено положение рулей, элеронов и триммеров на самолете.

— Насколько гарантирована точность заключений и выводов вашей комиссии?

— Были продублированы все исследования. Так, работами по восстановлению показаний разрушенных бортовых и наручных часов Гагарина в ВВС руководил известный специалист, ныне лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук А.В. Майоров. Аналогичные исследования были проведены также в трех весьма компетентных организациях: в научно-техническом отделе МУРа, в НИИ часовой промышленности и в Институте криминалистики. Результаты практически совпали.

— Сергей Михайлович, теперь, если не возражаете, «пройдемся» по некоторым старым (или бытующим до сих пор) слухам и домыслам об обстоятельствах

гибели Гагарина и Серегина. Например, могла ли быть диверсия?

— Я уже говорил, что удалось собрать до 95% самолета, почти полностью восстановить остекление фонарей. Подобное невозможно при взрыве в воздухе. Никаких оснований для предположений о диверсии (взрыве, отравлении), как и о пожаре или о потере экипажем сознания, нет. До конца полета летчики сохраняли работоспособность, умело и энергично пилотировали самолет, надеясь спастись.

«...ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОЯВИЛСЯ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВЫДАВАЛ СЕБЯ ЗА ГАГАРИНА. Я О НЕМ УЗНАЛ ОТ КОСМОНАВТА БОРИСА ВАЛЕНТИНОВИЧА ВОЛЬНОВА, КОТОРОМУ ОДНАЖДЫ ПОЗВОНИЛ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК: «ПРИВЕТ, БОБ!»»

— Еще один слух: Гагарин и Серегин (или один из них) были пьяны.

— Это абсолютно исключено. Для скептиков и маловеров приведу только одно доказательство — результаты анонимных трижды проведенных в разных институтах химико-биологических анализов останков Гагарина и Серегина. Алкоголя в крови обнаружено не было.

К сожалению, эти злые домыслы оказались кое-кому весьма выгодны. Видимо, это многое списывало...

— Почему все же так и не появилось в печати после гибели Гагарина и Серегина подробное заключение правительственной комиссии?

— Я считаю, что основное и, возможно, даже единственное объяснение — обстановка «наплеватьства», безответственности и всепрощения, царившая тогда. Искать виновных? Кому это нужно? Куда спокойнее — замять дело, списать все на несчастливое стечение обстоятельств. Что, по существу, и сделали. Я не могу назвать ни одного человека, который был бы наказан после гибели летчиков. Спустили на тормозах...

— Итак, диверсии не было, летчики были здоровы, так почему же тогда они не катапультировались? Не смогли, не захотели, не успели?

— Давайте разберемся. Тщательное исследование всей аппаратуры самолета, техники показало: ни Гагарин, ни Серегин попыток катапультироваться не делали. До самого последнего мгновения они не покидали самолета, держали в руках органы управления — об этом свидетельствуют отпечатки на рукоятках и педалях, которые остаются только во время сильнейшего удара, каким и было столкновение самолета с землей. Они не катапультировались...

Почему? Потому что ситуация, по их мнению (это легко предположить), была совсем не столь опасной, чтобы срочно катапультироваться.

Восстановим возможный ход событий. В результате попадания в вихревой след за идущим впереди самолетом 614-м и резкого уклонения от столкновения (или только по второй причине) самолет Гагарина и Серегина свалился в штопор. Экипаж, естественно, стал сразу выводить машину из штопора, находясь при этом между облаками и не восстановив пространственной ориентировки. Вращение самолета им прекратить удалось. По данным метеопрогноза, летчики знали, что высота нижнего края плотной облачности — 900 метров. Но они не предполагали, что на самом деле было метров на пятьсот ниже.

Не могли они учесть и другого. Много лет спустя после начала исследований новые эксперименты подтвердили любопытный (а для терпящих бедствие летчиков — трагический) феномен. Известно, что при быстром снижении вы-

сотомер завышает показания высоты. Серегин, видимо, не знал другого: на спарке, где две приборные доски, записывание (а следовательно, и погрешность в показаниях) приборов увеличивается примерно вдвое.

Летчики были уверены, что после выхода из облаков они успеют вывести самолет в нормальное положение. Поэтому и не воспользовались средствами катапультирования. Но им не хватило примерно полутора-двух секунд, 200—250 метров высоты. Навстречу несся лес...

— Это произошло очень быстро?

— Судя по результатам медицинских анализов, они даже не успели испугаться. Это выяснили по содержанию адреналина в крови...

— И это все о катапультировании?

— Почти... Конструкция катапультирующего устройства на УТИ МИГ-15 была такова, что первым самолет обязан был покидать Серегин. В противном случае катапультировавшийся первым Гагарин помешал бы Серегину. Но Серегин никогда бы не бросил Гагарина. Вот такая психологическая дилемма. Правда, Серегину не пришлось выбирать...

— Сергей Михайлович, в архивах хранится 29 томов официальных документов. Вами и вашими добровольными помощниками более двадцати лет отдало исследованиям. Я знаю, что у вас готова рукопись книги обо всем этом — она ждет своего издателя. И вдруг с быстрой молнией распространяется слух о том, что Гагарин не погиб тогда, в 1968 году... Ваша реакция?

— Для нас, хотя это многим покажется странным, слух этот не был такой уж неожиданностью. Дело в том, что лет десять назад в Москве действительно появился человек, который выдавал себя за Гагарина. Я о нем узнал от космонавта Бориса Валентиновича Вольнова, которому однажды позвонил этот человек: «Привет, Боб!»... Голос и впрямь удивительно похож на гагаринский. И не только голос, но и манера говорить.

Внешне этот человек был совсем не похож на Гагарина, но не тусовался, не скрывался, наоборот — явно стре-

мился встретиться с космонавтами, бывал там, где мог встретить космонавтов или что-нибудь узнать о космонавтике. К примеру, он заходил в редакцию космонавтики издательства «Молодая гвардия», где тогда как раз готовилась к печати моя книга «Диплом Гагарина». Версия его была такой: он — спасшийся Гагарин, катапультировался, лежал без сознания, его подобрала, почему-то сделали пластическую операцию лица.

Насколько помню, кое-кто из космонавтов и людей, хорошо знавших Юрия Алексеевича, встречался с этим человеком, но Гагарина в нем не признал... Впрочем, для нас в этом никогда не было вопроса.

Потом он исчез. Рассказывали, что этот человек, лже-Гагарин, состоял на учете в психиатрической больнице. Возможно, выдавать себя за Гагарина было его навязчивой идеей, все остальное: голос, мимику, довольно обширные знания по космонавтике — он вполне мог приобрести усиленной подготовкой. В медицине такие случаи хорошо известны.

Думаю, могло быть так: недавно этот человек умер, и кому-то стало известно содержание его медицинской карты. Так мог родиться нынешний слух... В любом случае интересно было бы узнать, что стало с тем человеком. Может быть, кто-то из работников той больницы откликнется на это интервью в «Совершенно секретно»...

— Это был единственный случай появления лже-Гагарина?

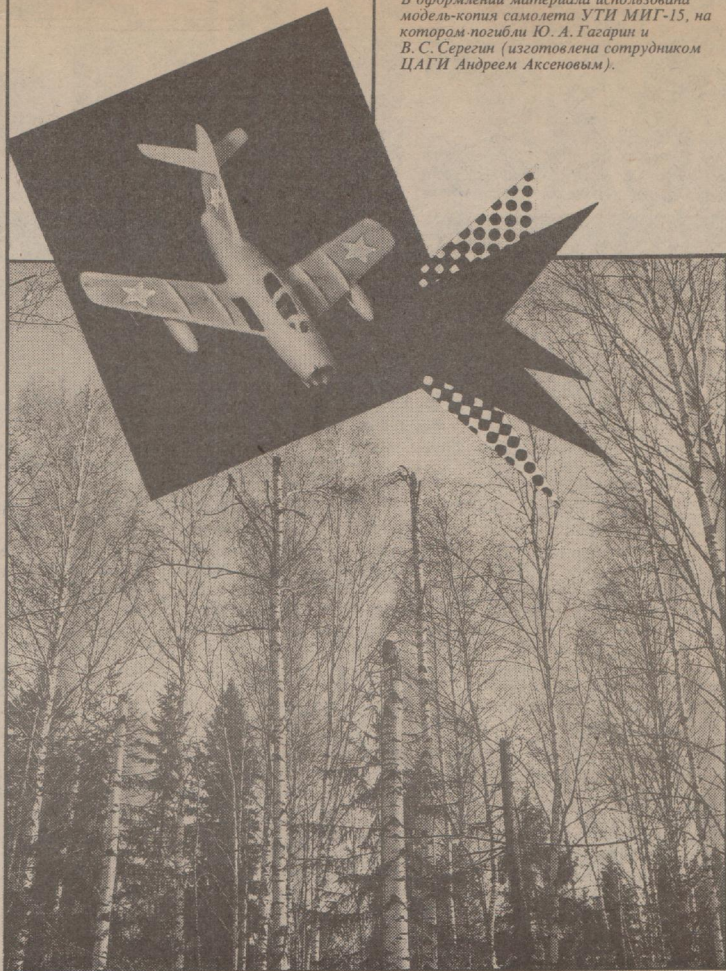
— Мне другие не известны.

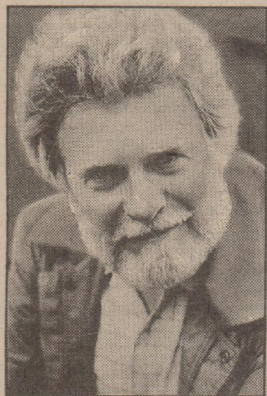
— Ваша последняя встреча с Юрием Гагариным...

— Это было в день защиты его диплома. Когда прощались, Юрий сказал: «Отлетаю, вернусь, опять начнем сначала...» Он был тогда заместителем начальника Центра по лётно-космической подготовке, и ему по должности полагалось летать. А впереди были заочная адъюнктура и наши новые встречи. Не довелось...

Но все последующие годы Юра был со мной. И это мне очень дорого.

В оформлении материала использована модель-копия самолета УТИ МИГ-15, на котором погибли Ю. А. Гагарин и В. С. Серегин (изготовлена сотрудником ЦАГИ Андреем Аксеновым).

Андрей НУЙКИН

жирного пирога власти и связанных с нím благ.

Само по себе это явление на фоне глобальных проблем, которые приходится разрешать стране, особого внимания вряд ли заслуживало бы. Любимый мощный, стремительный поток выносит на поверхность пену. Русский народ, самозваными полпредами которого самонадеянно надеются стать Ю. Бондарев, С. Кунаев, С. Видулов и примкнувшие к ним В. Белов с В. Распутиным, год назад (в ходе выборов народных депутатов) достаточно красноречиво выразил свое полное равнодушие к «заединщикам». Да и социологические опросы стабильно фиксировали что-то около двух процентов сторонников «Памяти», как она их старалась создать эффект «всеобщей поддержки», перемещая одних и тех же «горячих поклонников» из зала в зал, с площади на площадь, из города в город.

И тем не менее именно по-

начал царить и на всякого рода собраниях, вечерах, «встречах», митингах. И если такие организации, как Белорусский народный фронт или московский «Мемориал», упорно не регистрируются органами власти, то те, кто творит указанный беспредел, давно легализованы и без затруднений получают санкции на проведение своих «мероприятий». Даже Красную площадь, считающуюся «святыней России», Моссовет предоставил недавно «Памяти» для очередного антисемитского шоу.

Развернулась настоящая террористическая - идеологическая война против идей перестройки, против рожденных ею демократических институтов, прогрессивных политиков и деятелей культуры, просто против всех неугодных, на которых независимо от национальной принадлежности навешивают ярлык «жидомасонов» и подвергают травле. В арсенал ее входят оскорбления, дезинформация,

единениями молодежи. При этом они воспитывают у своих членов жестокость, презрение к личности. Часто на своих сборах они выкрикивают фашистские кличи («Хайль», «Хайль Гитлер!» и т. д.), появляются нацистские знаки, надписи («Убей вояку!» и др.)...

На такого рода факты настоящие накладываются сообщения печати о невозможности ознакомиться с материалами об активизации профашистских настроений среди подростков, которая зафиксирована в Москве, Минске, Алма-Ате, Кемерово, Новосибирске, Клайпеде, Братске, Свердловске, Карагане, Кисловодске и т. д.

— Многого хочешь, — сказали журналисту Виталию Еремину в ответ на просьбу ознакомиться с двумя-тремя частными научными работами на данную тему. — На эти исследования поставили четыре нуля и упрятали в сейфы (Неделя. 1989. № 15).

Весьма организованно и

тельной кампании столь же сокрушительное поражение (естественно, в тех случаях, когда на выборах у народа был выбор) потерпели ставленники партийно-государственного аппарата.

И что поучительно — поражение это было тем более неотвратимым, чем горячее они оперировали лозунгами казарменного социализма. Поучительно и другое — с какой легкостью аппаратчики начали тут же отречься от «невыгодной» идеологической доктрины, в верности которой клялись десятилетия, как мало им понадобилось времени, чтобы поступиться своими «принципами». В том числе и принципом интернационализма. Дело в том, что демократический социализм для аппаратчиков смерти подобен, и у них просто не оказалось выбора — единственной идеологией, которая еще была хоть как-то способна поставить под их знамена какую-то часть населения, оказался на-

КОРИЧНЕВЫЕ МЕТЯНЫЕ

Выступление на собрании «Апреля» 22 ноября 1989 года

Еще рожать способно чрево,
Которое вынашивало гада!

Б. Брехт

Мы собрались здесь сегодня, чтобы выразить свое отношение к тому откровенно расистскому шабашу, который официально поименован «Шестым пленумом правления Союза писателей РСФСР». Думаю, что совершив большую политическую и интеллектуальную ошибку, если будем рассматривать его как локальный всплеск темноты, мракобесия, политического рвачества или бездарности (как то квалифицировал глубоко почитаемый, но, видимо, мало читаемый нашими «патриотами» философ Николай Бердяев) группы литераторов, сплотившихся вокруг секретариата СП РСФСР. Что и говорить, отдельные лица и группы лиц в последнее время пришли в повышенное возбуждение и торопливо заготавливают самые большие тарелки и ложки в предвкушении нового великого передела

сле этого полного разгрома на выборах русские националисты стали вдруг одерживать на политической арене одну за другой пусть не крупные, но многозначительные «победы». Вообще в социальной жизни страны стали происходить события весьма загадочные.

Без малейшего смущения и без всякой описки (все-таки по 74-й статье УК РСФСР за проповедь расовой исключительности и разжигание национальной ненависти полагается до 10 лет лишения свободы!) все пилящийся отряд газет и журналов («Наш современник», «Молодая гвардия», «Литературная Россия», «Московский литератор», «Ленинградская «Панорама» и т. д.) развернул яростную антисемитскую кампанию. И ничего. С работы партийных инстанций грозятся снять лишь редакторов наиболее демократических изданий. Этим же, совершающих антиконституционные, уголовно наказуемые акции, как бы «не замечают».

Аналогичный «беспредел»

клевета, подметные письма и телефонные звонки с угрозами, распускаемые слухи о близящихся расправах и погромах, нагнетание общественного страха и истерии.

Подозрительно активизировалась деятельность всякого рода военизированных организаций, создаваемых якобы во имя «охраны общественного порядка» («рабочие отряды» в Горьком, отряды «афганцев» в Красноярске)... В Москве «рабочим отрядам содействия милиции», создание которых настойчиво рекомендовано трудовым коллективам, разрешили даже предоставлять «во временное пользование» не только радиостанции и технику, но и так называемые «спецсредства», то есть дубинки, «черемуху»...

Недавно на одной из встреч с читателями я получил записку, где говорилось: «Начиная с прошлого года в целом по стране и у нас в городе резко возросла активность молодежных банд, которые почему-то мягко называются неформальными территориальными объ-

единениями молодежи. При этом они воспитывают у своих членов жестокость, презрение к личности. Часто на своих сборах они выкрикивают фашистские кличи («Хайль», «Хайль Гитлер!» и т. д.), появляются нацистские знаки, надписи («Убей вояку!» и др.)...

Достоин внимания и упорная, можно сказать, «бульдозья» хватка каких-то закулисных механизмов в деле оттеснения от руководства в газетах, журналах, на телевидении и в прочих органах массовой информации людей, открыто вставших на сторону демократии, и протаскивания на освобождающиеся места лиц, наиболее отличившихся в отстаивании национализма, шовинизма и имперской амбициозности. Во многих случаях эти замены были бы невозможны без поддержки идеологических подразделений ЦК КПСС.

Этот всплеск военизованно-патриотической активности после фiasco националистов на выборах мы не поймем и не оценим правильно, если выпустим из виду, что в ходе той же самой избира-

ционализма. Аппаратчики и иже с ними повернулись на 180° без малейшего колебания. В республиках ставка при этом делалась на разжигание антирусских или «антисоседских» настроений. В России стремительно стала набирать силу псевдорусская, шовинистическая, имперская идеология, густо замешанная на зоологическом антисемитизме. Такая вот метаморфоза произошла на наших глазах с коммунистами-аппаратчиками. («Не со всеми же!» — скажете. Конечно, но что-то пока никто из тех, с кем она не произошла, не выступил против, не забил тревогу, не призвал к ответу предателей «самой прогрессивной» и «самой научной» идеологии всех времен и народов. Не очень, получается, и их эта воровская подмена идеологической парадигмы травмировала.

В связи с чем интересно вернуться к старым спорам о общности и отличиях сталинизма и гитлеризма. Чем больше фактов узнавали мы за последнее время о стали-

ском геноциде, тем неотличимее от Гитлера становился для нас «вождь мирового пролетариата». Но, думается, все-таки не стоит на этом основании полностью отождествлять сталинизм и фашизм. Споры нет, и то и другое исполнено низинизма, ненасытной кровожадности, лицемерия, лжи. И методы борьбы за власть у них одинаковые, и результаты похожие... И все-таки разница есть, притом немалая. Как выразился Юрий Карбачевский: «Ложь о господстве великой нации — все-таки совершенно иное, нежели ложь о равенстве и братстве народов». Очень верно, только если иметь в виду не тех, кто лгал, а тех, кому лгали, кого обманывали. Сталин не потому выбрал «более благородную» форму лжи, что был более привержен идеалам равенства и братства. Об этом смешно даже рассуждать. Просто два людоеда к власти рвались в разных социальных условиях, на разной волне массовых настроений. Гитлер — на волне поражения, ограбленности, оскорбленных национальных чувств, Сталин — на волне еще не выдохнувшегося победного революционного энтузиазма. Каждому приходилось врать и приспосабливаться на свой манер.

Истинную цену этих «антацисторических противоречий» как раз и показали наши аппаратные идеологи в ходе прошлогодних выборов в народные депутаты, в одночасье, без малейших сдуров совести сменившие знамя «равенства и братства» на воинственный стяг «великой нации». Увы.

Но еще более поразительны и поучительны чудесные превращения, происшедшие с русскими «патриотами». Многие десятилетия они явно или подтекстно стояли в оппозиции революции, советской власти, партии. Они видели в них врагов, которые низвергли дорогие их сердцу монархические порядки, уничтожили крестьянство — главного носителя и хранителя традиционной русской общности, репрессировали церковь... И вдруг, о чудо! Партийный функционер, рьяно уничтожавший всю жизнь русское Нечерноземье, В. Конотоп — любимый, постоянный автор и «Нашего современника», и «Молодой гвардии»! В. Распутин грудью бросается на съезде депутатов за защиту от радикалов Е. Лигачева, того самого, что уже в наше перестроечное время еще раз пробует провести окончательную коллективизацию, еще одно раскулачивание. «Отечество и социализм в опасности!» — воздевает трагическим голосом под аллодисменты членов российского пленума Юрий Бородин. Слезы умиления при воспоминаниях о порушенных храмах и кротких русских богемольцах причудливо начинают гармонировать у наших «патриотов» с молодецкими здравницами в честь опоры Державы, армии и строгого блюстителя порядка КГБ... Даже к палачу русского крестьянства Сталину и партии, окружившей почетом признанных жа-

дельщиков этого крестьянства: Белова и Распутина, — нарастает волна нового культа. Разум отказывается в это поверить!

И такая загадочная переориентировка тоже произошла молниеносно — буквально на глазах. Получив неожиданную мощную поддержку партийно-государственного аппарата, шовинисты-экстремисты начали обретать силу со сказочной быстротой. Особенно среди чиновных сталинистов всех уровней, в кругах наиболее темных, деклассированных (или подкупленных мелкими благами и подачками) пролетариев, разного рода дельцов сферы торговли и распределения, а также среди весьма расплодившейся околорайкомовской и околосекторальной «челяди».

Две катастрофически терявшие влияние на народ идеологии перед лицом полного своего исторического краха устремились в объятия друг к другу. Нетрудно сообразить, как зовут ребенка, если в любовный союз вступают национализм и социализм.

Хватит нам глядеть на мир и перестройку через розовые очки, хватит обманывать себя иллюзиями, что кто-то за нас выведет страну из ямы, в которую мы стремительно проваливаемся. Пора осознать, что формирующийся у нас в стране национал-социализм грозит превратиться в государственную идеологическую доктрину, в систему управления обществом.

Опасность эта усугубляется тем, что, отключаясь на события, происходящие в России, в национальных республиках и областях набирают силу свои аналогичные объединения, цель которых — под завесой лозунгов об особых национальных интересах покончить с процессами демократизации, сохранить власть старого аппарата и мафии.

Партийные и государственные чиновники сталинской и брежневской выучки делят надежду обрести в штурмовых отрядах и их фюрерах послушных исполнителей своей воли, которые способны (как бы «сами по себе», как бы по воле народных масс и совсем совсем без участия аппарата!) и демонстрации неугодных неформалов разогнать, и строптивых кандидатов на предстоящих выборах запугать, опорочить, и к урнам при подсчете голосов общественных контролеров не подпустить. Да и для тех, кто слишком уж поверил во фразу о самоопределении «вплоть до», хорошо обрести в центре империи «патриотический» грозный кулак.

Невооруженным глазом видна и направленность главных атак конкретно на дискредитацию лидеров перестройки, на натравливание на них политически не искушенных слоев населения, чье раздражение и гнев формировались давно и умело.

Особую тревогу вызывают многочисленные случаи попустительства и покровительства преступным националистическим выходкам со стороны правоохранительных органов.

Загадочен и «нейтралитет» КГБ, хотя речь давно уже идет о процессах, представляющих реальную опасность для конституционного строя, государства и всех его граждан.

Не хотелось бы проводить параллели, но ситуация в стране во множестве деталей напоминает ту, что сложилась в Германии накануне захвата власти нацистами.

Молчать и делать дальше вид, что ничего не происходит, мы не имеем права. Это не тот случай, когда хоть кому-то удастся, отсидевшись благополучно в черную годину, если он будет молчать и не «высовываться». Напизм никого не обходит, никого не милует. Если даже кто-то избежит насилия и унижения, он может пожать горькие плоды своего сегодняшнего молчания через родных, близких, друзей... И трудно решить, чья трагедия окажется страшнее — того ли, чьи дети станут жертвой расправы черноробашечников, или того, чей сын или дочка волеются в ряды кровавых погромщиков!

Не молчать? Но к кому апеллировать при этом? Друг к другу? Это необходимо, ибо, судя по всему, не осознав всей меры опасности, демократические силы не поторопятся сплотить свои ряды организовано. Да, но созревание демократических структур требует времени, а ситуация не ждет!..

К руководству страны? Увы, похоже, что оно не очень-то отдаст себе отчет, чем с неизбежностью завершаются любые заигрывания с фашизмом. Однажды наше руководство страны уже попробовало с ним «пообратиться» — как бы вторая попытка не завершилась еще хуже. Склады наши набиты самыми смертоносными видами оружия, от которого никакой героизм спасти человечество уже не сможет. Фашисты же нынче, прорываясь к власти, тянут руки и к этим страшным складам. Зачем? Ребенку, казалось бы, ясно. Но руководству страны, похоже, это все еще не ясно, иначе наши правоохранительные органы вели бы себя менее «загадочно». Пора, видимо, нам предъявить правительству свои требования на этот счет громко, перед лицом мировой общественности. У кого в руках окажутся ключи от вышеупомянутых складов, миру ведь безразлично.

И республикам пора нам начать объяснять, что антисемитизм — это только ширма, только «закуска» для возбуждения аппетита у шовинистов. А подлинные цели их направлены против свободы любого народа, любой нации. Против свободы русского народа — в первую очередь. И это тоже надо нам объяснять русским рабочим и крестьянам ежедневно.

В этом месте я должен поделиться с вами фактом и смешным и печальным одновременно. Готовясь к этому выступлению, я тщательно пересматривал в уме все адреса, по которым надо нам отправлять

свои апелляции. И вот только здесь уже, стоя на трибуне, вдруг спохватился, что такой адрес, как КПСС, я совсем упустил из виду.

Случайна ли такая рассеянность со стороны человека, с 1955 года состоящего в рядах этой самой КПСС? Не вернее ли вести речь о том, что давно уже не видим мы в партии идейного вождя, непримиримого антагониста фашизма? «Был ли мальчик-то? Может быть, мальчика-то и не было?»

Аппарат-то партийный есть, в его реальности трудно усомниться. А вот партия?..

Я оптимист и верю, что наш народ, перенесший на памяти живущих поколений одну кровавую вакханалию сталинщины, не допустит нацистов к власти. Антифашистский фронт будет создан независимо от того, выполнит ли партия в этом случае свой прямой долг или нет, но сколь страшной может вновь оказаться цена победы!

АКТУАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

После собрания, на котором прозвучало это выступление, прошло больше полугодия. Много за это время произошло событий, убедительно подтверждавших и красочно проиллюстрировавших обоснованность высказанных в нем тревог и квалификаций. Был совершен над черноробашечниками на Дом литераторов, состоялись «встречи с читателями» журналов «Наш современник» и «Москва» (для которых власти выделили самые престижные залы столицы нашей Родины), завершился грандиозный фестиваль «Российские встречи», исполненный монархического и всякого прочего юродства, было пролемонстрировано трогательное единение в ходе избирательной кампании работников ЦК КПСС Д. Барабашова и Б. Волкова с погромщиками и идеологами «Памяти»... Произшли и отрядные события. На выборах в местные и республиканские Советы русский народ вновь убедительно отверг претензии наших «патриотов» на роль вождя и духовных его наставников.

Прекрасно! Только как бы снова не впасть нам в эйфорию по этому поводу и не проморгать процесс слияния национализма с социализмом! В беседе с Феликсом Медведным Владимир Максимов недавно с такой вот изысканной небрежностью отмахнулся от подобной опасности: «Не надо паниковать. Я видел трехчасовую ленту с записью митинга «Памяти» в Ленинграде. Стоял человек 250—300, среди которых люди в ермолках. Видно, пришли полубоитыствовать. Выступают люди — типичные средней руки футбольные болельщики, косноязычные, неприятные, агрессивные, мысли свои сформулировать не могут. И мне предлагать этих людей принять за серьезную силу?! Да вы сами создаете им рекламу, они стали знаменитыми на Запада. И, как это ни парадок-

сально, у них очень много сторонников» (Книжное обозрение. 1990. 6 апреля).

Эх, Владимир Максимов, Владимир Максимов... Ну зачем же настолько доверчиво повторять то, что говорили европейские интеллигенты в начале 30-х годов, забыв, чем это кончилось? На одном из московских митингов над толпой возвышался лозунг «Лучше склероз, чем такая «Память»!». Остроумно, однако следует учитывать и то, что только из-за нашего склероза могла выхолоститься на политическую арену их «Память».

Короче говоря, «свежего» материала на тему о формировании в СССР национал-социализма более чем достаточно. Почему же я считаю необходимым опубликовать текст выступления, состоявшегося более полугодия назад? Потому, что это документ, который не позволит людям, ответственным за соблюдение нашего конституционного строя, заявлять, будто их не предупреждали, им не сигнализировали до того, как события «вырвались из-под контроля».

Вскоре после трагедии в Таджикистане в наших газетах появилось сообщение о письме ученых республики президенту АН Армянской ССР. Авторы его от лица всей интеллигенции приносили извинения «за провокационные действия темных сил, втянувших группу неисконной таджикской молодежи в антиармянскую акцию». Очень это хорошее, очень важное для нас письмо, но в разговорах уже звучало: «А где они были, эти интеллигенты, раньше? Почему не забыли тревогу тогда, когда эту самую кровавую «акцию» можно еще было предотвратить?»

Еще жестче был поставлен этот вопрос в связи с событиями в Закавказье. Рассказывая о своей поездке в Баку, Станислав Говорухин пишет: «И еще один неприятный аспект. О погромах было известно заранее. Но все молчали. Молчали народные депутаты из Азербайджана, азербайджанская интеллигенция, компетентные органы, партийные и советские власти республики».

Трудно предугадать, как будут развиваться события у нас, в России. Но, по крайней мере, на этом маленьком факте — на собрании писателей «Апреля», состоявшемся еще в ноябре 1989 года, мы можем утверждать, что русская интеллигенция перед лицом движущейся коричневой чумы не онемела от страха, она тотчас, как только осознала меру опасности, забила тревогу, призвала к отпору, к сплочению демократических сил. Не опоздала ли она? Дойдет ли до сознания всего народа, а также и до «компетентных органов», насколько недопустимо промедление перед лицом регенерирующего фашизма, — это покажет будущее. Но никак уже не вправе будет бросить в лицо русской интеллигенции: «Чего же вы молчали?»

1 января

Вчера после обеда <был> у Комарова¹. Об Александре Евгеньевиче² (за границу не пустят, особенно в Карлсбад: под подозрением из-за близости с «врагом народа» Хондриковым). Может быть (по словам Комарова), и Киров был бы теперь врагом народа.

¹ Комаров Владимир Леонидович (1869—1945), ботаник и географ, президент (1936—1945 гг.) Академии наук СССР.

² Ферсман Александр Евгеньевич (1883—1945), геолог, геохимик и минералог, ученик В. И. Вернадского.

3 января, утро

Как далеко в глубь времени — выражая количественно — может человек идти научно?

Раз есть три семейства геометрии — Евклидова, Риманова и Лобачевского, — <значит>, не одна только Евклидова <геометрия> может проявляться в природе. Возможно, что состояние пространства живого вещества отвечает одной из Римановых геометрий?

4 января, утро

<Вчера> утром <был> у А. Евг. <Ферсмана>. Ему хуже. Почки. Сознает серьезность — но <здесь> нельзя настоящим образом лечиться. Нужен юг — Карлсбад. Не пустят. Считают политически опасным (Хондриков, Киров!). В ближайшие дни консилиум. Полон творческой мысли. Работает над геохимией и очень углубляется.

Две взаимно не согласованные — вернее, четыре <инстанции>: 1) Сталин и 2) Центральный Комитет партии, 3) правительство Молотова — правительство Союза, 4) Ежов и НКВД. Насколько Сталин их объединяет?

Сейчас впервые партийцы страдают от грубого и жестокого произвола еще больше, чем страна. Миллионы арестованных. На этой почве, как всегда, масса преступлений и не нужных никому страданий. Говорят о сумасшествии власти имущих. Могут погубить большое дело нового, вносимого в историю человечества.

Начал работать систематически над книгой.

5 января, утро

Всякие придирки со стороны финансового ведомства и цензуры, чтобы уменьшить проникновение <в страну> иностранной книги.

Миллионы арестованных. Это быт. Миллионы заключенных — даровой труд, играющий очень заметную и большую роль в государственном хозяйстве.

7 января

Рассказывают о массовых высылках на 10 лет и аналогичные <сроки> в концентрационные лагеря. В Можайске без всякого опроса и расследования высылают старых и больных в лагерь на 10 лет, и тех лиц <высылают, которые> уже проходили свой срок, — террор, который представляется бессмысленным и порождает всякие слухи в связи с жестокостью. Ничего не понимают — зачем он?

8 января

Вчера — переписка, работа над книгой, чтение. Днем были Петрушевский, Яковлев А. И., М. Н. Сперанский¹. Яковлев в разговоре как-то указал на трагическое положение Сперанского. Может быть, что-нибудь можно сделать через Комарова. Выяснилось, что исключение Сперанского и Перетца² <из Академии наук> произошло несоответственно с реальным положением дел.

У Сперанского в 1934 году (до убийства Кирова) произвели обыск, ничего не нашли и арестовали. Кажется, Мартынов (потом белорусский глава ГПУ)

Тридцать восьмой — год большого террора. Владимир Иванович Вернадский (родился 12 марта 1863 года в Петербурге) — великий интеллигент земли русской, ученый, мыслитель, гуманист — только что пережил такой же, если не худший, 37-й год... Переживания, увя, бесследно не прошли — осенью 37-го наступило серьезное сердечное недомогание, которое к исходу года с трудом удалось преодолеть. Но рецидивы его уже не прекращались вплоть до наступившей 6 января 1945 года в Москве трагической и окончательной развязки...

Тридцать восьмой — год интенсивнейшего научного и философского творчества Владимира Ивановича. Проблемы геохимии, биогеохимии, почвоведения, радиологии и радиогеологии, метеорологии, гидрологии, истории науки занимают его мысль. В этом году он завершает работу над книгой «Научная мысль как планетное явление» — столь же пророческой, как и «Феномен человека» Тейяра де Шардена.

Все это в той или иной степени нашло отражение в дневнике Владимира Ивановича за 38-й год (архив АН СССР, фонд 518, опись 2). В нашей публикации частично (примерно четверть всего объема) воспроизводятся записи первых трех с половиной месяцев. Для удобства восприятия текста авторские сокращения и купюры публикатора не показываются; смысловые вставки заключены в угловые скобки.

Владимир ВЕРНАДСКИЙ

вызвал его и указал, что присутствие его в Москве ввиду его популярности и связей с большим числом учеников, которые бывают у него, нежелательно. В конце концов, ему назначили 3 года <ссылки> в Уфу. Спросили, сколько ему надо времени, чтобы собраться в путь. <Дали на сборы> две недели. Сперанский на объявлении ему приговора расписался, что он не признает себя ни в чем виновным. Подал записку Сталину, указывая, что он ни в чем не виновен, а высылка его из Москвы лишает его возможности кончить свои многолетние научные работы.

¹ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863—1942), историк, академик; Яковлев Алексей Иванович (1878—1951), историк, чл.-корр. АН СССР; Сперанский Михаил Несторович (1863—1938), историк и литературовед, академик.

² Перетц Владимир Николаевич (1870—1935), историк и литературовед, академик АН СССР и АН УССР.

9 января, утро

Ожидают взрыва религиозного гонения. Все верующие христиане сейчас чувствуют дамоклов меч произвола. Ждут с покорностью. Священники сообщают ГПУ <услышанное> на исповеди.

11 января, утро

<Вчера> вечером звонили из какого-то технического журнала об интервью в связи с моим наступающим 75-летием. Поблагодарил и отказался.

Всюду <разговоры> о терроре. В крестьянской среде масса высылки. Очень нервное настроение кругом. Расстрелы среди верхушки колхозов.

13 января

Жутко и грустно читать сегодня статью Бурденко об успехах у нас медицины! Бурденко, говорят, хороший хирург. Но <огромная> дистанция <отделяет его статью от реальности> — <это> кривое зеркало. Сперанский¹ и его школа — талантливые люди, но не они составляют фон <нашей медицины>. Я... ужасе от того «консилиума корифеев», которые приглашены к Ферсману, положение которого очень серьезно.

¹ Сперанский Алексей Дмитриевич (1887—1961), птолог, академик АН и АНМ СССР.

16 января

Вечером <был> у Чаплыгиных¹. Хорошая семейная обстановка. И сын — прелестный молодой человек, и Евдокия Максимовна. Но Сергей Алексеевич очень подался — и бессонница, и ослабление творческой работоспособности.

8 января арестовали А. И. Некрасова², крупного ученого, ученика и друга Сергея Алексеевича — <работал> в ЦАГИ. <Там> полный развал, и в то же время ведутся работы огромного оборонного значения. Туполев³ не убит, как говорили. Сергей Алексеевич думает, что придется к нему обратиться. Он — создатель советской авиации, во многом единственный. Хлопоты Сергея Алексеевича о Лейбзонне⁴ оказались неудачны. В Алма-Ате <он> «признан» в том, чего не делал.

Выпустили Рейнгартта⁵ после нескольких месяцев <ареста>. Предлагали признаться — но <на вопросы его>, в чем <ему> признаться, <отвечали>, что он сам знает в чем! Это первый случай выпуска <из тюрьмы>, о котором слышу. Мерфорт⁶ умер в Алма-Ате — кажется, большой. Оторвали от семьи, списали.

¹ Чаплыгин Сергей Алексеевич (1869—1942), механик и математик, академик, друг В. И. Вернадского.

² Некрасов Александр Иванович (1883—1957), механик и математик, академик; в 1930—1938 гг. работал в Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ).

³ Туполев Андрей Николаевич (1888—1972), авиакон-

ЗАПЯТЫЕ?

Из дневника 1938 года

структор, академик; один из организаторов и руководителей ЦАГИ.

⁴ Лейбензон Леонид Самуилович (1879—1951), механик и математик, нефтяник, академик.

⁵ Вероятно, Рейнгардт Анатолий Львович, геолог.

⁶ О ком идет речь, установить не удалось.

17 января

Днем была Е. А. Лебедева. Рассказывала о приеме у прокурора НКВД на Кузнецком «мосту» — Петухова, кажется. «Производит» впечатление вежливого пиника, «много» наглости. Люди «с этим» не считаются. Очередь — в слезах. Он — наслаждается.

Партия боится Сталина. Ежов и Сталин — не одно?

22 января, утро

20-го заседание об Институте Истории Науки «и Техники». Ужасающий по невежеству «научному» состав. Частично пиничное кормление. Но «Институт» решили сохранить — даже меня предлагали в директора!

В ЦАГИ продолжают аресты и разрушение работы. Недавно опечатали кабинет Ветчинкина¹ (С. А. «Чаплыгин» очень высоко его ценит), и был приказ изгнать его на территорию завода. Солдат не пустил. На следующий день пустили и сняли печать с его кабинета.

¹ Ветчинкин Владимир Петрович (1888—1950), механик, авиаконструктор, энергетик; один из организаторов и сотрудников ЦАГИ.

25 января, утро

Были из Института Истории Науки «и Техники». Наставляли на том, чтобы я встал во главе. Решительно отказался — не помочь всячески готов. Придется ехать в Президиум. Они говорят, что иначе сегодня их закроют.

В Москве не хватает продовольствия. Тревожное недоумение. Перебой с маслом, рыбой, крупой. Ухудшился черный хлеб. Исчезла селедка. Все более волнуются и жалуются хозяйки. В Иваново-Вознесенске массовое отравление черным хлебом.

Аресты продолжают. Есть случаи возвращения арестованных. Фольклор ежовский: после ареста кремлевского доктора Левина¹, лечившего Ежова, жена «Левина» обратилась к Ежову по телефону, говоря, что это, должно быть, ошибка; Ежов ответил: «НКВД не ошибается». Все больше говорят о болезни или вредительстве руководителей НКВД.

¹ Врач семьи Вернадских; лечил В. И. Ленина, А. М. Горького, В. Р. Менжинского и др.; был арестован и проходил по мартовскому «процессу» 1938 г.; в том же году расстрелян по приговору суда; посмертно реабилитирован.

26 января

Днем «был» С. П. Попов¹. Мрачно смотрит — и не внешне — на будущее. Мне кажется, не учитывает новизны явления — ноосферы².

Всюду — Воронеж, Симферополь — ухудшение питания и топлива. Все теряется в неведении. Неужели просто расстройство управления? Аресты двух директоров Воронежского университета, арестованных в течение полутора. В Симферополе жгут заборы.

П. А. Двойченко³ фактически получил волчий билет — не пускают ни в Симферополь, ни в Воронеж в университет за идеи и высказывания, чуждые по идеологии. Главное, «что ему» инкриминируется: он за разговором со студентами говорил, что Энгельс все взял из Гегеля и Гегель — более глубокий оригинал его идей!

Любопытно — гараж ЦИК. Машины иностранные, более мощные и быстрые. Резко отличаются «от наших отечественных».

¹ Геолог, ученик В. И. Вернадского.
² Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.
³ Двойченко Петр Абрамович, гидрогеолог, ученик В. И. Вернадского.

28 января, утро

Университетская «реформа» совершенно не отвечает потребностям преподавания. То же бездарное творчество, как и в работе над структурой Академии. Еще резче проводят назначение исполняющими обязанности людей без степеней.

Как будто бы признаки уменьшения террора. Есть выпускаемые «из тюрем».

С продуктами все сильнее чувствуются нелады.

29 января, утро

«Вчера» днем с Чаплыгиным, Зелинским, Петрушевским у Комарова. «Говорили» о Сперанском. «Комаров» обещал «помочь». По-видимому, «это» реально. Печатание по договорам его работ считает вполне возможным.

30 января, утро

Не приходят иностранные журналы. Скверно работает Международная книга. Нет ассигновок на членские взносы в заграничные общества.

Арестован шофер Зелинского. Крутом «аресты» в разных слоях.

2 февраля

Заседание «Геологической» группы. Столкновение с Архангельским¹, который меня обвинил в политической неблагонадежности — желание не исполнять распоряжение Совнаркома. Пришлось решительно протестовать. Губкин² подчеркнул, что никто о таком неисполнении не говорил.

Губкин держал себя вполне прилично и примирительно. Но и у Архангельского, и у Губкина — лезть к власти имущим, — раньше это был Орджоникидзе, теперь Каганович и Молотов, — как к вышестоящим, «лесть» явная и потому комично-трагическая. Ясно, что этим самым Кагановичам ни на того, ни на другого опереться нельзя. Подобострашие из страха.

¹ Архангельский Андрей Дмитриевич (1879—1940), геолог, академик.

² Губкин Иван Михайлович (1871—1939), геолог-нефтяник, академик.

4 февраля, утро

В Томске нет почти продуктов. Мясо на базаре только медвежатина, нет даже лосниного. Здесь, «в Москве», в этом году нет дичи. По-видимому, курс «рубля» пал — этим «объясняется» повышенная на 20% плата за книги. Ошибка в установке на франк? Или падение «курса» в связи с моральным падением страны — развалом?

Есть помимо «известных» тюрем «еще» подпольные — «их» больше 20 при районах «Москвы». Стоят стон и сумятица в связи с арестами. Все разваливается.

6 февраля, утро

Днем «вчера» в Президиуме. Прошло восстановление Института Истории Науки «и Техники». Пришлось стать председателем временной Комиссии. Мое решение имело значение, неожиданное по эффекту и для меня. Думаю, что я поступил правильно.

9 февраля, утро

Был «вчера» у нового начальника Главлита. Молодой, скорее симпатичный. Благожелательный. Показал и бумагу от 9 мая. Я оказался во 2-м разряде. Добился перемещения в 1-й. «По его словам», «Manchester Guardian» — английский «реакционный» журнал! И в руках этих гоголевских типов — проникновение к нам свободной мысли!

10 февраля

Вечером «была» Аня¹ — с ней о работе. О Кропоткинском музее. Нет прочного положения. Вдова Кропоткина не хочет обращаться за утверждением «музея». Только недавно согласилась на пенсию. По-видимому, собран ценный материал. Давно собираюсь «туда» пойти.

¹ Шаховская Анна Дмитриевна (1889—1959), дочь друга В. И. Вернадского Д. И. Шаховского, внука декабриста князя Ф. П. Шаховского, секретарь П. А. Кропоткина в последние годы его жизни, с 1938 по 1945 г. секретарь Вернадского, хранитель музея В. И. Вернадского после его кончины.

14 февраля, утро

В Комиссариате Иностранных Дел — полный разгром наиболее знающих специалистов. «В продаже» ничего нет — ни продуктов, ни предметов. Население все теперь встревожено. Хороший урожай — но колхозники «боятся», по словам «много» шофера Николая Никифоровича, закупают. Для «покупки» масла в диетическом магазине — по «запискам» врачей. Магазины становятся в ремонт (Елисеевский) или не открываются из-за недостатка продуктов. Аресты продолжают — не стихают. В военных кругах сплошь «идут аресты». Академия военная Генерального штаба одно время осталась без слушателей и без профессоров.

15 февраля, утро

Была Шевякова. Сын ее в Соловках — «сидит» за православие, вернее, религиозный кружок. Теперь прекратились всякие о нем известия. Ненужная и опасная жестокость. Известий о Флоренском¹ тоже

нет. Преследования православных продолжаются и даже усиливаются. Одна из форм «преследований» — один священник, дьякон и дьячок на церковь — не справляются в Москве с трудами: «работают» с утра до вечера. Изнемогают.

Резкое ухудшение торговли: колхозники, говорят (рассказывал шофер), все скупают урожай. «У населения» есть деньги — и «наряду с этим» голод продуктов и пропитания во всех городах и во всей стране.

¹ Флоренский Павел Александрович (1882—1943), ученый-энциклопедист и религиозный мыслитель, друг В. И. Вернадского.

16 февраля, утро

Впечатление сейчас очень тесного вмешательства партии в мелочи — «Кривды»¹ и ЦК.

¹ «Правды», органа ЦК ВКП(б).

18 февраля, утро

15-го «было» закрытое заседание Президиума. Решили закрыть Институт Истории Науки и Техники. Допускаю возможность правильного решения: распустить весь штат и набрать новый. Они должны были это сделать сразу.

20 февраля, утро

Все больше слышишь о вредительстве Ежова. Опять ненужная, возмущающая кругом жестокость. Опять разговоры о сознательном вредительстве.

22 февраля, утро

Работал немного над книгой.

«Интеллигенция» в деревне (Андреевке, Лаврентьевке etc.) растет несомненно. Нет оттопления. В колхозе «Стахановец полей» в селе Андреевке «выходит» своя газета. Статья агронома, который несколько раз приезжал в Лаврентьевку, когда был найден метеорит, и написал заметку.

Все исчезает. Нет сыра. Есть дорогой и скверный — 2-й сорт. Большое недоумение кругом. По-видимому, негодный подбор людей — основная причина, но выбрать лучших не могут. Большая тревога кругом.

Невозможно все регулировать? Жизнь заставляет — на нашем горбу? — предпринять «какие-то меры». Новые школы в Москве — плохие в смысле учения: нет педагогов, нет учебников. Не учится 40% учеников. Детей, не желающих учиться, не учат.

23 февраля, утро

Звонил Деборин¹ — говорил о ликвидации Института Истории Науки «и Техники», просил стать во главе ликвидационной комиссии и затем восстановить организацию для изучения истории техники. Я соглашаюсь только при условии «создания» центра работы по истории науки и техники. Придется, может быть, сегодня быть в Президиуме. Удивительно — социальная реформа мысли дала правильное представление об истории науки и техники «как едином процессе», а они этого не понимают.

¹ Деборин Абрам Моисеевич (1881—1963), историк философии и социологии, академик.

24 февраля, утро

В колхозах Западной Сибири — Бийский округ — оба года большой урожай. Население колхозов — в старых домах. Новое — много украинцев. Старых сибиряков почти нет. В смысле продовольствия богато. Денег нет — плата натурой. Голод мануфактуры и т. д. В этом году — огромные аресты среди крестьян.

25 февраля, утро

На почте больше чем вдвое повысилась цена на бандероли. Пал курс «рубля»? Или военные экстренные расходы в связи с необходимостью увеличения — неожиданно быстрой — флота и военного оборудования при исключительно большом проценте брака, большом проценте воровства и гололовства?

Население Москвы в тревоге — в связи с затруднением получать продукты.

26 февраля, утро

Слухи о новом процессе — публичном (Бухарин и т. д.). Слух от Кагановича. Бухарин, говорят, в Суздальской тюрьме. Жив. Необходимо «провести процесс» для поднятия настроения масс.

Хвосты за провинцией. Недовольство и недоумение — серьезные.

27 февраля

Всюду разговоры о недостатке продуктов и об арестах — безумных по бессмысленности и явно не нужной жестокости. Болезнь — и глубокая? Подтачивается основание?

Уже ровно год, как арестован Михаил Владимирович¹ в Малоярославце. Это — попытка удалить из общества верующего православного, никакой политической не занимающегося. В ней, даже в наших условиях, они его обвинить не могли. Это — изолирование духовно сильной личности. Еврей, принявший православие, когда это опасно, искренне и глубоко верующий, ученик С. Трубецкого², человек высокой моральной высоты и широчайшего образования, отец пятерых детей с большой женой Наташей Шаховской.

Игорь Владимирович Ильинский, литератор, арестовывается чуть ли не в 10-й раз. Вне политики. Одно время его занималась в начале революции. Автор поэмы «Карл Маркс в Советской России». Теперь работал над Толстым — был хранителем в Ясной Поляне. Долго не пустили в Москву. Брату его, Ф. В. Ильинскому (театральный литератор), прокурор сказал, что у него дело не серьезное. Сидит шесть месяцев. Но иногда принимают денежные передачи. Оказывается, что это «воздействует». В тюрьме требование «скорейшего» рассмотрения и окончания дела — сидят без доступа в скверных условиях. Тогда их наказывают!

¹ Шик М. В., священник, муж Н. Д. Шаховской, дочери Д. И. Шаховского.

² Трубецкой Сергей Николаевич (1862—1905), религиозный философ и публицист, друг В. И. Вернадского.

1 марта, утро

Сегодня в газетах известия о новом «процессе». Безумцы. Уничтожают сами то большое, что начали создавать и что, в своей основе, не исчезнет. Но силу государства, в котором интересы масс — во всем их реальном значении (кроме свободы мысли и свободы религиозной) — стоят действительно в основе государства, сейчас сами подрывают.

Огромное впечатление тревоги — разных мотивов, но не чувства силы правящей группы — у всех. Глупые мотивы выставлены в газетах (передовые статьи) — а затем разношерстность людей: четыре врача, и в том числе Дм. Дм.¹ — Кто поверит? И если часть толпы поверит — но это часть такая, которая поверит всему и на которую не опереться. Тревога в том, в здравом ли уме сейчас власть, делающая нужное и большое дело и теперь его разрушающая. Может иметь пагубное значение для всего будущего. Чувство непрочности и огорчения, что разрушение идет не извне, а его производит сама власть.

¹ Плетнев Дмитрий Дмитриевич (1873—1944), терапевт, врач семьи Вернадских, проходил по мартовскому «процессу» 1938 года; приговором суда осужден к 25-летнему заключению; посмертно реабилитирован.

2 марта, утро

Рассказывают о том, что идут аресты 70—90-летних стариков, которых не трогали до сих пор. Случай в Череповце, где арестован 90-летний старик, умерший в тюрьме, а жена его умерла накануне дня, когда ее пришли арестовывать. Рассказы симптоматичны для впечатления об окружающем. Сейчас начинают в квартирах комсдантов, связанных с делами ГПУ. Вся страна измучена, и тут еще недостаток продовольствия и заботы о его получении.

4 марта, днем

Вчера газеты о процессе. Впечатление потрясающее. В чьих руках власть? И ни малейшей гарантии, что это может быть так просто изжито?

5 марта, утро

Днем купил сапоги (119р.) по особому разрешению, хорошие. Маленькая мастерская переполнена главным образом дамами современной служилой и партийной аристократии. Своего рода претензия на роскошь и вкус. Все это убого.

Процесс страшный и «производит» странное впечатление. Вероятно, Ежов подстроит Ягуду. Болезнь крестьянства. Партия прогнила. Но страна держится сознанием — при неведении — масс.

9 марта, утро

Глубокое впечатление от процесса Бухарина и К^о на всех и на меня. Заставляет многое критически переработать и передумать.

12 марта, утро

Читал Толстого. Как мне теперь (да и давно) кажутся конкретные идеи христианской (да и всякой) религии и философии мелкими перед внутренним Я в научном его выявлении!

13 марта, утро

Президентом Академии сельскохозяйственных наук назначен Лысенко. Начинается (продолжается?) гонение на Н. И. Вавилова. Его не включили в семечную контрольную комиссию. Лысенко нервно неуравновешенный человек.

Как-то звонили от Комарова — хотели, чтобы я подписался под заявлением академиков. Я лежал, не мог подойти к телефону и сказал, что, не зная, что «подписывать» — не подписываю. Боялся, что встанут «мою фамилию». «Так» было — но не тогда, когда я прямо говорил, а когда меня не было; так «было» раз у Комарова — я ушел много раньше предложения «подписать»; «это» был «прием» — очевидно, «сделано было» не злостно. Но все же заявление было с душком. Боялся, что «сейчас» появится «моя подпись» — но нет («Известия»).

Для меня неприемлемо всякое убийство — и смертная казнь в том числе: твердо и непреклонно. Чем больше жизнь идет, тем больше и яснее «это убеждение».

14 марта, утро

В связи с только что закончившимся процессом вспоминается время Террора в Ленинграде после убийства Кирова. Все это в процессе смазано. Теперь выясняется, что Ягода знал раньше и, можно сказать, участвовал — допустил, во всяком случае, убийство.

Выбор Кирова совершенно исключительный. Крупный идейный человек — после «его» смерти ни одного плохого отзыва «о нем» я не слышал, а, наоборот, многое хорошее узнал. Выяснялась крупная фигура с большим будущим. Говорили перед этим, что Сталин выдвигает его как заместителя или себя, или Молотова. Я видел его один раз.

В это время в Петербурге был Ферсман, приехавший для свидания с Кировым: в связи с Хибинскими. Он готовил доклад. «Ферсмана» поразило, что были приняты меры; прежнего секретаря Кирова не было — говорили, что он застрелился. Доступ к Кирову был затруднен — формальности, которых раньше не было.

Слух об убийстве распространился в городе сейчас же. Говорили, что «убийца» — партиз видный. С Николаевым мы в Радиовом Институте сталкивались, так как он был важным лицом в районной контрольной комиссии.

Говорили, что сперва «в Ленинград» прилетел Ягода — затем с экстренным поездом «прибыли» Сталин и Молотов.

Сразу было сменено все «Ленинградское» ГПУ — от низу до верху, приехало новое «пополнение».

Сейчас же, к удивлению населения, стали искать людей не из той среды, которая убила: были расстреляны в Москве, Ленинграде, Киеве случайные люди, и начался террор среди бывших людей — выслано было 40 000 человек, и теперь страдают совершенно невинные. Было ясно, что двинули следствие не в ту сторону. Тогда уже указывали на странный характер: убили видный коммунист, «а» вся тяжесть следствия направлена в другую сторону — заматали следы. Новые гопушники в незнакомой обстановке, перегруженные работой, засыпали среди обысков и допросов.

Тогда подозревали — теперь стало ясно. Очевидно, верхи отрезаны от жизни. Две власти — если не три: ЦК партии, правительство Союза и НКВД. Незвестно, кто сильнее фактически.

Цель оправдывает средства — «это» применялось вне партии, а тут «на процессе» выяснилось, что «применялось» и внутри «нее».

На суде все это было замаскировано.

Но та прочность, которую я себе представлял — и видел «в ней» силу будущего, — очевидно, не существует. Разбитого не скленишь. Подбор людей (и «молодежи») в партии ниже среднего уровня страны — и морально, и умственно, и по силе воли.

Процесс заставляет смотреть в будущее с большей тревогой, чем, мне это раньше казалось, надо было «смотреть».

17 марта, утро

Хорошо работал над статьей о задачах исследования арктических льдов. Очень несовершенная у меня картотека. Но эта работа для меня ставит точки над «в» в области, в которой было бессознательное знание.

Был Дм. Ив.¹ Очень плохо выглядит. Рассуждает о политике с негодными, искаженными сведениями наших газет. Господи, как они невежественны и фальшивы и «как» они рабские.

О погоде можно знать из «газеты» «Социалистическое земледелие». Покупаю «ее» для этого. Иван² поразительно не понимает положения.

¹ Шаховской Дмитрий Иванович (1861—1939), историк и литературовед, друг В. И. Вернадского.

² Гревс Иван Михайлович (1864—1941), историк, педагог, друг В. И. Вернадского.

19 марта, утро

Огромное впечатление «от прошедшего» процесса несомненно, и удивительно, что власть не учла

этого. Вместо Ягоды — Ежов, и его политика это «впечатление» поддерживает. Жестокость не пугает, а смотрит, как на рок — но доверия нет. Создается фольклор: где-то (называют точно!) при обсуждении одна простая работница выступила и сказала: «Я вижу, что можно верить одному Сталину, кому же еще — все вредители». Смущение и т. д.

На Украине аресты академиков. Много арестов среди микробиологов и врачей, связанных с сыворотками, — по военной линии. Полный разгром, и в случае какой-нибудь беды, вроде войны и т. п., «мы будем» совершенно безоружны.

На Главном почтамте не получаю аккуратнограничную почту. Должны посылать в запечатанных конвертах (без цензуры) — не исполняют. В бюро рекламаций думают, что «они» ничего «с этим» не делают. Можно жаловаться, но едва ли можно «что-то» сделать.

Очень хорошо работал над книгой. Заканчиваю то, что было подготовлено до 1937 «года», когда «работу» прервало первое заболевание.

Полный развал. «Агитаторы» в домашних собраниях указывают, что, конечно, договоры «у нас» есть с Чехословакией и Францией, но Сталин считает, что больше всего дорога жизнь людей и договоры можно толковать иначе. Публика — главным образом домашние хозяйки.

Всюду известия об арестах и суровом режиме в тюрьмах. Никого не пугает, но недоверие растет — совершенно пассивное. Никакой силы «власти» не чувствуется. Большую ошибку сделали с процессом. Сейчас как будто люди подумали и меньше верят, чем раньше. Это новое для меня впечатление.

21 марта, утро

Появившееся кофе — отвратительное. Низший сорт — вероятно, гешефт¹. Появились масло, рыба, хороший черный хлеб.

¹ От Geschäft (нем.) — дело, занятие, сделка; здесь в смысле «экстракт», «подделка».

22 марта, утро

Была Аня «Шаховская». Рассказывала о своих приключениях в кадрах. «Ею занимался» какой-то Митрич — полипейский, очевидно. Из Ярославля и имеет некоторое представление о Шаховских — но, очевидно, «не имеет» никакого понятия о научной работе и ее требованиях. Опять старая канитель — масса анекдотов!

Заходил Лузин¹ в связи с полученной им анкетой для академиков. Я ему сказал, что я не собираюсь спешить «с ее заполнением». Много дел более важных. Хотя подписал Комаров, но для чего все это нужно — непонятно. У них должны быть старые «анкеты». Лучше им «их» искать, чем нам тратить время.

Всюду «разговоры» об арестах. Ряд изобретателей в ЦАГИ — выпущенных — не могут работать, увидев, что опасно. Прямое по последствиям вредительство.

¹ Лузин Николай Николаевич (1883—1950), математик, академик, друг В. И. Вернадского.

23 марта, днем

Вчера утром гулял. Хорошо работал над книгой. Утром писал письма начальнику иностранной почты и наркому связи. Политический цензурный «Manchester Guardian» получен, но «Nature» и т. д. нет! Почта иностранная безобразна. Перехватывают любители? Почталовны?

24 марта, утро

Работал над книгой. Удивительно, что выясняется новое в многократно продуманном в течение многих лет. Я все укрепляюсь в убеждении большого будущего вводимых мной в сознание идей и понятий.

Со всех сторон слухи об арестах. Накапливается недовольство, и слышишь его проявления, несмотря на страх. Раньше этого не было. Я сталкиваюсь с глубоким изменением психологии «людей».

25 марта, утро

Вчера день для здоровья прошел хорошо. Но все же я чувствовал — когда стал присматриваться к себе — неустойчивость сердца. Переписка и деловые бумаги.

Еще раз пересмотрел «Диалектику природы» Энгельса. Остается прежнее впечатление: черновые тетради alterilimlich¹. Есть кое-что интересное — но, в общем, в XX веке класть в основу мышления, особенно научного, такую «книгу» — совершенное сумасшествие. Люди закрывают глаза на окружающее и живут в своем мире. Люди подрывают свою работу. Впервые стал читать Энгельса «Анти-Дюринг». Тут, несомненно, есть интересное. Но и здесь — старый философ конца XIX века, который получил естественноисторическое образование в

1860—1870-х годах. Виден философ и гуманист — но понимания естествознания нет, особенно нет понимания описательного естествознания и конкретных наблюдательных наук о «природе».

¹ Старые, устаревшие, покрытые плесенью (нем.).

26 марта, утро

Вчера не дошло до аритмии — но был осторожен. Не гулял, но только проехали¹ Калужское «шоссе» — автострада Минская — домой.

Заседание Президиума. Прошел вопрос о Радиовом Институте и Метеоритном Комитете. Хорошо «все прошло». Виталий Григорьевич¹ прекрасно очертил работу Института. За 1937 <год> большие достижения.

Жалкое и неприятное впечатление «производит» Данилов — управляющий делами и представитель кадров «Академии». Совершенно щедринский тип из города Глупова. В партии собираются подонки — воры и тит титычи. Пока их уберут — они уже напакостят.

Дефицит спичек. Привезенное кофе, дорого продающееся, вероятно, какой-то гешефт. Закуплены или низкие сорта, или брак. Хлеб — дорогие сорта — хороший. Несколько подтянулось.

¹ Хлопин Виталий Григорьевич (1890—1950), радиолог и радиохимик, академик, зам. директора Радиового института (в 1939—1950 гг. — директор), ученик В. И. Вернадского.

28 марта, утро

Говорят, Булганин арестован. Я ему на выборах положил черный шар — не внушали доверия биография и его деятельность во главе Москвы, поскольку она проявлялась и мне была известна.

Ужасающее впечатление — новая молодежь, входящая в управление Академией: Данилов, Евсеев, Жданов и т. п., Мелкие щедринские типы.

29 марта, утро

Публичны только процессы, на которых люди подпадают «обработке». Несомненно, вся историческая обстановка «процессов» — фальшивая, например, роль и значение Сталина (а не Троцкого, Каменева и т. д.) в эпоху междоусобной войны. Но, с другой стороны, мне кажется, по моральному идейному уровню «для них» все средства хороши.

Один из источников слухов (о Блюхере — его аресте) — немецкое радио, которое, оказывается, к нам проникает... Говорят о Булганине и Хрущеве. «Слухи» распространяются, как рак. Будущее неясно.

1 апреля, утро

Был Хлопин. С ним «разговор» о возможности и желательности ядерного исследования новой методикой шествия метеоритов. Уже после «его» ухода пришла мысль о возможности следов зауронов элементов. Работу надо организовать.

Трудно учесть вред цензуры — вполне бездарной, невежественной и, возможно, сознательно мешающей научной работе в нашей стране. Перенеслись в эпоху Павла.

4 апреля, утро

Террор арестов и обысков не уменьшается.

5 апреля, утро

По радио за последние 1—3 ночи «передавалось» обращение от Союза освобождения России. Название от старого Союза освобождения 1903 <года>¹. По-видимому, «радио» не немецкое.

Гнет Сталина. Идеал Ленина. Сталин повернул, изменил революции. Висшая политика Литвинова — Сталина ставит Россию в опасное положение изоляции. Собственность не на орудия производства. «Кровавый Сталин». Бухарин — не изменник. Ежов террором разрушает «страну». Говорят, они, «дикторы», рискуют жизнью, но не боятся. Страна организуется и свободу добудет.

Ежов дал приказ найти их. Мужской и женский голоса. Два дня (может быть, и больше) «говорили» свободно. Теперь заглушается все больше.

Вечером звонил начальник Главлита — я должен получать «иностранные издания» без цензуры.

¹ В. И. Вернадский являлся одним из организаторов нелегального Союза освобождения, на базе которого в октябре 1905 г. возникла в России Конституционно-демократическая партия, декретом Совнаркома в декабре 1917 г. объявленная партией «врагов народа» (Вернадский неизменно входил в состав ее ЦК). Партия воссоздана в мае 1990 г.

7 апреля, утро

Днем «вчера» были М. А. Оганесян и М. Е. Ефремов из Ростова. С ними по поводу строения серпентинов и вообще о строении алюмосиликатов. Необходимость синтеза. Хорошая молодежь, которая хочет и может работать.

Всюду полный разгром и террор — и все же люди не перестают работать. В Ростовском университете кафедра химии — Дубов, заведующий какой-то лабораторией технической химии. Никакого авторитета. Оганесян стал работать с профессором физико-химиком (единственным химик — ученый на современном уровне). Он был арестован. В Ереванском университете все сколько-нибудь видные профессора арестованы. То же в Новочеркасске. Замешены молодежью, частью малознающей, «частью» карьеристами.

Среда молодежи проникнута шпионажем НКВД. Идет пропаганда поступления в комсомол. Комсомольцы под непрерывным надзором, лишаются свободы распоряжаться собою, вмешиваются в мелочи и крупную жизнь. Сейчас из комсомольцев набор (по выбору партии — безапелляционному) в годовые курсы НКВД. Берут из всех высших школ: 300 р. в месяц — «роскошная» жизнь в общажности НКВД. Чему учат, не рассказывают. Агенты НКВД кишат среди студенчества — их многие знают.

Очень резкая крутом критика — для меня даже неожиданная — лжи, связанной с «радостью жизни». Сегодня статья в «Известиях» — «превосходная» по грубой (или бессознательно глупой?), противоречащей обыденной действительности «лжи» о росте благосостояния — большей покупной силе обывателя. Критика «ее» так легка, что бросается в глаза.

9 апреля, утро

Неразбериха с Институтом Истории Науки «и Техники». Сектор истории техники получит единицы. Моя идея об образовании центра изучения истории знаний и техники в России и Союзе. Наподобие Пушкинского дома: Дом Менделеева — Лобачевского. Я считаю, что этим путем исследование «истории науки и техники» ставится в «нужные» рамки. Архив, библиотека и музей Института Истории Науки и Техники сохраняется.

В Киеве массовые аресты среди врачей, интеллигенции.

10 апреля

Глухое недовольство и беспокойство обывателей. Выселили из Москвы при планировке. Денег недостаточно, материалов для постройки нет. В Бутово без крова, страдают, переживают зиму целые семьи. На своем горбе.

Господи, как бездарна и лжива пресса. Ни одного таланта.

11 апреля, утро

Вчера неожиданно около 12—1 неприятные болевые ощущения в области сердца и аорты. Длелись довольно долго. Отголоски в спине под левой лопаткой. Всегда неприятно, когда не сознаешь значимость явления. К вечеру успокоилось. Но и сегодня есть слабые болезненные ощущения.

В центре неладно: очевидно, впереди могут быть большие неожиданности. Сегодня ясно, что слухи об аресте Булганина и Хрущева неверны! Временное сосредоточение двух министерств у одного лица (Ежов и Каганович). Нёт людей? Говорят, в водном транспорте развал: пьянство.

Много арестуют простых людей. Свиляр в совхозе или колхозе «осужден» на три года за то, что, подымая кабана сапогами, говорил ему: «Ну ты, стахановец, вставай!» Донесли. По-видимому, факт.

Смута и неопределенность в душе у огромного большинства кругом.

12 апреля, утро

Вчера слабые отголоски в области сердца и аорты. «Невроз». Работал над книгой хорошо.

Сколько ненужных страданий и жестокости, ничем не оправдаваемой, от НКВД кругом. Стон и недоумение.

17 апреля, утро

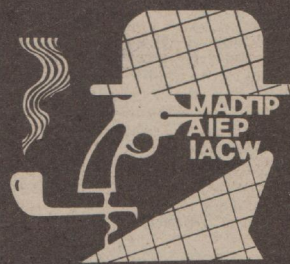
Совершенно угнетающая картина положения научной работы в области исторических и юридических наук.

Для меня ясно, что все это безумие безнадежно — и страна не может жить, развиваться под таким давлением.

Запрещено подавать жалобы и заявления в НКВД. Ящики для заявлений сняты. Почта не принимает заказных писем. Вносятся еще большая смута, опасениями и тревогой захватываются сотни тысяч, если не миллионы людей.

Зачем?

Предисловие и публикация доктора исторических наук И. МОЧАЛОВА

III SEMANA NEGRA

С 9 по 15 июля 1990 года в городе Хихоне (Испания) проходила III Semana Negra — очередная международная встреча писателей криминального и политического жанра. Во встрече, организованной Международной ассоциацией детективного и политического романа (МАДПР) при поддержке муниципального совета города Хихона, испанского представительства фирмы «Кока-кола», авиакомпании «Иберия», приняли участие такие известные писатели, как Сюзан Муди, Иржи Прохазка, Росс Томас, Мануэль Васкес Монтальбан, и другие. Советскую делегацию на встрече представлял заместитель шеф-директора Московской штаб-квартиры МАДПР Артем Боровик. В рамках III Semana Negra состоялась заседания Исполкома МАДПР. Артем Боровик единогласно избран членом Исполкома МАДПР. Исполком признал существование самостоятельной Латвийской национальной ассоциации, заявившей о своем желании участвовать в работе МАДПР. Кроме этого, были рассмотрены структурные изменения в Ассоциации, вызванные политическими переменами в странах Восточной Европы. Решено создать Европейский комитет МАДПР, призванный способствовать единению писателей этого региона. Среди членов комитета — советский журналист Дмитрий Лиханов. Исполком МАДПР присудил ежегодные премии «Gran Maestro» — за выдающийся вклад в развитие жанра — советскому писателю Юлиану Семенову и американскому писателю Джулиану Саймонсу.

На соискание премии в области документальной прозы «Walsh-91» выдвинуты книги Сергея Хрущева «Пенсионер союзного значения» и Дмитрия Лиханова «Клан».

На этом III Semana Negra завершила свою работу.

Очередное заседание Исполкома МАДПР решено провести в СССР весной будущего года.

И. А. Стеллецкий за подготовкой прифронтной спелеологической экспедиции. 1917 г. Тифлис. Кавказский фронт.

Имя Игнатия Яковлевича Стеллецкого для многих людей неразрывно связано с библиотекой Ивана Грозного. Стеллецкий посвятил ее поиску 40 лет. Но мало кто знает, что долгие годы он занимался изучением подземных сооружений Москвы. Еще в 1909—1911 годах Игнатий Яковлевич обследует подземные ходы из Новодевичьего и Донского монастырей, подземелья башен Китай-города, тайники в Арсенальной и Никольской башнях, пытается разыскать сведения о подземельях в архивах, но приходит к выводу, что «подземные ходы или тайники Москвы всегда составляли элемент фамильной или государственной тайны и в официальные документы сведения о них не заносились».

Так было в древности, так же и в нашем веке. В 1924 году Стеллецкому удается получить разрешение ГПУ на исследование московских подземелий, но публиковать статьи о подземной Москве запрещено. В 30-е годы Стеллецкий начинает сотрудничать с Метростроем — пригодились его знания. Он получает возможность фиксировать, а иногда и обследовать подземные ходы, которые встречались при прокладке трасс метро. Но его планам не суждено было сбыться. После убийства Кирова работа прекращена. На публикации статей о подземной Москве и раскопках в Кремле наложен запрет. В дневниковых записях Стеллецкого есть следующие строки: «Такие чувства остро переживал, пересматривая свои 10-летние бумаги о подземной Москве... С какой стати забуден мой научный век?! Почему мне долги годы зажимают рот?!» В последние годы жизни Игнатий Яковлевич пишет документальную историю библиотеки Ивана Грозного «Мертвые книги в московском тайнике», но опубликовать этот труд он не смог. После смерти Стеллецкого материалы о подземной Москве сорок лет находились на секретном хранении. Сейчас эти документы открыты и ждут своих исследователей.

Из обширного рукописного наследия Стеллецкого для публикации нами отобрано два документа. Оба публикуются впервые. Текст дается в сокращении.

Из докладной записки
И. А. Стеллецкого начальнику
Управления государственного
строительства по сооружению
Московского метрополитена
П. П. Ротерту о подземных ходах
по первоочередной трассе метро.
20 сентября 1933 г.

Подземные пустоты вообще, особенно же подземные галереи или туннели, имеют важное практическое, не говоря о научном, значение в деле строительства Московского метрополитена. Залегая обычно над тоннелями глубокого заложения и под фундаментами каменных громад, старинные подземные галереи уже самим фактом своего таинственного существования значительно снижают мощностную и прочностную тех и других. Яркую иллюстрацию сказанного представляет случай в Москве в 1911 г., на Кисловке, когда при постройке дома Гинсбурга, что рядом с бывшим домом Титова, не была проведена глубокая разведка почвы. Между тем в верхних частях культурного слоя были найдены кладбище при бывшей здесь церкви Иоанна Милостивого, несколько массивных надгробий XIV в. с надписями вязью и, что особенно показательно, купол загадочной ротонды и признаки подземного хода: как раз здесь стоял в Москве третий по счету дворец Ивана Грозного. Пренебрежение к подземному миру Москвы архитектора-строителя было жестоко наказано. Едва вчерне заверченный, дом внезапно рухнул одной стороной, продавившей пустоты. [...] Не застраховано от подобных катастроф, особенно в связи с метро, и современное строительство вообще.

буде подземная не будет подвергнута изучению, какого по всей справедливости заслуживает[...]

Замечено, чем древнее подземный ход, тем он короче. Основным заданием всякого подземного хода было, как известно, служить в случае опасности удобным средством бегства за пределы города. Такой предельной чертой при первых итальянцах, строивших Кремль Ивана III, была территория Китай-города, много позже — Белого. Вот почему итальянские подземные ходы укорочены, как будто обрублены. Таковы два известных аристократических подземных хода: под Никольской башней и ныне елисейский. Историческим музеем в Китай-городе и под Тайницкой башней и Москвой-рекой («литой») ход, т.е. залитый вместо извести расплавленным свинцом) в Замоскворечье.

Перед Иваном Грозным, этим от природы большим поклонником подземной романтики, стояла задача уже посложнее — необходимость вести подземные артерии до самого будущего Земляного вала. Две из них, с коими volens-nolens приходится считать строителям метро, сравнительно легко прощупываются. Одна галерея, направленная на сев-еро-восток, имела своей конечной целью лесные дебри нынешних Красных ворот. Здесь, под самым местом выхода тайника наружу, — в нынешнем Хороском переулке, — Грозный построил загородный охотничий дворец (в царское время — дворец Юсупова)... Последний на протяжении веков не раз перестраивался, он дошел до нас в своем основании от XVI в. ...Существует упорное предание о подземном ходе из дворца. Уже в советское время

¹ Хочешь не хочешь (лат.).

о нем сообщал завмуз, очевидец Панаев. ...Тщательный осмотр нижних помещений дворца показал, что подвалов нет или они, как, напр. <имер>, в древнейшей части дворца, скрыты под деревянным настилом. Зато во дворце обнаружены четыре загадочных люка: два из них, под мусором и бревнами, остались не обследованными, два других недавно осмотрены. Один представляет род круглопоясированного колодца свыше 2 м глубиной, другой, при такой же глубине, являет собой выложенный кирпичом подземный ход в направлении под Мясницкую улицу и в противоположную от нее сторону. Далеко пройти нельзя, так как от наличия удушливых газов свеча гаснет. ...Выясняется, что основная магистраль из Кремля под этот б. Юсуповский дворец дает ряд ответвлений под старинные здания, преимущественно XVI и рубежа XVIII в., идущие параллельно с Мясницкой под башню Меньшикова², под связанные с ней подземными ходами «масонские» дома XVII в., под целую россыпь старинных, XVII—XVIII ст. <олетий>, зданий в треугольнике Хохловка, Солянка, Воронцово поле, под б. дом. кн. Пожарского на ул. <ише> Дзержинского, под б. дом. Тайной Канцелярии (впоследствии Духовной консистории), ныне <еший> дом милиции, под дом известной своими зверствами над крепостными в XVIII в. Салтычихи и, наконец, под б. Гребневскую церковь времен Ивана III (XV в.) на углу Мясницкой ул. <ицы> и площади Дзержинского.

В глубоких, до 7 м, подвалах б. Тайной Канцелярии обнаружена массивная дубовая дверь подземного хода, засыпанная сверху буровой землей и мусором. Приблизительное направление хода — в сторону Фуркасовского пер. <еулка>, т.е. в основном — упомянутого б. дворца Юсупова.

В одном из помещений названной Гребневской церкви при работах в

14-й шахте метро обнаружена арка подземного хода, забитого щебнем и мусором. Ход этот, несомненно, есть лишь одно из связующих звеньев в подземной магистрали из Кремля в дом страшной б. Тайной Канцелярии и далее по описанному маршруту до Охотничьего домика Грозного включительно. Другая потайная галерея времен Грозного для бегства за город имела прямое направление на запад, в район лесов и болот села Кудрино.

Выход наружу этой галереи приходится под другой загородный дворец Грозного, у самой <впоследствии> стены Земляного города. На этом месте стояло потом знаменитое «кружало Кудрино» (кабак у церкви Георгия на Всполье, т.е. при начале поля), где при Грозном происходили судебные поединки в спорных делах. В наше время церковь разобрана, а устье подземного хода приходится ныне в подвале дома на углу Герцена и площади Восстания, б. Долгоруких, накануне революции — Мейндорф, а при Временном правительстве — министра Терещенко ... Осмотр подземный в 1924 г. обнаружил кирпичную арку устья хода.

Подземный маршрут из Кремля в Кудрино имел при Грозном ряд промежуточных баз. Первой был т.е. <ак> н. <азываемый> Опричный дворец Грозного. ...Грозный для Опричного дворца избрал пустырь, образованный пожаром за два года перед тем бывшим на Воздвиженке, представлявшей тогда остров. ...Из нового дворца был наспех прорыт обложенный деревом подземный ход в Кремль. Ход проходил под Неглинной и кремлевской стеной. Традиции итальянских школ зодчих и гидротехников были живы в Москве, всего только 30 лет назад Петрок Малый построил китайгородскую стену 1534 г. с сетью подземных ходов из ее башен. Среди старослужащих упомянутого архива³ всегда было живо предание о подзем-

² В документе ошибка; следует читать: Меньшикова.

³ Московский архив Министерства иностранных дел.

Вход в тайник в подвале дома б. Мин. ин. дел (на месте Дворца Ивана Грозного). Лето 1933 г.

ТАЙНЫЕ ХОДЫ

ПОДЗЕМНАЯ

ном ходе отсюда в Кремль. В первые годы революции ход действительно был найден. Изучая в 1924 г. результаты бурения здесь для московского метро, удалось установить наличие **деревянного подземного хода**, сгоревшего в пожаре Москвы 1571 г. Из скважины были извлечены куски жеванного буром дерева и крупные куски угля от обгоревших бревен. Пожар дворца вынудил Грозного построить новый загородный дворец к северо-западу от сгоревшего, в районе Малой Кисловки. Из Кисловского дворца Грозного, равно как и из Арбатского, о котором упоминает Генрих Штаден, ответвления шли в загородное село Кудрино. Выход этих потайных галерей обнаружен в упомянутом доме б. Мейнсдорфа, на углу ул. <ицы> Герцена и площади Восстания.

Весьма интересный вариант выходов представляет итальянский подземный ход в районе Дмитровки. Он сопровождался снаружи целой россыпью зданий XVI—XVIII вв., снабженных подземными ходами. Особенно пышный букет таких подземелий представляет район между переулками Георгиевским и Столешниковым, соединяющим Дмитровку и улицу Горького. Если сеть подземных ходов по линии «Опричный дворец — Кисловка — кружал Кудрино» более тесным образом связана с травами метро второй и третьей очереди, то Дмитровские и Юсуповские сети не менее тесно связаны с первоочередной трассой метро. ...В Охотном ряду особого внимания заслуживают два старокняжеских, XVII в., дома Голицина и Троекурова, уже с первых лет революции обреченных на сломку... Но именно это последнее... обязывает с особой осторожностью и вниманием отнестись к подземным тайникам этих «последних из моти-

кан», чтобы советские строители не оказались в конфузном положении царского архитектора. Это тем более, что наука о старой Москве на современной стадии ее развития располагает определенными данными, что подземные пустоты действительно налицо под ними обоими: под домом Троекурова, по преданию, — темница Бориса Годунова и подземный ход под Кремль, параллельный такому же ходу «Васеньки» из голицинского дома. Люк последнего в виде четырехугольника (впору человеку пролезть) был обнаружен автором этих строк в 1925 г., в глубоком тесном каземате под домом. Галерея показывала определенно направление под Кремль, будучи доверху наполненной какой-то густой, застывшей жидкостью с мусором, не издававшей, впрочем, никакого запаха.

Во дворе голицинского дома, как раз напротив этого каземата с люком, была заложена шахта № 11. В конце июля 1933 г. шахтеры наткнулись на глубине около 5 м на стену из массивных дубовых, до 40 см, брусев, от которых вверх шли толстые доски в виде забора. Отверстие в заборе обнаружилось пустотой в виде подземного хода, в прямом направлении к Кремлю. Высота хода — в рост человека. Свет электрического фонарика позволял видеть вперед метров на пять. Стенки хода были скрыты под слоем мусора, который, будучи разворошен, издавал неприятный запах. Сооружение поражало массивностью конструкции. Первый беглый осмотр его ответственными лицами привел к выводу, что это колодезь. В действительности это не колодезь, а splendido сооруженный царской Софьей и В. В. Голицинным в конце XVII в. потайной, главным образом для амурных дел, подземный ход

из Кремлевского дворца...⁴ в нынешний, некогда привлекавший внимание и восторг иностранцев, дворец временщика, кончившего свои дни в ссылке.

Большое внимание в подземном смысле заслуживает далее станция «Библиотека им. Ленина», как пункт скрепления Мясницкого и Арбатского радиусов метро. Грандиозное здание Библиотеки им. В. И. Ленина возводится на месте, густо истонченном, на известной глубине, историческими пустотами. Тоннель первоочередной трассы метро, который имеет пройти под ними, составляет определенную угрозу архитектурному гиганту, если таинственные пустоты под ним времен Ивана Грозного своевременно не будут учтены и обезврежены.

Лабиринты под строительной площадкой Дворца Советов, возможно, связаны с тайником дома Долгоруких XVII в. На Волхонке, в Знаменском переулке... в 1913 г. во дворе дома мною был обнаружен люк подземного хода. Не исключена также возможность связи лабиринтов Дворца Советов с галереями, обнаруженной в Антиповом переулке и под домом Селезнева (XVII в.) на Кропоткинской ул. <ице>.

Из статьи И. Я. Стеллецкого
«Подземная Москва».
17 ноября 1946 г.

...Ставши городом, стала расти Москва и крепнуть, входить в силу с каждым столетием. Протекали века, но ни о каких подземельях, кроме хозяйственных погребов, не мечтали москвичи. Как вдруг коварный хан

Тохтамыш захватил Кремль хитростью. И вырезал почти всю Москву. Грянул гром, и спохватилась, перекрестилась Москва, урок страшный, какого скоро не забыть. Москва ужом поползла под землю, укрывшись там со своим добром, на всякий лихой случай в будущем теперь мудро заготовила себе тайники, убежища, подземные ходы сообщения. Потому-то год Тохтамышева погрома (1382) можно считать за исходную дату истории Москвы подземной.

Подземелий четырнадцатого века в Москве обнаружено немного. В 30-х годах сталинской эпохи в Кремле, в районе Арсенала, при сооружении помещения для ледника, были найдены следы погребов, стоявшего вне тогдашнего Кремля, и сгоревшего, по видимому, при Тохтамыше, в подвале была обнаружена обугленная кучка хлебных зерен.

Вообще старомосковские погреба были легкодоступны для беспощадного огня, в борьбе с огнем стали все чаще для хранения товаров строить каменные погреба. Но и такие не были на высоте. Да и мало их было, даже в Кремле. Софья Палеолог недаром трепетала за судьбу своей греческой библиотеки, совершившей беспримерный рейс из Константинополя через Рим в Москву. Ее глубокое недоверие к доверенным кремлевским погребам и хранилищам перешло в непреклонное решение выпустить из Европы специалиста по подземной части, уроженца Болоньи, знакомого ей лично по Риму, знаменитого гастролера-спеолога Аристотеля Фьораванти. Последний имел своим заданием построить в Москве неприступный замок в стиле средневекового типа миланского, со всеми присущими ему атрибутами: подземными ходами, потайными перехо-

⁴ Неразборчиво одно слово.

дами. Для византийской царской библиотеки Софьи Аристокл в первую очередь соорудил удивительный по масштабов, великолепный, в три яруса. белокаменный сейф в подземельях Кремля. Судилось этому сейфу быть троекратно замурованным вместе с книгами, в нем хранились (при Иване III, Василии II и при Иване IV), и дважды быть вскрытым (при Василии II и его сыне Иване Грозном). Василий III лицезрел в подземной палате книги и рукописи византийских царей и патриархов на 40-м году после водворения их в подземное хранилище, все они оказались в великолепной сохранности. В таком же виде их наблюдал 90 лет спустя и Иван Грозный, не в худшем виде, надо думать, сохранились они и до наших дней...

Выписанные Софьей Палеолог итальянцы заложили фундамент подземной Москвы западноевропейского типа. По образцу кремлевских, мурованные тайники и подземные ходы стали выводить богатое московское купечество, князья и бояре, монастыри и церкви. Образчиком для последних служил аристоклестский кремлевский Успенский собор. Каких только тайников не понастроил в нем Аристоклест. В куполе — специальная камера-хранилище для царских сокровищ, недоступных здесь ни врагу, ни огню. Такие же в стене, на «горнем» месте. Эти были связаны подземными ходами на большой глубине. Тоннель отсюда — к Тайницкой башне. В этой последней тоннель обрывается колодезем с сухим дном. Со дна колодца тоннель идет под Москву-реку. Выложен он из итальянского кирпича и не на известковом растворе, а на олове. В подводном тоннеле сыро и холодно, но разрушению водой он не подвержен. История зафиксировала интересный инцидент. Во время одного из кремлевских пожаров митрополит Макарий, писавший в Успенском соборе свои Четьи-Миней, заработался и упустил момент. С группой обреченных вынужден был бежать из собора упомянутым подземным ходом. В Тайницкой башне, подвывая веревкой, полубездыханного митрополита стали спускать в колодезь. Веревка оборвалась, и митрополит грузно и глухо упал на дно. Со дна колодца, как отмечено, шел тоннель под Москву-реку. Этим тоннелем вывели митрополита на противоположный берег, в Замоскворечье.

Лет полтора спустя с этим итальянским подземным ходом Бирон связал свой собственный, выведенный из своего «дворца Бирона» в Садовниках. В этом дворце в современное время были констатированы в укромных уголках свежесделанные кирпичом входы в подземелье дворца. По словам сторожа, он проходил подземным ходом из дворца далеко по направлению к Воробьевым горам.

Свои особые подземные ходы и пустоты имеют также соборы Архангельский и Благовещенский. Много провалов в белокаменные погребца обнаружено в Кремле в разное время. Обо всех подземных чудесах Москвы вкратце не рассказав, для этого нужен целый пикл лекций или печатный том.

Иван III строил подземные ходы руками приезжих мастеров-итальянцев

без энтузиазма, его вынуждала к этому как историческая ситуация, так и, главное, нажим собственной супруги Софьи Палеолог. Василий III, наоборот, сам охотно шел по линии горячего интереса к подземному. Без этого ему не сделать в подземельях Кремля замечательного открытия — замурованного книгохранилища своей матери-гречанки, ее драгоценного приданого, и не построить в седе Коломенском такого шедевра, как Вознесенская шатровая церковь с глубоким и загадочным тайником под ней, под всю площадь белокаменного подвала церкви. Этот подвал от удара об пол издает глухой звук пустоты, что привлекло внимание многих, в частности мое, еще в дореволюционное время. В советский период была предпринята попытка разгадать явление. Тяжелым патроном в метр длиной, на блоках, была пробита каменная замуровка шахтой до 10 метров глубиной. Замуровка из белокаменных глыб на крепчайшем растворе, с последовательными прослойками из некрупного ярко-красного итальянского кирпича. Чем глубже долбил патрон, тем сильнее и звонче был гул, забойщик взмолился, просия подвесить его, чтобы ему ненароком не провалиться в тартарары... На 10-м метре показалась глина, а в ней, наискось, в шахматном порядке, метровые сваи. В глине гул стал тише и отчетливо пошел по направлению к северу, под бывший великокняжеский дворец Василия III, почти примыкавший к храму. Раскопками обнаружены фундаменты и каменный пол дворца, повторяющий пол церковного подвала. Необходим был бур, которым можно было со дна шахты установить глубину залегания свода таинственного подземелья, однако во всей Москве буре экстренно не нашлось. Работу желательно было закончить, остались сущие пустяки...

Сын и преемник Василия III Иван Грозный к подземельям всякого рода питал природную страсть. Москва полна преданиями и открытиями тайников, связанных с его именем. Как-то в девятнадцатом веке в Кремле между соборами, там, где некогда блистал золоченой крышей дворец Ивана Грозного, под одним из столбов массивной чугунной решетки, ныне не существующей, неожиданно обнаружили провал, открывший белокаменную лестницу, идущую вглубь. Не исключено, что эта таинственная лестница (не будучи обследованной, она была засыпана) — каприз Грозного, желавшего иметь удобную связь из дворцовых покоев со своим подземным книжным сокровищем.

Огромный интерес представляет также Опричный дворец Ивана Грозного, стоявший частично на месте нынешней Библиотеки им. В. И. Ленина. ...Проживая в этом дворце, Грозный тосковал в разлуке со своей излюбленной библиотекой в подземном Кремле. Он из дворца провел наскоро подземный ход, обшитый деревянными брусками, по направлению к Троицкой башне, к мосту, связывающему ныне эту башню с Кутафьей.

Предисловие и публикация
Тансии БЕЛОУСОВОЙ

Карел
ЧАПЕК

Чешский писатель Карел Чапек, несомненно, принадлежит к плеяде классиков XX века. Советскому читателю хорошо известен Чапек-фантаст.

Менее известно, что публицистика Чапека занимает видное место среди лучших достижений этого жанра. Чапек в течение всей своей жизни не прекращал работу журналиста и относился к ней с большой серьезностью.

Однако значительную часть его серьезной, хотя и согретой юмором публицистики у нас невозможно было издать из-за убежденного отставания автором демократии и разоблачения тоталитаризма.

Мы предлагаем вниманию читателей три эссе Чапека, которые автор объединил, хотя они и были написаны в разное время, общим заголовком «Три проповеди».

КОМУ СЛУЖИТЬ?

Однажды я вступался в такой конфликт: с одной стороны, он — солдатик, который из принципа отказывается брать в руки оружие. С другой — военное ведомство, которое отправляет его за эти принципы на долгие месяцы в тюрьму. Я публично высказал желание, чтобы обе стороны не доводили своих принципов до абсурда и не создавали совершенно зря неразрешимую ситуацию, которую при наличии доброй воли легко разрешить практически (что после долгих споров действительно произошло). Но этот молодой человек передал мне из своего заточения, что хотя он мне очень благодарен и так далее, но я хочу служить сразу двум господам, а это, мол, не получится.

Я бы хотел заверить и его, и всех прочих, что это как раз получается, но что служить только двум господам недостаточно. Я молю небо, чтобы мне никогда не приходилось служить одному-единственному господину и чтобы у меня хватало сил служить очень многим; и, ей-богу, это вовсе не должны быть большие господа, лишь бы я мог приносить хоть малюсенькую пользу. Что касается меня, то я охотнее стал бы почтальоном, который служит уж не знаю скольким хозяевам, чем лакеем, обслуживающим лишь одного господина. Быть почтальоном, наверное, потруднее, но тут уж нечего рассуждать, раз надо кому-то служить.

Пословица гласит, что «двум господам не служить». Но это зависит от свойств вышеупомянутых господ и от характера служебных отношений. Бывают хозяева, которые воображают себя чем-то вроде Господа Бога: существуют только я, в единого Бога будешь ты веровать, единому господину служить, само собой разумеется, этот господин — я; каждое твоё дыхание и чих принадлежит мне, и никому иному служить не смей. Будешь ты стоять за меня, взирать на меня и думать только обо мне; и что бы ни делал для меня, хоть никому не нужный пустяк, это великое дело и служение мне — дело великое.

И правда, требуется очень великий господин, чтобы служить только ему одному. Но наступит день, когда человек впадёт в ересь и совершенно неофициально заявит, что его хозяин вовсе не Господь и что вообще таких больших господ на свете нет; скажет, что хотя этот господин и обладает многими достоинствами, но он стоит на обычных человеческих ножках и нуждается скорее в помощи, чем в поклонении. И помогать — значит служить; но тут ты служишь уже не потому, что господин так велик, а потому, что он слаб и ему требуется помощь. Только в торжественные минуты можно сказать, что «родина велит»; в нашей обычной, довольно тяжкой жизни скорее надо ждать, когда человек сделает, что может, для того, чтобы произошло то, что требуется. Только в области абстракций идея «повелевает», в обыденной жизни она скорее просит, чтобы в пределах практически возможного ее принимали во внимание. Только в Писании Бог велит: «не убий»; в жестокой, реальной жизни об этом же просят тысячи тихих и нежных голосов.

Выход из подземного
хода на Москву-реку
из левой дуги. 1933 г.

ТРИ ПРОПОВЕДИ

Вокруг нас раздаются бесчисленные призывы, жалобы и просьбы о помощи; и я не могу поверить, что моральный долг человека — заткнуть уши и служить единому господину.

Только закон приказывает, но и он может требовать лишь конкретных вещей, как, например, не ехать по левой стороне улицы или отбывать воинскую повинность. Закон не приказывает думать то-то, а лишь делать то или другое; так давай, сделай это поскорее, чтобы иметь возможность служить там, где тебя ждут и ты нужен. Ты хочешь служить нравственному принципу «не убий»? Что ж, это прекрасная идея; но если ты вправду хочешь осуществлять ее, практически и действительно, то недостаточно просто не убивать, надо помогать людям жить; и тут уж полностью возможностей служить людям самыми различными способами. Ведь завет «не убий» в данный момент означает, скажем, стараться, чтобы люди не погибли от голода и от страшных жилищных условий; и хотя ты подобными действиями не спасешь мир, но можешь сделать хоть что-нибудь доброе и помочь конкретному Вашечку или Машечку. Не можешь ты им, если будешь самоотверженно служить одному, господину, потому что Вашек и Машек — это уже двое; а если тобой овладела еще более сильная жажда послужить людям, то хоть разорвись, а служи десятки тысячам господ, но только так, чтобы они с того действительно что-то имели.

Можно и нужно служить многим господам. Можно служить родине и идее вечного мира, можно служить завтрашнему дню и оберегать сегодняшний и вчерашний день; со всех сторон нас подкарауливает что-то, что нуждается в помощи и заслуживает ее. Нельзя, будучи солдатами, слушать команду двух военачальников, сражающихся друг с другом; но, может быть, в конце концов мы сделаем открытие, что перед нами не сражающиеся военачальники, а бессильные, измученные люди, и одному из них нужен стакан воды, а другому — компресс на голову. И тогда будет очень легко служить двум господам.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЖИВОТНОЕ

Кажется, Аристотель определил человека как политическое животное. Это исключительно мудрая мысль; правда, не совсем ясно, хотел ли Аристотель сказать этим, что человек удивительное животное, занимающееся политикой, или что человек, занимающийся политикой, извините, животное. В обеих интерпретациях этой фразы что-то есть.

Я, извините, обычно в политику не лезу, потому что мало в ней понимаю, интересуюсь я не политикой, а живыми людьми. И меня все время измучает, какое абстрактное доверие и практическое недоверие испытывают люди по отношению к политике, к правительству, к общественному порядку и тому подобному. Обычно в принципе каждый человек фанатически верит в возможность какого-то правительства и какой-то политической формы, которая «во всем наведет порядок», ликвидирует все то, что называется злоупотреблениями, бюрократизмом, несправедливостью и нуждой, разом заведет «правильное устройство», разрешит все вопросы, все исправит, всех спасет, все построит, короче говоря, одной своей властью обеспечит что-то вроде рая на земле. И чем радикальнее вера в какой-либо политический или экономический рай, тем радикальнее нападки на неприемлемые порядки, возмущительные явления и вообще на все это безобразие. В результате этого в глазах политической публики каждый режим — плохой, слабый, продажный, реакционный, катастрофальный и просто-напросто паршивый.

Можно только удивляться, как же столько людей могут выносить такие жуткие условия существования? Послушайте их, и вы узнаете, что республика запропала евреям или немцам, все ведомства разведены коррупцией, парламент прогнал, катастрофа на пороге и вообще скоро наступит конец света. Если бы я верил всему этому, я бы пришел в самое черное отчаяние и повесился на первой осине. Но я думаю иначе. Если бы я был всего-навсего подметальщиком улиц и у меня не было другого намерения, кроме как вечером подвязать куском проволоки свою метлу, чтобы она лучше мела, и тогда мне была бы необходима вера в то, что не все потеряно, хотя бы потому, что я еще могу починить свою метлу, чтобы она лучше мела. Но, если бы я был уверен в том, что мы стоим на пороге катастрофы и что «завтра все рухнет», я бы не смог починить свою метелку, а дождался бы страшного конца со

скверной метлой (эмблемой скверной ситуации) у своих ног. А ведь все-таки и для самого подметальщика улиц, и для государства лучше, чтобы он позаботился о своей метле.

Если каждая метла будет в порядке, а завтра станет еще лучше — вот и дела пойдут не так уж плохо. Все, кто делает свое дело, пусть с самым ничтожным успехом и пользой для общества, должен быть хоть немножко политическим оптимистом. Дефетизм — это на практике, собственно говоря, просто лень.

Вот сейчас вы скажете мне: ну, с такими мелочными практическими критериями к политике подходить нельзя; политика — это великие общечеловеческие идеалы, это национальные ценности, социальные и гуманитарные проблемы, словом, это — великое дело, это — принципы, за которые идет яростная борьба. Долгой политический утилитаризм, да здравствует политика принципов и идеалов! Да, конечно, вы правы, в мире нет ничего важнее принципов и идеалов; только, ради Бога, не доверяйте их одной лишь политике; место их — прежде всего — в частной жизни. Я верю в идеальные ценности национализма; но лучше, если они найдут выражение в моей личной деятельности. Я верю и в идеальные ценности социализма, но мне хотелось бы прежде всего осуществить их в моих отношениях с окружающими. Идеалы, ценности, принципы, извините меня, — все это категории моральные, а вы даже сказали, религиозные; они становятся ложью, если не освещают и не освещают нашу частную жизнь. Я не верю в приверженность национальной идее человека, который халтурно выполняет свою работу, потому что каждая работа — это национальное достоинство. Не поверю я и в социалистические убеждения человека, чьи отношения с окружающими нечисты, потому что все человеческие отношения — дело социальное. И если кто-то хочет спасти и улучшить мир согласно своим политическим идеалам, пусть прежде всего спасет и улучшит самого себя и тот узкий жизненный круг, с которым он непосредственно связан. Для меня общественная деятельность мясника заключается в хорошей разделке доброкачественного мяса, а вовсе не в его блестящем от жира национализме; это его личная добродетель, благодаря которой он может даже попасть на небеса. Но его политическая заслуга в том, что он искусно разделывает мясо и честно взвешивает его. Политическая заслуга литератора в том, чтобы хорошо писать. Каждое ремесло, в том числе и сама политика, несомненно, может быть полезно в политическом смысле. Да и старинный, немного туманный оптимизм, заключающийся в апофеозе «паустушья хижинки», можно понять, хотя и с некоторыми уточнениями: надо, чтобы этот самый паустух не был бедняком и чтобы он производил первоклассный сыр; тогда он, несомненно, сможет сделать для родины больше, чем полдюжины лагерей фальшивых Жижек.

ПЕСНЬ ДРОЗДА

Если мы произносим слова «первое мая», то они вызывают в нас с фатальной неизбежностью какое-либо из двух представлений: или «был первый май, пора любви», или Первое мая — это праздник труда. Можно сказать, что любовь и труд как-то не подходят друг к другу. Я смотрю в мой садик, где посвистывает черный дрозд и, захлебываясь от радости, твердит, что настала «пора любви»; завтра или послезавтра у него в гнезде вылупятся четыре или пять большеголовых, пушистых и прекрасных, на его взгляд, птенцов, и для этого милого, весело галдящего дрозда начнется тяжелая пора, о которой мы, люди, сказали бы — каторжный труд; от зари до зари будет он таскать червей, откусывать крылья бабочкам и ловить мух — для того, чтобы сунуть все это в клювики маленьких пищащих чудовищ, которые являются живым доказательством того, что было «пора любви».

От любви до труда вовсе не так далеко, один птичий скачок от восторженного зачинания жизни к терпеливому и прозаическому подержанию существования. Можно даже сказать, что труд порождается именно любовью.

Если бы мы и в своих социальных чувствованиях немного больше равнялись на природу, то в этот праздничный день ораторы на своих эстрадах прыгали бы от радости и, подобные черным дроздам, говорили бы, посвистывая и напевая во всю глотку, примерно так: ведь этот каторжный труд — кормит себя и других, сколько натопчется и набегается, как вы думаете? Но что вы хотите, жизнь — это чертовски дорогой подарок, приходится за нее пла-

тить. Мы расплачиваемся своим трудом, заботами и порой страданиями: что делать, жизнь — дорогая штука и вряд ли достанется нам дешево. И если мы хотим сегодня, как положено, восславить труд, надо восславить и то, что мы за него покупаем; сегодня надо восхвалять и прославлять жизнь; нам надо бы радоваться тому удивительному факту, что мы, слава Богу, живем на свете. Жизнь — это нелегкий спорт, вроде как лезть на какую-нибудь скалу. Иногда мы останавливаемся и решаем, что больше не можем пройти ни шагу; мы совершенно измотались, отираем пот и ворчим: какой черт понес нас на эту вершину? Но, когда, несмотря на все, люди выдерживают и продолжают карабкаться вверх снова, это, знаете, великое и таинственное доказательство того, что жизнь стоит таких усилий. И пусть мы тысячу раз бурно протестуем, потому что она действительно могла бы быть много легче и проще, мы ведь не откажемся от жизни, пока нам не придется сделать это; и мы порожаем новые жизни, чтобы не прекратилось это прекрасное и проклинаемое дело — жить. Конечно, вообще о труде легко красиво говорить, и представление о миллионах тружеников весьма возвышенно, но представить себе нашу собственную работу, произведенную за год, — это уж совсем другое дело; а представить себе работу, выполненную человеком за всю его жизнь, — это тоже нечто возвышенное, только совсем в другом смысле, чем понятие «трудящиеся всего мира». Ты перетаскивал столько-то тысяч кирпичей, вытаскивал столько-то километров полотна, обрабатывал столько-то папок документов или взвесил и расфасовал столько-то тонн кофе или соли. Только этот терпеливый и бесконечно монотонный труд показывает, сколько платит человек за свою жизнь: тут уж ценность труда не измеряется достижениями миллионного коллектива, а только терпением и удивительной выдержкой каждого из нас.

Армия труда — это прекрасно; но, если вы хотите восславить труд, подумайте о бесконечной работе каждого в отдельности. Не думайте только о миллионе рук — каждая пара рук принадлежит живому человеку, который жадно дышит, любит поесть, имеет жену и детей и тянет всю эту жизненную ношу так долго, как только можно. Не восславляйте рабочие руки, восславляйте человеческие жизни; если бы вместо того, чтобы говорить о миллионах трудящихся, речь шла о миллионах жизней и о миллионах кормильцев, наши социальные теории выглядели бы совершенно иначе и этот праздник труда был бы ознаменован детскими свистульками, танцами и музыкой; каждый вел бы под руку ту, свою, для которой он работает, а его карапузы шагали бы вслед за ними, составляя весьма внушительное шествие во славу труда.

Десять тысяч нахмуренных мужских физиономий убедительно демонстрируют силу, но весьма неубедительно воплощают жизнь, потому что жизнь гораздо тяжелее и гораздо веселее. По такому поводу к вам обращаются со словами «трудящийся народ». Точно вы не представляете собой ничего другого, ничего более существенного! Если бы я захотел обратиться к вам так, чтобы стала ясна вся красота и сложность вашей подлинной жизни, я провозгласил бы: «Трудящиеся, поедающие и поедаемые, женившиеся и плодящие детей, озабоченные и веселые, народ папаш и мамаш, холостые и женатые, матери и дочери, влюбленные и дедушки» и так далее; мне бы следовало вас всех назвать по именам, вас, Ене Парубек, Вацлав Коварж, Франтишек Рышавый, Гонза Вапек и так далее, не забыв никого; потому что в каждом из вас так много существенного, кроме того, что вы трудитесь. Мы позавили бы установить какой-нибудь праздник, который славили бы людей, мы восславляем труд, но не восславляем мужчин, женщин и детей, хотя святая правда в том, что мы не были бы трудящимися, если бы не были мужчинами и женщинами со всеми особыми и драматическими последствиями, которые отсюда вытекают.

Я не могу умолчать о том, что именно любовь заваривала всю эту кашу с жизнью (со своими хлопотами и тяжким трудом), по существу, мы стоим под тяжким бременем любви. Друзья, в этот великий праздник нельзя забывать о любви.

И как раз в эту минуту черный оратор расправляет крылья и скачет, правда, не на эстраде, а на ветвях яблони. Это только посвистывающий дрозд; и его майская песня звучит слишком далеко от человеческих толп.

Предисловие и перевод с чешского
доктора филологических наук
Иины БЕРНШТЕЙН

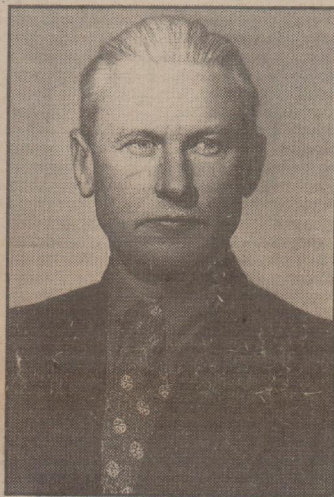
Юрий КРОТКОВ

Автор этого материала Юрий Кротков считался — да и был в 50–60-х годах — довольно известным у нас в стране драматургом и сценаристом. О второй своей «профессии» он весьма откровенно поведал сам в 1963 году, когда остался на Западе: «кооптированный сотрудник КГБ». К столь сенсационному самопризнанию редакция добавила, разумеется, ничего не имеет. Хотя следует все же заметить, что совмещение литературных занятий с занятиями иного, скажем так, рода дало, как выясняется, свои результаты: Юрий Кротков знает многое из того, что известно очень узкому кругу и о чем говорить было не принято, по крайней мере до самого последнего времени. Времена, впрочем, меняются, и, памятуя, что нет ничего тайного, что не стало бы явным, редакция предлагает вниманию читателей заметки Юрия Кроткова, опубликованные в американском издании «Новый журнал», № 91 за 1968 год.

САМОУБИЙСТВА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В 1925 году в Ленинграде повесился Сергей Есенин. Позже в Москве застрелился Владимир Маяковский. В разгар сталинского террора замечательный грузинский поэт Паоло Яшвили, поставленный Лаврентием Берия перед выбором, либо предать самого себя, либо быть арестованным и замученным в НКВД, заложил дула охотничьего ружья в рот и нажал на спуск. Во время прошлой войны чудесная Марина Цветаева, вернувшись из эмиграции в Россию, в Елабуге покончила с жизнью — повесилась.

Но если трагические смерти Есенина, Маяковского, Яшвили и Цветаевой уже до известной степени «визуальны» и это уже в какой-то мере «прошлое», то много ли было сказано как в СССР, так и на Западе о самоубийствах таких советских писателей, я подчеркиваю это, советских писателей, как Александр Фадеев, Галактион Табидзе и Валентин Овечкин? Я думаю, что самоубийства Фадеева, Табидзе и Овечкина обнаружили все тот же конфликт между личностью и государством, между писателем и властью, присвоившись к нему специфический конфликт между писателем-коммунистом и самой коммунистической партией, так как и Фадеев, и Овечкин были многолетними и достаточно ортодоксальными членами КПСС. Именно потому, что об этих трех самоубийствах почти ничего не написано, потому, что мало исследованы обстоятельства, при которых они были совершены, я и попробую, как могу, опираясь на то, что мне, как московскому литератору, было известно, «обжить» эти белые пятна в истории моей страны. Прежде всего я должен оговориться. Валентин Овечкин покусился на самоубийство и стрелял в себя. Но врачи спасли его, и он выжил. Он скончался в Ташкенте. Смерть его была физиологически естественной. Поэтому его лучше назвать полусамубийцей, хотя для общей темы — о причинах самоубийств советских писателей — это существенной роли не играет.

Александр Фадеев.

Начнем с Александра Фадеева.

Кто в Советской стране не знает Александра Фадеева, автора «Разгрома», «Последнего из Удэгз», «Молодой гвардии»? Мы в наших писательских кругах всегда называли его маршалом. И, конечно же, он был в советской литературе маршалом. Многолетний «генсек» Президиума Союза писателей СССР, многолетний кандидат и член ЦК ВКП(б) и ЦК КПСС, многолетний депутат Верховного Совета СССР, член Бюро Всемирного Совета мира, член Президиума Советского комитета защиты мира, дважды кавалер ордена Ленина, лауреат Сталинских премий, председатель Комитета по присуждению Сталинских премий, личный советник Сталина, его любимец... Куда же больше?

Думая о Фадееве, я сразу вспоминаю школьную скамью «трудовой семилетки» с хрестоматией по литературе, в которой на первом месте стояли «Железный поток» Серафимовича, «Чапаев» Фурманова и «Разгром» Фадеева. С юношеским жаром я увлекался этой захватывающей, талантливо описанной историей борьбы красных партизан на Дальнем Востоке.

Думая о Фадееве, я вспоминаю мою первую встречу с ним в его кабинете на улице Воровского около тридцати лет тому назад. Тогда я приехал из Тбилиси в Москву и поступил в Литературный институт Союза писателей. У меня было рекомендовательное письмо к Фадееву от старейшего грузинского драматурга, в прошлом светлейшего князя, Шалвы Дадiani. Это было летом. Фадеев сидел за столом весь в белом: белые брюки,

украинка, парусиновые туфли, с седыми мягкими волосами, лицо его было красновато-бурым от загара, глаза весело блестели, кажется, он был «на взводе». Когда он говорил, на шее у него вздувались жилы, а голос звучал как-то странно, даже смешно, точно он говорил в полупустом зале, с натугой при этом. Фадеев был прост в обращении, доброжелателен и, я бы сказал, подчеркнуто демократичен, хотя на столе у него стояла «кремлевка», или, как еще говорят, «подкожный» телефон (у него такой аппарат был и в даче в Переделкине), во дворе дожидаясь машина с правительственной sireной — «кукушкой», а в приемной — уйма терпеливо высидевших просителей, как в приемной у какого-нибудь крупного наркома.

Потом я встречал Фадеева на собраниях СП и в клубе литератора. Выступал он красиво, «с огоньком», себя не жалел, вкладывал в слова, так сказать, душу. Но его позиция в литературе никогда не отличалась оригинальностью. Трезвый Фадеев был откровенным апологетом того, что, с легкой руки Максима Горького, называли «социалистическим реализмом». Както драматург Владимир Соловьев на одном из совещаний встал и сказал, просто, ясно и так верно:

— Вот тут призывают нас создавать образы наших великих современников: сталеваров, кузнецов, секретарей райкомов, дворников, милиционеров и пр. А я не знаю, что это такое. Я знаю, что такое страсти: любовь, страх, ревность...

Фадеев перебил Соловьева, вскочил и дал ему «книжничью» отповедь, заявив, что, мол, черт с ним, с Соловьевым, он и так не сидит в «яме», но вот его слушают молодые (он имел в виду нас — студентов Литинститута), и это, мол, уже опасно.

Я встречал Фадеева и в начале войны в Казани, когда он приехал с фронта в военной форме с наганом на боку и с двумя ромбами в петлицах — чин бригадного комиссара. Мне вспоминается, как в огромном зале Дома промышленности, раздвоенном чехомидом, тряпками и фанерными щитами, расположились семьи «маститых» представителей советской литературы, эвакуировавшиеся из Москвы. Это было что-то вроде цыганского табора. «Великие» бегали за кипятком, как на узловой станции железной дороги, стояли в очереди за кулечками с сахаром и манной кашей, шепотом обсуждали сводки Совинформбюро. И даже здесь «враждующие» не смотрели друг на друга. Когда вошел Фадеев — как бы блеснул луч солнца. Со всех сторон раздалось: «Саша!.. Александр!.. Сан Саныч... Фадеев... Товарищ Фадеев!..»

Мне довелось присутствовать на праздновании пятидесятилетия Фадеева в 1951 году, в зале имени Чайковского в Москве. Тогда Александр Александрович, в темном костюме, как зна-

менитый артист в день своего бенефиса, взойдя на концертную сцену, произнес знаменитую речь, в которой вдохновенно, почти свято поклоняясь быть верным товарищу Сталину до «последнего вдоха», отождествляя, конечно, имя Сталина с идеей коммунизма.

Фадеев клялся в верности Сталину, и тогда, сидя в зале, я был уверен, что его клятва — правда. Парадоксально, что я тогда был уверен в этом, хотя и знал уже, что в пьяном виде из ресторана «Арагви» тот же Фадеев звонил на дом Борису Пастернаку и говорил:

— Боринька, ты у нас один-единственный, кто не врет... Несколькими лет спустя жена Пастернака, Зинаида Николаевна, рассказала мне несколько эпизодов, которые, несмотря на их как бы бытовой характер, по-моему, выходят за пределы житейской суеты.

В начале войны умер сын Зинаиды Николаевны от первого брака, Адик. Борис Леонидович обратился к Фадееву, чтобы тот помог ему получить разрешение на похороны Адика в саду дачи, которую арендовал Пастернак в Переделкине. (Такова была последняя воля Адика.) Фадеев сделал это, хотя это и было вопреки советским законам. Больше того, перед возвращением Пастернака из эвакуации Фадеев приказал высадить у него в саду яблоневые деревья, и, когда Борис Леонидович приехал, он сказал ему:

— Боря, тебя ждут тяжелые времена.

Фадеев часто навещал Пастернака, он приносил с собой заветную бутылочку, просил Зинаиду Николаевну испечь картошки и, выпив, начинал говорить такое, что Борис Леонидович на следующее утро посылал с домработницей на дачу Фадеева записку: «Вы у нас не был и ничего не говорили».

Но вот совсем другое.

Во время музыкального конкурса, кажется, имени Шопена, сына Зинаиды Николаевны, пианиста Станислава Нейгауза, власти не пустили в Варшаву. (Даже в Варшаву!) Зинаида Николаевна побежала за содействием к Фадееву. Тот был трезв и сказал ей:

— Нас, Зина, перед тем как выпустить за рубеж, основательно «обнюхивают». И делают правильно...

— Но ведь ты же знаешь Стасика, — ответила Зинаида Николаевна, — ведь он рос на твоих глазах.

Фадеев возразил, и притом с каким-то странным злорадством:

— Э-э-э, не скажи. Стасика воспитывал Боря.

Зинаида Николаевна вспыхнула и, бросив: «Поздравляю тебя с этим открытием!» — ушла и долго после этого не разговаривала с Фадеевым.

Между прочим, до сих пор никто не знает, почему Сталин не арестовал Пастернака. Ведь почти все вокруг Пастернака были скопены, а Пастернак остался тогда цел. Высказывалось одно время мнение, что Бориса Леонидо-

вча спас Фадеев, который в глубине души любил его и якобы сумел «отстоять» его в разговоре со Сталиным. Поверить в это трудно, но мнение такое высказывалось.

Спрашивается: что же происходило с Фадеевым, верил ли он действительно в Сталина, или это были многоярусные внутренние приспособления, верил ли он в коммунизм, или тут была замешана новоявленная советская смердяковщина, был ли Фадеев активным борцом за «социалистическое общество», или он спасался сам за тенью Сталина? Справедливо ли приписывать Фадееву слова: «Лучше ложь, чем ничего»?

Верил или не верил? Трудно и сложно говорить о подобных размежеваниях, когда речь идет о советском человеке, даже таком, как Фадеев. Когда я жил в СССР, я не мог ответить на этот вопрос по той простой причине, что я не мог честно и откровенно ответить на свой собственный вопрос: «А верю ли я Сталину?» И такой вопрос стоял почти перед каждым мало-мальски думающим творческим человеком, в том или ином виде.

Мог ли Фадеев верить в Сталина, если тот вынуждал его визировать ордера на аресты друзей и товарищей Фадеева, литераторов? (А Фадеев, известно, задерживал аресты 20 писателей только из одного поселка Перedelкинo, в том числе и арест Спасского.) Мог ли писатель Фадеев верить Сталину, если тот заставлял его переписать роман «Молодая гвардия», посчитав, что автор недостаточно «осветил», в нем организаторскую роль коммунистической партии и слишком подчеркнул стихийное начало в период отступления Красной Армии. А ведь посвященные этому главы романа и были лучшими.

Фадеев пил, пил много, часто, запой длился порой по две-три недели, до очередного вызова Сталина, когда врачи приводили его в порядок, усаживали в машину с правительственной «кукушкой» и отправляли в Москву. Фадеев пил, и это, конечно, помогало ему ладить с самим собой, это и было ответом на все трагические вопросы, это как-то мирило совесть с террором, талант с партийной директивой, пролетарское прошлое с кремлевскими пайками и так далее. И все же мне кажется, что до смерти Сталина в трагедии Фадеева доминантой была пусть даже фальсифицированная, пусть даже циничная, но вера в Сталина и в идею, так как Фадеев по натуре своей не походил на приспособленца, конъюнктурщика и временщика в чистом виде. Я бы сказал, что Советская власть была его властью, а сталинский режим был его режимом где-то в главном, в основном. И наконец, существовала спасительная русская поговорка «Лес рубят, щепки летят». Без жертв, внешних и внутренних, общество не переустроилось, если такая задача поставлена. Значит, надо идти на эти жертвы, значит, надо было прежде всего ломать и калечить самого себя и очень часто во имя высоких лозунгов черное выдавать за белое.

Однако после смерти Сталина и, особенно, после разоблачительного доклада Никиты Хрущева на XX съезде КПСС в жизни Фадеева наступил последний этап, когда доминанта веры в Сталина, в идею уступила место доминанте трезвой оценки действительности и, главное, своего места и своей роли в ней.

Оказалось, что лес рубили варварским способом, преступно...

И вот человек, который написал в финале «Разгрома»: «Нужно было жить и исполнять свои обязанности», 13 мая 1956 года выстрелил из револьвера себе в сердце.

Жизнь и обязанности кончились. Это было, вероятно, логично. Но было ли это неизбежно? Разве Фадеев, как многие другие, не мог найти для себя оправдание и свалить все пишки на усаха? Разве он не мог усыпать свою совесть, наконец, просто обмануть самого себя, как делали многие?

Мог. Но не сделал этого. Не сделал, ибо в нем, по-моему, было не только писательское, но и гражданское дарование, он был все же человеком, или, лучше сказать, в нем сохранилось что-то, какая-то частица от человека, так как он не был духовным трусом, так

как он был готов платить за прошлое.

Утаить факт самоубийства литературного маршала было невозможно, хотя такие вещи и практиковались. У нас в советской прессе ведь до сих пор существует универсальное слово «скончался». А как скончался, от чего скончался, при каких обстоятельствах скончался, да естественной ли смертью, это советским гражданам знать не обязательно. (Так, между прочим, произошло и с Галактионом Табидзе.) Но в случае с Фадеевым перевернуть карты было невозможно.

«Правда» сообщила, что самоубийство Фадеева явилось следствием болезни писателя, то есть алкоголизма. Но это была очередная неправда «Правды», так как в литературных кругах Москвы хорошо знали, что Александр Александрович последние три месяца перед выстрелом не пил. Он был все это время совершенно трезвым, что вызвало общее удивление, и покончил с жизнью в состоянии ясного распада. Больше того, известно, что Фадеев долго и тщательно готовился к этому решающему акту. Известно, что он ездил по памятным местам, посещал старых друзей, как бы прощаясь с тем, что ему было дорого...

Непосредственным поводом к выстрелу явилось следующее.

После того как началась реабилитация невинно пострадавших при Сталине (этот процесс назывался у нас «поздним реабилитансом» в отличие от «раннего ренессанса»), некоторые жертвы Фадеева, то есть те, которые были арестованы и посажены по ордеру, задерживавшим Фадеевым, вернулись в Москву. Среди них был писатель, которого я обозначу буквой М., так как с нее начиналась его фамилия. Этот писатель публично назвал Фадеева негодяем и чуть ли не плюнул ему в лицо. После этого М. повесился.

Что ж, и это молча проглотить? Были такие, которые глотали и даже улыбались. Но ведь писатель М. повесился, он вынес все невзгоды сталинских исправительно-трудовых лагерей, выжил, а вот вернулся и тут, в Москве, назвав Фадеева негодяем, повесился. Надо было быть полнейшим ничтожеством, чтобы не почувствовать глубины этого факта.

Тени жертв, видимо, стали преследовать Фадеева. Но это не все, хотя одного этого уже было бы достаточно для того, чтобы прийти к мысли, что наступил час расплаты.

В 1954 году Фадеев опубликовал несколько глав из своего нового романа «Черная металлургия». Он попытался создать эпопею о жизни рабочего класса в СССР. Он работал над романом долго и упорно. Но в результате оказалось, что этот «индустриальный эпос» просто напросто липа. Оказалось, что материалы для романа, полученные Фадеевым в одном из союзных министерств, фиктивные и фальшивые. А Фадеев на них построил весь свой замысел. Труд пошел насмарку. Но дело было не в труде. Тут обнаружилось нечто самое страшное для писателя. Фадеев вдруг с предельной очевидностью понял, что он как писатель кончился, иссяк, что он не может бороться с самим собой, что видение жизни в нем уже подменено придумыванием жизни, ее схематизацией, стереотипизацией, что он давно уже занимается партийной алхимией, что, впрочем, было ясно и после романа «Молодая гвардия», основанного так же, как теперь выяснилось, на весьма сомнительных документальных материалах.

Мне невольно вспоминается разговор с одной бабой в Перedelкинe. Она мне сказала:

— Лександр Саных называл меня приятельницей, а я его приятелем. Вот мы так друг с дружкой и калыкали. А в тот день (день самоубийства) встретились мы по случаю подле Бахметьевской дачи, он мне и говорит: «Эх, приятельница, все у нас убивают и убивают. Вот пастух имеет свои заботы, вот у артиста, значит, пьеса, а что у писателя? А у писателя — думка. Так вот, приятельница, убивают думку, убивают». А опосля пулянул он в себя, сердечный... Перед тем, прослышала я, в двух сберкассах счета открыл, а сберкнижки, выходит, племянницам определил...

В Перedelкинe же я узнал, что Фа-

деев любил последние годы простую русскую женщину по имени Клава. Это была дородная красивая баба, которая работала в закусочной и жила в бараке тут же, в Перedelкинe, по соседству с библиотекаршей Еленой. Клава с трудом сводила концы с концами и воспитывала сына. Муж ее, кажется, погиб на войне. Фадеев помогал ей. Это, быть может, было его последним внутренним прибежищем, миром, в котором он изолировал себя от реальности, уже понимая, что реальность для него — смерть. О чем он говорил Клаве? Открывал ли он ей свою «думку»? Кто знает. Только после смерти Фадеева Клава исчезла, вернее, ей немедленно дали отдельную квартиру в Москве, и она смешалась с многомиллионной массой людей. Следов, так сказать, не осталось...

В тот роковой день, после обеда, Александр Фадеев поднялся к себе в кабинет, это было на даче в Перedelкинe, написал два письма, одно жене, Степановой, актрисе Московского Художественного театра, второе в ЦК КПСС, лег на диван, обложился подушками и застрелился.

Урну с прахом Фадеева, если я не ошибаюсь, замуровали в Кремлевской стене, рядом с другими выдающимися деятелями коммунистического государства. Когда же Михаил Шолохов, приехав в Москву, позвонил Ворошилову, который тогда был Председателем Президиума Верховного Совета СССР, и спросил его о письме Фадеева в ЦК КПСС, Ворошилов, как следует обругав покойника, сказал:

— Если бы вы знали, что он нам написал, вы бы не задавали этого вопроса.

Позже поэт Александр Твардовский задал тот же вопрос Хрущеву, поинтересовавшись содержанием письма Фадеева в ЦК КПСС. Хрущев ответил:

— В партии есть такие тайны, которые могут знать только два-три человека, товарищ Твардовский.

Никому не известно, что же написал Фадеев в Центральный Комитет той партии, членом которой он состоял ни больше ни меньше как 38 лет. Но есть версия, конечно же, придуманная, и не одним человеком, и в этом ее обобщающая сила, по которой Фадеев написал в своем письме очень коротко: «Я стрелял в политику Сталина, в эстетику Жданова, в генетику Лысенко».

Жизнь иногда свивает поразительные по причудливости узоры.

На углу площади Маяковского и улицы Горького в Москве, неподалеку от того места, где теперь советская молодежь все чаще и чаще устраивает демонстрации в знак протеста против тоталитарных действий властей, стоит дом, в котором живут, так сказать, «высокопоставленные». Над входом в одно из парадных этого дома можно увидеть бюст-барельеф Фадеева. Тут находилась московская квартира Фадеева, ныне превращенная в квартиру-музей.

Так вот, в 1961—1963 годах мне пришлось заниматься кооперативным строительством по линии Союза работников кинематографии СССР. Как известно, Советское правительство в этих случаях дает кооперативам суду, но тщательно контролирует и строительство, и весь начальный процесс организации кооператива. Я хочу сказать, что вы за свои деньги не можете получить квартиру, которую бы вам хотелось получить. Вас ограничивают размером жилой площади, а если у вас уже есть жилищная, но она вам кажется недостаточной и вы хотите ее увеличить, возникают неопишемые трудности.

Сын Фадеева женился на популярной киноактрисе Людмиле Гурченко. Они решили получить собственную квартиру и вступили в наш кооператив. В отделе по регулированию жилищной площади Краснопресненского района мне пришлось отстаивать их права быть членами нашего кооператива. Заместитель председателя райисполкома, некто Параскун, огромный дитина, с толстой шеей, краснощекий, безусловный выходец из «низов», с ехидной улыбкой сказал:

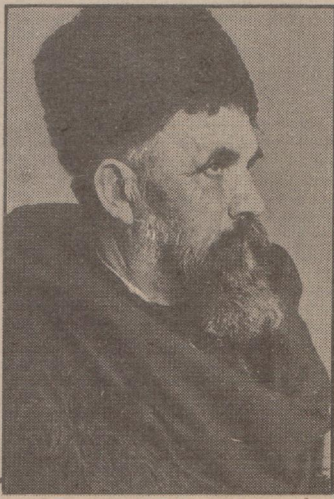
— Не пройдет этот номер. Они могут жить в квартире по улице Горького.

Я ответил:

— Да, но ведь это квартира-музей писателя Фадеева.

— Нам важен метраж.

Тогда я подумал, что для Параскуна (а Параскун — это ныне хозяин жизни) имя Фадеева ничего не значило, кроме того, что Фадеев принадлежал к советской знати, а Параскун, мечтавший поскорее попасть в число этой знати, был только на пути туда. Я думаю, что формула Параскуна «Нам важен метраж» была, пожалуй, самым страшным приговором для Фадеева, тем более что этот приговор был произнесен «товарищем по классу».

Галактион Табидзе

Знаете ли вы, что такое орден Ленина и каков он на вид?

Прежде всего орден Ленина — высшая правительственная награда в СССР. Орден — золотой, а барельеф Ленина посередине сделан даже из платины. Вначале, как я помню, орден этот привинчивался просто на борту пиджака, потом его стали вешать на пиджак со специальной полосатой колодкой. Нарядный орден. Почетный. И представляете, какая это была редкость и ценность, скажем, в трилпых годах, когда их было еще очень мало. И вот однажды на последней странице газеты «Заря Востока», которая тогда была органом Закрайкома ВКП(б) и ЦК КП(б) Грузии, появилось невероятное объявление. Сообщалось, что утерян орден Ленина и нашедшего просят вернуть его за вознаграждение в отдел объявлений «Заря Востока».

Утерян! Да ведь в те годы даже за утерю партбилета и то исключали из партии и чуть ли не сажали. А что такое партбилет — книжечка. А тут орден, да еще орден Ленина! Разумеется, по Тбилиси сразу поползли слухи и сразу, конечно, стало известно, что утерял орден. Кавалеров ордена Ленина в те времена, повторю, было немного. Их можно было считать по пальцам. Пересчитали. Ордена Ленина не доставало на груди у народного поэта Грузии Галактиона Табидзе. Люди зайти дышанье. Что же будет? Неужели репрессировать? Оказалось, что Галактион потерял свой орден где-то в духане по пьяному делу. Неужели отправят в места «не столь отдаленные»? А тогда люди исчезали с поразительной быстротой по самым пустякам.

Простили. Товарищ Сталин милостиво простил народного поэта Грузии, и, если я не ошибаюсь, ему был выдан орден-дубликат...

К чему я рассказал этот трагический случай? Мне кажется, что он в известной мере характеризует образ второго самоубийцы — Галактиона Табидзе.

С мальчишеских лет я помню Галактиона. Нередко гурьбой мы бегали за ним по улицам. В последние годы Галактион отстрил бороду и усы, прежде он брил лицо, и оно у него, даже в молодые годы, было круглым и одуловатым, несколько бабьим. Роста он был среднего, к старости сильно раз-

дался, обрызг. Голос у него всегда был чуть хриплый, «пропитой». Ходил он странно, как-то боком и вроде по диагонали, вероятно, от того, что постоянно был пьян. Но пьяный грузинский поэт — это нормальный поэт. Ничего в этом предосудительного не было. Музы, как правило, дружат с Бакумом. А в Грузии вино пьют вместо воды, ибо вода не везде хорошая. Я вырос в среде грузинских поэтов, таких, как Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Никола Мишвили, и др. Все они очень много пили и писали великолепные стихи.

Но Галактион был иным. Он стоял особняком, и духовного или творческого родства, например, с «голуборобцами», которых я только что перечислил, у него не было, хотя в молодости он одно время и увлекался символистами и импрессионистами.

Галактион Табидзе, безусловно, был одним из наиболее популярных поэтов Грузии, и популярность его была поистине народной. То, что он единственный в Грузии имел звание народного поэта, было им заслужено. Его стихи были доходчивы до простых людей. Его декламировали на улицах, его знали наизусть в деревнях. А песни на слова Галактиона распевались по всей Грузии. У меня и сейчас в ушах замечательная песня «Цхалтубо да Кутаиси...».

В 1933 году Галактиона Табидзе сделали действительным членом Академии наук Грузии. Потом он начал писать верноподданнические поэмы. Много писал о «великом» Сталине. И все больше и больше пил. В 1937 году арестовали Тициана Табидзе, Паоло Яшвили застрелили, Никола Мишвили также был арестован, и романтист Джавахишвили, и многие, многие другие. Галактиона не тронули. Галактион остался на свободе и продолжал сочинять сталинские панегирики. И продолжал неумоимо пить. Однажды я видел его лежащим на улице, что у грузин никогда не бывает, любой пьяный грузин умеет добраться до дома, а там уже падает на пол. (Дом, но не на улице). Галактион лежал на улице. Может быть, уже тогда он искал своей концы?

Возникает тот же самый вопрос: верил ли Галактион Табидзе в Сталина, служил ли он ему потому, что считал, что наступила «зarya новой жизни», или же это был компромисс, сделка с совестью, приспособление?

Ответ все тот же. На мой взгляд, в Галактионе было поразительное, никогда ранее не виданное смещение нервы с неверием, то и другое жило в нем одновременно, но так как и то и другое не могло жить одновременно длительное время, то жизнь неизбежно приводила к взрыву.

В начале 1959 года в той же «Заре Востока» появилось сообщение о смерти Галактиона Табидзе. Просто скончался. Печатались некрологи, воспоминания о Галактионе, его поэмы. Словом, смерть народного поэта отмечалась соответственно. На панихиде присутствовали партийные и советские «боссы», даже представители Москвы и пр. Прозноснились, разумеется, пышные похоронные речи. И ни единого слова не было сказано о том, что Галактион Табидзе на 66-м году жизни покончил самоубийством. Ни единого слова не было сказано о том, что он выбросился из окна своего дома и лежал на улице до тех пор, пока не приехала «скорая помощь». Ни единого слова не было сказано о том, что сделал он это, будучи трезвым. И наконец, ни единого слова не было сказано, и это весьма симптоматично, о том, что сразу за каретой «скорой помощи» нагрянули сотрудники КГБ, которые немедленно опечатали весь литературный архив Галактиона, как в свое время это было сделано с архивами Горького, Пильняка и многих других.

Галактион Табидзе сейчас лежит в пантеоне писателей Грузии на Ново-Вакиском кладбище в Тбилиси. Ах, если бы покойники говорили! Но даже архивы некоторых, увы, пока молчат...

Валентин Овечкин

О том, что произошло с Валентином Овечкиным, могла бы быть написана пьеса. Может быть, она когда-нибудь и будет написана. Драма? А почему бы и не трагедия?

Примечательно в трагедии Овечкина то, что жертвой коммунизма явился сам коммунист, что коммунистическая система уничтожает тех лучших, которые отстаивают ее честно, искренне, тех, которые декларируют ее сердцем.

Паразитическая механика! Этот советский Гамлет был «сто процентным» пролетарием и по крови, и по духу, работал в юности сапожником, был учителем в ликбезе (школа по ликвидации безграмотности), затем уехал в деревню и стал председателем колхоза, вступил, конечно, в партию, был даже где-то секретарем партийного комитета. Словом, «железная» биография. Комар носа не подточит.

Одно время «наверху» взяли Овечкина на вооружение. Его критические очерки и рассказы печатались чуть ли не в «Правде», на целую полосу. (Этой чести удостоивались лишь такие, как Корнейчук, Симонов, Шолохов.) Широко известность получили очерки «Районные будни», «В том же районе», наконец, «Трудная весна». Автор выдвигал идею «хороших» и «плохих» руководителей. Он обычно противопоставлял бюрократа и дураку первому секретарю райкома КПСС умищущу и гуманиста второго секретаря райкома КПСС. Я думаю, что Овечкин верил в эту идею, во всяком случае, он достаточно горячо об этом писал. И он писал, конечно, о том, что у него на душе наболело, о том, что было для него чрезвычайно важным.

Да, одно время события складывались так, что Овечкина «поднимали». Он был избран членом правления Союза писателей РСФСР, а затем и членом правления Союза писателей СССР.

А дальше случилось вот что. Укрепившись у власти, Хрущев начал вводить свои «новшества». Коснулся это и колхозов. Овечкин принял их настороженно, а затем и прямо «в штаны». В тот период он жил в Курске и был членом Курского обкома КПСС. Хрущевские новшества вызвали негодование и в руководящих кругах области. Не вникая в существо дела, скажу, что местные «тузы», собираясь вечерами за «круглым столом» и попивая водочку или выезжая на рыбалку (обычно этим и ограничиваются «культурные мероприятия» на верхах), не то чтобы открыто, но все же поговаривали об «авантюризме» Никиты. В этих разговорах принимал участие и Овечкин. Не думаю, чтобы он был консервативатором, но он был против Хрущева. Больше того, он как бы возглавлял местную «оппозицию», а так как перед съездом XXII съезда КПСС по стране проходили партийные конференции, Овечкин и предложил секретарям обкома партии и советским начальникам устроить нечто вроде партийного бунта. План Овечкина был прост, но в

условиях нашей жизни невероятен, лучше сказать, почти невероятен. Овечкин хотел выступить на партийной конференции Курской области первым и выложить «правду-матку», с тем чтобы его поддержали секретари обкома КПСС, руководители облисполкома и т.д.

Овечкин надеялся, что за ним пойдут и все остальные делегаты конференции, тем более что он был уверен в том, что его идеи разделяются на местах, то есть в колхозах области.

На одном из таких «высокопоставленных» в масштабе области выпивов было договорено о совместных действиях.

Валентин Овечкин, с той же смелостью, с какой сам Хрущев вышел на трибуну XX съезда КПСС, поднялся на трибуну партийной конференции Курской области. Он, что называется, толкнул речугу и...

Что же произошло дальше?

Дальше произошло то самое, что было описано в рассказе Яшина «Рычаги». Затем сработал принцип «демократического централизма»: каждый в отдельности — против, все вместе — за. Словом, Овечкина не поддержали. Наоборот, «боссы», которые накануне «подогревали» Овечкина, обещали вместе выйти на баррикады, в последнюю минуту сдрейфовали и, опасаясь за свои мягкие кресла, за свои оклады, за свои партийные билеты, сбежали в кусты. Нет, не только сбежали в кусты, а сами же набросились на Овечкина и объявили его чуть ли не предателем интересов Родины.

Вернувшись домой, осознав в полной мере свою катастрофу, поняв, что у него окончательно отняли веру в человека, в коммуниста, в его право на мысль, на суждение, на выражение собственного мнения, поняв вдруг, что это все лежит в основе системы, что коллективная система жизни противостоит, что коллектив, превращенный в догму, уничтожает человеческую личность, советский Гамлет неизбежно пришел к вопросу: «Быть или не быть?»

«Не быть!» — подсказал ему голос совести.

Вероятно, в этот миг в представлении Овечкина появилось нечто большее, чем идея коммунизма, чем партийный долг, чем обязанность советского писателя, чем даже интересы колхозов. Вероятно, в этот миг он переосмыслил все, и прежде всего цену человека. Видимо, в этот миг он совсем иначе взглянул на себя и на то, что его окружало, видимо, в этот миг он почувствовал, по выражению Пастернака, «запах бессмертия». И, придя к этому, Овечкин взял в руки мелкокалиберное ружье, которое висело у него на стене, заложил патрон и выстрелил себе в голову.

Конец не наступил сразу, может быть, дрогнула рука или мелкокалиберка оказалась не смертельным оружием. Овечкина в бессознательном состоянии на самолете отправили в Москву. Здесь, в нейрохирургической клинике им. Бурденко, врачи сделали сложную операцию, и жизнь Овечкина была спасена. Но он потерял глаз.

В дни выздоровления по указанию властей К Овечкину в палату пускали только одного писателя: Константина Симонова, которого, кстати, Овечкин всегда недолюбливал и не раз открыто говорил об этом.

Власти из всех сил старались замолчать и приглушить «дело Овечкина». По всем правилам такой коммунист не мог избежать осуждения и за то, что он выступил против Хрущева, и за то, что он пытался наложить на себя руки. То и другое было из области антипартийного, то и другое в КПСС карается беспощадно. Я знаю случаи, когда коммунистов-самоубийц по указанию властей просто не хоронили, ибо они считались, так сказать, изменниками. Но с Овечкиным поступили иначе. В период его пребывания в клинике в «Литературной газете» даже появилась какая-то его статья или очерк, из тех, которые он написал прежде. Этим самым нам, литераторам, дали понять, что, мол, «статус-кво» между Овечкиным и «верхами» установлен, что, мол, все заняло подобающее место и что, мол, так и должно было быть. Симонов, вероятно, сыграл в

этом случае роль партийного эmissара. Несколько позже последовали даже «поощрения», лучше сказать, «награды». Немного спустя В. Овечкина ввели в состав редакционной коллегии журнал «Новый мир», а на 4-м съезде Союза писателей СССР его «выбрали» в состав правления. И вроде бы все стихло, утихло. И нигде не было написано ни о выстреле Овечкина, ни о его выступлении на Курской партконференции, ни о том, что он потерял глаз, и уж, конечно, ни слова о том, что говорили друг другу Овечкин и Симонов, и, наконец, о том, что спустя некоторое время после попытки самоубийства Валентин Овечкин попал в сумасшедший дом.

Почему же Овечкин попал в дом для умалишенных после того, как был установлен «статус-кво»? Надо думать, что «примирение» Овечкина с Хрущевым не исчерпало того, что толкнуло Овечкина на самоубийство. Надо думать, что внутренние терзания, душевная борьба не оставляли его. Надо думать, что именно это и привело его к спасительному на определенное время алколю.

(О, как бы мы жили на земле, если бы не было вина?! Как бы жили и Фадеев, и Галактион Табидзе, и Валентин Овечкин, да и Шолохов, и Твардовский, и Берггольц, и Юрий Олеся, и Михаил Светлов... Последний сказал мне: «Слушай, старик, разве можно в этой жизни быть трезвым!»)

Как-то Овечкин приехал в Москву, остановился в гостинице «Москва» и, написавшись, раздвинул и попытался выброситься из окна. Дело дошло до того, что была вызвана пожарная команда, под окнами его номера растянули брезентовый тент. Немедленно нашлись услужливые и «заботливые» люди, которые позвонили в нашу лифтоводскую поликлинику; и оттуда сразу же прибыла целая команда врачей. Эти врачи — народ тренированный и исполнительный, и прибывши они, разумеется, с заранее полученной директивой. И Овечкина из гостиницы «Москва» перевезли в больницу для сумасшедших...

Группа московских писателей, так сказать, среднего поколения, которую вся эта история возмутила, что, на мой взгляд, делает ей честь, отправилась в указанный дом для сумасшедших и попыталась выяснить, действительно ли Овечкин «спятил», то есть потерял рассудок. Официальные справки ни к чему не привели. Ясного ответа у главного врача они не получили. Но некоторые из них, в прошлом «стреляные воробьи», решили действовать окольным путем. Им удалось остановить молодого врача, женщину, и поговорить с ней. Конечно же, она не рискнула прямо и открыто сказать им, что она думала о состоянии Овечкина. Вместо этого на вопрос московских писателей она ответила своим вопросом. Она спросила:

— А может быть, кто-то заинтересован в том, чтобы Овечкин оказался умалишенным?

Точки над «i» были поставлены. Пройдя «курс» психиатрического лечения, Валентин Овечкин, кажется, сразу после этого или спустя немного уехал или его «отправили» в Ташкент, где жили и живут до сих пор его сыновья.

Не знаю, присутствовал ли Овечкин на 4-м съезде Союза писателей СССР? Читал ли он письмо Солженицына? Я лишь думаю, что если Овечкин и был на 4-м съезде в Москве, то был уже в качестве душевного калеки, изломанного и перемолотого, уже не способного на борьбу за свое человеческое достоинство. Ведь дважды в себя не стреляют...

Совсем недавно в руки мне попали некрологи из советской прессы по случаю того, что «скончался» писатель Валентин Овечкин. В одном из некрологов писалось: «Тяжелая болезнь на многие годы ограничила его возможности сказать то, что он еще хотел сказать...»

Спрашивается: как же все-таки называется такая тяжелая болезнь? И что еще хотел сказать Овечкин?

Зиночки из 1917-го

Мы привыкли, оглядываясь назад, в прошлое, оценивать его при помощи авторитетных источников: солидных энциклопедий, пухлых томов мемуаров, где в центре событий — знаменитости. Но, оказывается, не менее любопытно взглянуть на прошлое глазами обычного, ничем не выдающегося человека, чтобы увидеть историю такой, какой она виделась людям из того времени. Увидеть, чтобы понять.

Петроград, лето 1917-го. Небольшая комната в Зимнем дворце, из которой дверь ведет в кабинет российского премьер-министра Александра Федоровича Керенского. Бошко стучит по клавишам «ремingtonа» молоденькая девушка с высокой прической — семнадцатилетняя Зиночка. На нее сейчас грустновато-пронично взирает моя собеседница — Зинаида Константиновна Манакина, бывший пресс-секретарь Временного правительства.

Моя жизнь сложилась так, что ко времени окончания Смольного института я осталась без родителей — отец и мать умерли. Заботу обо мне взяла на себя дворянская опека. Однажды пригласил меня член опеки Сергей Петрович Черемисин, и с ним мы отправились в Маринский дворец. Несколько минут поговорили с начальником отдела господином Шольцем. Вышли. Сергей Петрович поздравил меня: «Вы приняты на службу». «Как вы догадались?» — спрашиваю. Черемисин разъяснил: «Когда вы пришли, Шольц встал, поскольку барышня, а когда уходили, не поднялся. То бишь подал знак: вы уже служащая».

Определили меня в канцелярию Временного правительства.

Если судить по учебникам истории, воспоминаниям, лето двух русских революций выдалось тревожным, словно предгрозовым. Так ли было на самом деле?

Вполне возможно, что так казалось кому-то. Но не мне. Да, идя по Петрограду, видела митингующих, взволнованных людей. И тем не менее жизнь шла привычная — в театры не поспеть, в кинематографы очередь, на поэзоконцерты Игоря Северянина — столпотворение. Статьи говоря, и газеты писали о многом — большей частью правдиво. Про ту, дооктябрьскую гласность нынче никто и не вспоминает...

Насчет быта не могу сказать, что он был нарушен. В свой первый трудовой день — 15 августа — заглянула в Елисеевский, так там, извините, изобилие. Заметьте, на четвертый год войны! Ходили, однако, слухи, будто сахар станут давать по листкам, да все по-старому оставалось. Солженицын писал, что мясо решили тогда продавать три или четыре дня в неде-

лю. Не припомню такого, сударь мой...

— Давайте теперь вернемся в Зимний дворец, Зинаида Константиновна.

— Да, время любопытное... Сейчас и не верится, что я в самом центре событий была.

Работа не сложная: надо было вести картотеку указов и постановлений правительства. И еще: сверять тексты и, если надо, исправлять орфографию. Рядом — зал, где трудились журналисты, которые частенько заглядывали в канцелярию: ждали новостей. Помню, как директор Российского телеграфного агентства господин Раецкий подшучивал надо мной: «Ребенок попал на кухню законов, что дитя отсюда вынесет?» Еще Савелий Семенович показывал мне посетителей, которые ждали приема у Керенского. Тот, кто приходил, усаживался на мой стул, а я вынуждена была стоять поодаль. Увы, не все джентльмены...

Так вот, помню, Раецкий показал однажды на незрочного на вид человека в пенсне. Это, говорит, Скрибин-Мологов. Заглядывал и Савинов. Борис Викторович приглянулся мне больше — и лицом, и породистыми холеными руками.

— Надо полагать, видели вы и Керенского?

— Разумеется. Невысок, некрасив. Единственное, чем выделялся, так это совершенно землистым, почти зеленым цветом лица — были у Александра Федоровича большие почки. Подшучивали над ним, что, мол, он на Наполеона походить хочет, руку за отворотом френча держит. А причина-то совсем прозаическая — болела у него кисть-то. И супруга его, Ольга Львовна, как-то в разговоре со мной прямо со слезами на глазах подтвердила: «Вы не представляете, Зиночка, какой Александр Федорович больно человек. Только на силе духа и лекарствах держится. А вреда в своей работе, увы, не видит».

— Была ли у премьера охрана?

— На территории Зимнего его сопровождали два адъютанта. Насколько мне известно, за пределами дворца его никто не охранял. Насчет льгот министерских не желаю ли спросить? Отвечу: была единственная — чай с молоком раз в день им полагался. Более ничего.

— Зинаида Константиновна, простите за такой вопрос: были ли вы в курсе

дворянских слухов?

— Отчего же извиняетесь, милый мой? Конечно, мне интересно было, что на вершине власти происходит. Частенько заглядывали ко мне молоденькие юнкера выкурить папироску, посплетничать. Говорили, что премьер раз два предлагал английскому королю Георгу приютить семью императора Николая, поскольку те в тесном родстве находились — двоюродные братья. И получал отказы.

Рассказывали, как пришел к Керенскому генерал Крымов — тот, что вел войска на Петроград во время корниловского мятежа. После короткой беседы Александр Федорович вышел проводить его, но руки не подал: «Я считал вас, генерал, абсолютно порядочным человеком, но...» Мятеж, как известно, провалился, и Крымов спустя час после разговора застрелился.

В сентябре 1917-го нас, барышню, пригласили на торжество по случаю трехмесячного премьерства Керенского. Странная ведь дата, верно? Но праздновали... На столах ленты «Солнцу русской революции», все веселье, шампанское. Потом смотрели императорские поклоны, паланкин, в котором Николай II когда-то путешествовал по Японии. Тогда он был еще наследником.

Побывали в комнатах фрейлин, в покоях Александра III. Видела и двиван, на котором ночевал Керенский. Ведь он, по сути дела, жил в Зимнем.

— Уже приближался Октябрь. Вы лично это ощутили?

— Похолодало, знаете ли. В прямом и переносном смысле. Тревожно стало в Зимнем. Ну и вокруг него, конечно. Дошло до того, что объявили: «Барышни, на улицах города неспокойно. На службу приходите не следует. Коли станет иначе, пригласим».

Не приходило так не приходило. Снизу дома с тетушкой. И надо же такому случиться, поздно вечером того памятного 25 октября звонит по телефону мой знакомый фельдшер из дворца, Иван Иванович. Голос от волнения дрожит:

— Зинаида Константиновна, вечер добрый. Смотрите, что творится: я в карауле стою, а кроме меня и нет никого. Все разбежалось... А они сюда бегут. В пальто да в шинелях...

Разорвалась связь. Я же спустя пару дней разузнала, где мой знакомец,

и отправилась к нему. Был он в Петропавловке, в Трубецком бастионе, со всеми министрами и офицерами из дворца. Я невестой представилась, и меня с легкостью к Ивану Ивановичу пустили.

Он еще немного добавил к своему телефонному рассказу:

— Двери тогда настежь распахнули, со двора министров ведут. Я за поленицей лежал, потом не выдержал — побежал. Испугался, ведь никакое я не правительство — фельдшер, и только...

Больше я юнкера моего не видела, только привет от него разок получила: принесли с okazji флакончик ликера — такие в подвалах Зимнего были.

— Принято сравнивать революционный год с нашим временем. Правоммерно ли это?

— Сравнить ту революцию с этой? Не удивляйтесь, я считаю, что у нас сейчас самая настоящая революция происходит. А это, я вам доложу, штука весьма болезненная. Но пережить можно. Только тогда, извините, в правительстве люди были куда квалифицированнее и опытнее, чем сейчас. И, опять же, все на своем месте. Взять министров, каждый — личность. Два образования обязательно, одно из них юридическое. Да как мысли излагали!

Нынче уровень, милый мой, не тот. Смотрела я как-то заседание сессии Верховного Совета страны и диву давалась: обсуждают депутаты проект Закона о земле. А один из них так наивно удивлялся — не знал, что есть в Союзе республики с поливным земледелием. Каково?

— Зинаида Константиновна, а как вы думаете, нужна ли была России вообще революция?

Февральская нужна была безусловно, и, вполне возможно, следовало на ней остановиться. Государь себя дискредитировал, на фронте дела шли худо. И смена режима напрашивалась. А вот дальше...

Каковы результаты Октября, известно. О потерях всем нам скорбеть еще долго придется. А ныне?.. Уж и удивляться устали: взятки да казнокрадство пыльным цветом расцвели, уму непостижимо! Конечно, и в наше время, извините, воровали. Взять, скажем, дело военного министра Сухомлинова. Но считалось оно позором чрезвычайным! Суд был по всей строгости, чтоб другим неповадно...

— Ваш отец был потомственный дворянин. Значит, про понятие «дворянская честь» вы представление имеете?

— Порядочность да интеллигентность — вот все представление. Скажем, считалось всегда непорядочным, коли в солидный офицерский дом приходит с визитом жандарм. Были они символом всего нечистого, хотя люди и знали: жандармский корпус — опора трона. В офицерское собрание они, разумеется, допускались, а чтобы в дом, это нет.

Случилось, и мне уже другие жандармы в конце сороковых годов предлагали стать освесомительницей. Мол, не хотите ли стать нам полезной? Отвечаю, что не желаю. Отчего же? Да оттого, что сие не придаст мне блеска в своих же глазах. Я ведь дочь офицера и с жандармами знаться не желаю.

Сказала и обмерла. Хорошо, обошлось. Полковник МГБ на меня глянул удивленно и бросил холодно: «Принуждения не будет!» А мог бы, коли постарался, еще «десоточку» к моему сроку набросить.

...Щелкает кассетой диктофон, словно сообщая о конце беседы. Сколько еще осталось нерасказанного о людях, которые давно ушли. А прошлое я еще долго-долго буду видеть ее глазами. Глазами тоненькой девушки с высокой прической — Зиночки Манакиной из далекого 1917-го.

Валерий БУРТ

Сидней Рейли — согласно советской историографии крупнейший антисоветский шпион, организатор и душа «Заговора Локкарта» в августе 1918 года. О нем благодаря книгам и фильмам (в частности, телевизионной картине «Операция «Трест») известно, казалось бы, все. Тем неожиданнее версия, предлагаемая в памфлете Революта Пименова «Как я искал Сиднея Рейли», отрывок из которого мы предлагаем вашему вниманию. Памфлет-расследование написан в 1968 году, распространялся в самиздате. Отрывки из него — без ведома автора — в 70-х годах были опубликованы за рубежом. Револют Пименов в 1949 году был посажен в сумасшедший дом за подачу заявления о выходе из ВЛКСМ. В 1990 году народный депутат Пименов был избран в Конституционную комиссию Съезда народных депутатов РСФСР. В промежутке между этими событиями неоднократно арестовывался, защищал диссертации, писал для самиздата книги по истории русской революции и издавал книги и статьи по математике. Доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Коми Научного центра Уральского отделения Академии наук СССР (Сыктывкар). Полностью памфлет «Как я искал Сиднея Рейли» будет опубликован в журнале «Детектив и политика».

Я, как, наверное, и все вы, мои читатели, не один раз слышал о Рейли. Со школьной скамьи. Всякий раз, когда мне доводилось читать про него, мне это сопровождалось эпитетами «матерый», «злейший враг», «опытный», «опасный». На заре существования Советского государства Интеллидженс сервис заслала к нам в качестве начальника всей разведывательной сети в России этого офицера английской службы. И только благодаря гибкости ЦК, прозорливости Феликса Эдмундовича Дзержинского и, конечно же, всенародной поддержке органов ЧК и ГПУ удалось таки изловить и расстрелять этого страшного врага.

Не видя никогда фотографий и портретов Рейли, я представлял его себе эдаким типичным англичанином, с бульдожьей челюстью и неизменной сигарой во рту (конечно, когда он по своим шпионским надобностям примирялся рабочим или красноармейцем, сигару приходилось маскировать под козью ножку).

Должен признаться, у меня не возникало желания подробнее узнать о Рейли, его деяниях, авантюрах и преступлениях. Шпион — ну и ладно. Слишком мало знал я о нем, чтобы заинтересоваться им. А вот недавно довелось мне прочесть роман-хронику Л. Никулина «Мертвая зыбь». Л. Никулин не только мастер пера. Он еще старый чекист. Поэтому роман его получает силу если не свидетельства очевидца, то, по крайней мере, силу свидетельства человека, которому все стало известно из первых рук. А рассказывает роман немного и немало как увлекательную историю: дабы успешнее бороться с контрреволюцией и шпионажем, начальник контрразведывательного отдела ОГПУ Артур Христианович Артузов по личному указанию Ф. Э. Дзержинского засылает в стан врагов своего агента — Александра Александровича Якушева. Этот агент возглавляет организацию «Трест», более чем наполненный состоящими из чекистов. «Организация» выявляет отдельных монархистов: какой же ты, дескать, монархист, ежели конкретного поручения не выполняешь? Берется голубчик за конкретное поручение, и тогда за него берутся те чекисты, которые действительно вне рамок «Треста» (он же «Монархическая организация центра России», т. е. МОЦР). Так вот, этот

самый «Трест» заманил с территории Финляндии в СССР в 1925 году матерого разведчика и врага советской власти — Рейли.

Операция по выводу Рейли на советскую территорию великолепно укладывается в общую схему деятельности «Треста». Судите сами. 25 сентября 1925 года Рейли, приехав в Хельсинки, впервые в жизни встречается с Якушевым на квартире супругов Шульцев. Якушев зовет его в СССР: посмотреть, побороться с Советами. Рейли отговаривается, что спешит в Европу, что пароход на Штеттин отходит 30 сентября, а за три дня не перебраться туда и обратно. Мыслимое ли это дело?! Якушев заверяет его: да что нам граница, да нам ли ЧК бояться! Пошли, браток. Ну и Рейли, «желая поразить своих коллег из Интеллидженс сервис» лихостью своею, соглашается. В тот же день, в 10 часов вечера, он переходит границу («окно» было предусмотрено заготовлено сотрудником советской погранохраны Тойво Вяхи, а по другим сведениям, Иваном Петровым) и, осмотрев Ленинград, вместе с Якушевым едет в Москву, где 28 сентября его арестовывают. На допросах, которые вел замначотдела Р. А. Пилляр (по другому написанию — Пилар), Рейли признавал многое, но упорно молчал об агентах английской разведки в советских учреждениях. Так продолжалось, пока 30 октября ему не объявили, что он будет расстрелян по старому приговору, висевшему над ним еще с дела Локкарта. Тогда он выражает (письменным образом) желание «дать вполне откровенные признания относительно состава великобританских разведок (он призвал на допросах, что — капитан английской разведки) и, поскольку мне известно, также сведения относительно американской разведки». 5 ноября 1925 года Рейли был расстрелян.

Очень увлекательно и поучительно. Спасибо Л. Никулину за то, что он рассказал нам про приемы работы и моральные нормы, считаемые им похвальными. Но меня резануло одно обстоятельство, относящееся к фактической канве. Даже, пожалуй, два.

Матерый и опытный шпион меняет свои планы под влиянием уговоров чуть ли не первого встречного. Не просто меняет планы, но идет на непомерный риск, на прямую угрозу своей свободе и жизни. Наконец, на нарушение служебной дисциплины. Ему ли не знать, что разведчик не имеет права столь резко нарушать планы своего руководства. Понимает же он, что, без специального на то разрешения шефа забравшись в страну, где действуют особые законы, он теряет надежду на то, что в случае провала его постарайся выволочить, спасти, обменять. Нет, право же, не верится мне, будто профессионал-разведчик, каким бы авантюристом он ни был, поступит так, как поступил Рейли.

Пожалуй, именно эта несообразность побудила меня всерьез заинтересоваться Рейли. Кто он такой? Что еще известно о нем? Что он сделал? Где и когда шпионил против Советской России? Что поведает этот субъект с отвислой нижней губой?

И еще одно. Ведь в глаза кидается чудовищный абсурд в поведении чекистов, арестовавших Рейли. 30 октября шпион, руководивший английской разведкой против СССР, соглашается выдать органам всю английскую (а заодно американскую) сеть, а органы расстреливают его 5 ноября. Помилуйте, но даже Николаева, убившего С. М. Кирова, допрашивали 28 дней, несмотря на то что по закону от 1 декабря 1934 года НЕ ИМЕЛИ ПРАВА допрашивать более 10 дней; несмотря на то что следствие, направляемое нарушителем законности Ягодой, хотело, как теперь все знают, лишь скрыть следы подлинных организаторов этого убийства. А тут — нате! Хочешь выдать своих — получаешь пулю на седьмой день! Зачем? Почему? С чем связана такая спешка? Да и все-то следствие длилось только 38 дней!.. Непонятно.

Конечно, утешал я своего червя сомнений, произведение Л. Никулина — всего-навсего роман, хотя бы и названный документальным. А в художественном произведении может как до-

КАК Я ИСКАЛ

Револют ПИМЕНОВ

кумент фигурировать даже дневник марсианина или переписка между Львом Толстым и Лавуазье. Но, продолжал я обдумывать ситуацию, если у Л. Никулина перемешаны неотличимо правда и вымысел — Wahrheit und Dichtung, — то как их различить? А если у него только правда, то как объяснить, что она такая неправдоподобная? Неправдоподобная в главном — в мотивировке поведения героев?

И вот я пустился в поиски в прошлом. Мне хотелось хотя бы для себя воссоздать облик человека, совершавшего свои преступления почти полвека назад, и понять, почему так странно поступил он тогда в Хельсинки. Мне предстоит разобраться и уяснить, почему чекисты поступили с ним так, как я, дилетант, никогда бы не поступил.

Итак, я направился к полке с энциклопедиями, взял Encyclopedia Britannica и распыл ее на Reilly (по-английски пишется не Рейли, а Рейлли). Нет — хотел раскрыть. Дело в том, что в подробнейшей английской энциклопедии нет статьи об одном из самых выдающихся агентов английской разведки. Более того, нет даже упоминания о нем: его фамилия отсутствует в Британской энциклопедии вовсе. Ее нет также в статьях о Савинкове, о Локкарте, о России, об Интеллидженс сервис. Нигде. Вот о Лоуренсе, знаменитом шпионе Востока, сказано на двух страницах. О других, поменьше, сказано. А о Рейли — о «западном Лоуренсе», как он назван в одной советской книге, — ни слова. Засекретили, черти, наверное!

Хотя — подождите! Что там секретить, когда и сын Рейлли, и жена его (последняя из миллиона его жен — законная, католически обвенчанная Пепита Бобадилья), да и сам Рейлли только и делали, что писали мемуары о том, каким он был искусным разведчиком. Книжки эти — всех годов изданий от двадцатых до шестидесятых — продаются на Западе свободно. Названия книг сих видел и я в сводных перечнях библиографии. По усам текло, да в рот не попало...

Загадки растут. Почему матерый разведчик рекламировал сам себя, при жизни, не уйдя еще в отставку, а Британская энциклопедия скрывает данные о нем целых сорок-пятьдесят лет спустя? Ведь в Англии действует закон, согласно которому все практически без исключения материалы, какой бы гриф на них ни стоял, обязательно рассекречиваются тридцать лет спустя после даты их составления. Непонятно.

Ну, ладно. Раз молчат официально английские данные, а самореклама Сиднея Джорджа Рейлли мне недоступна, обратимся к тому, что мне, человеку без допусков, доступно. А доступно мне немного плюс логика.

Прежде всего достоверность изложения Л. Никулина заверяет научный журнал «История СССР». В статье «Дело Бориса Савинкова» авторы не поленились сделать подстрочное примечание: «Операция по выводу Сиднея Рейли на советскую территорию подробно описана в книге «Мертвая зыбь» Л. Никулина». Несколько странно, что научный журнал ссылается на беллетристику или детективный роман, но смысл ясен: ученые-историки образца 1967 года степенями своими ручаются за версию — Якушев заманил Рейли, и последнего расстреляли сразу. ПОДРОБНО ОПИСАНО.

До некоторой степени основную фабулу заманивания Рейлли подтверждает упоминавшийся ранее И. Петров. В сборнике «Особое задание», вышедшем в 1968 году, автор, бывший в 1925 году начальником пограничного кордона, описывает события, связанные с переходом Рейлли границы; И. Петров лично переводил его. Правда, весь рассказ И. Петрова (так и называющийся «Особое задание», стр. 296—309 сборника) не включает ни предистории, ни эпизода перехода: почему Рейлли решил переходить? что с ним стало потом? И вообще не ясно, к какому жанру причислить рассказ И. Петрова. Это не научная литература (тираж 65 000, издательство «Московский рабочий», весь сборник адресован массовому читателю, ибо никакого справочного или библиографического аппарата нет и в помине), не мемуарная даже в строгом смысле слова (достаточно указать на избирательность воспоминаний, представленных в сборнике), но и не художественная, конечно (достаточно указать, что сборник составлен по специальному постановлению Комитета государственной безопасности особой редколлегией из 10 лиц). Так что, не приближая нас к решению наших теперь уже трех загадок, воспоминания И. Петрова тем не менее ложатся тирей неопределенного веса на ту ташу, которая клонится в сторону подтверждения версии Л. Никулина. Собственно, И. Петров свидетельствует лишь о том, что самое высокое начальство (полномочный представитель ОГПУ по Ленинградской области Станислав Адамович Мессинг) поручило ему бережно перевести через границу неизвестного, которого это начальство называло Петрову именем Рейли.

Беру перевернутую с английского в 1947 году книгу американских коммунистов Сейерса и Кана «Тайная война против Советской России». Правдивость и точность фактов, изложенных в ней, заверяет сам П. Поспелов (до самого последнего времени бывший директором Института марксизма-ленинизма). Правда, он слегка выговари-

вает авторам за излишний либерализм в описании У. Черчилля, но Черчилль нам ни к чему. Авторы много страниц отводят описанию антисоветской деятельности Сиднея Джорджа Рейлли (к этому я еще вернусь). И они повторяют первую несуровую, приковавшую мое внимание. Верно, Рейлли выехал в Хельсинки, где 25 сентября 1925 года встретился с неизвестными ему Шульцами, поверил чьим-то уговорам и отправился налегке в Россию. Более того, здесь приводится документ — его письмо своей жене:

«Мне непременно нужно съездить на три дня в Петроград и Москву. Я выезжаю сегодня вечером и вернусь во вторник утром. Я хочу, чтобы ты знала, что я не предпринял бы этого путешествия без крайней необходимости и без уверенности в полном отсутствии риска, сопряженного с ним. Пишу это письмо лишь на тот маловероятный случай, если бы меня постигла неудача. Даже если это случится, прошу тебя не

Рейлли! Я намеревался, читая разные книги, разрешить исходные две загадки, а между тем число их выросло уже до четырех: 1) неожиданность поездки в Россию; 2) поспешность его расстрела; 3) молчание о нем английских источников; 4) крайняя его уверенность в могуществе Якушева.

Небольшое отступление. Тому читателю, который не знает истории с поимкой Рейлли, полезно узнать вот какую подробность. Когда Рейлли арестовали 28 сентября 1925 года (в рамках версии Л. Никулина), то «Тресту» стало грозить разоблачение. Не то чтобы в нем напелся кто-либо подобный директору департамента полиции А. А. Лопухину, который выдал социалистам-революционерам Е. Ф. Азефа (руководствуясь представлениями надклассовой морали о неэтичности поступков последнего); нет, глупость такого рода не грозила «Тресту», руководимому закаленными чекистами! Но просто неподставные монархисты могли заколе-

ней давности: В. Минаев «Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР». Часть первая. Москва, 1940. Под редакцией И. Ерухимовича. Автор — дай ему бог здоровья — честный чекистский писатель, не замешанный, как видно из того, что публиковался и в 1950-м, и в 1965-м, ни в уклонистской деятельности, ни в злоупотреблениях культа личности. Не то что Сейсер и Кан, которые как-никак иностранцы. Раскрываю со спокойной душой на страницах 87 и ...:

«Летом 1925 года через финляндскую границу на советскую территорию был перебросен уже известный нам английский разведчик Сидней Рейли. Он имел при себе паспорт на имя купца Штейнберга. Арестованный ОГПУ в 1927 году, Рейли показал, что «он приехал в СССР в 1925 году со специальной целью организации террористических покушений, поджогов, восстаний и т. д.».

Мне показалось, что я в кошмарном сне. Бульдозная физиономия вытягивается в еврейское лицо торговца. Человек, который «шел в комнату, попал в другую» — который на три дня забегал в Россию по дороге в Штеттин, — собирався за три дня организовать террор, поджоги и восстания. По Л. Никулину, Рейли на даче в Малаховке подстрекает Якушева и Потапова (тоже чекист) воровать художественные ценности и продавать их за границу. «Для денег можно пожертвовать репутацией». Воровать следует офорты, гравюры, монеты, примитивы, шедевры... Пожалуй, по Л. Никулину, это самое преступное, что делает Рейли в свой последний приезд в Россию.

«Потапов и Якушев, стараясь сохранить спокойствие, знакомятся с этой инструкцией... Неужели этот человек, у которого за душой нет ничего святого, будет отпущен для того, чтобы сохранить репутацию «Треста»?»

По В. Минаеву, Рейли готовит террористические покушения, поджоги, восстания... Ну что же, у каждой эпохи свои представления о том, что должен делать образцово-показательный враг. Одна считает, что он отравляет колоды, а другая — что он расстреляет поэтов. Но бог с ней, со всей этой логикой. Факты? Мне говорят, что Рейли был арестован в 1927 году. Повторяю просьбу: не в двадцать пятом, а в двадцать седьмом году!

Может быть, надо винить наборщика и корректора? Опечатка? Следует читать: «Арестованный ОГПУ в 1925 году, Рейли показал, что он приехал в СССР в 1925 году...». Да нет же, так не пишут! Тогда во второй раз стою бы не год, а месяц или даже число. Может быть, ошибка или небрежность автора? Нет, не думаю. Конечно, В. Минаев может позволить себе выражение вроде «кулацкие элементы американской деревни», говоря о США в 1950 году. Конечно, В. Минаев может позволить себе сказать о плохом человеке, что у того имеются две судимости за мошенничество, имея в виду, что тот дважды представлял перед судом — нижней инстанцией и апелляционным судом — по обвинению в мошенничестве (причем в последнем истец отказался от обвинения), но, со всеми этими оговорками, В. Минаев не придумывает ничего, что носит характер фактического. Есть за ним это достоинство. А оценки, а риторика, а терминология — вся имеет право распоряжаться ими по усмотрению. В. Минаев никогда не врет, если под ложью понимать несоответствие официально заверенному документу, имеющему хождение в период написания книги. По всей вероятности, в распоряжении Минаева был документ, в котором говорилось, что Рейли арестовали в 1927 году. Интересно, что еще было в этом документе? Перевернем страницу книги В. Минаева:

«Находясь в СССР, Рейли ведет свою гнусную работу. Ему удалось под видом уроженца России «товарища Рейлинского» пробраться в ленинградский уголовный розыск и пролезть в кандидаты партии. Здесь его и настигла карающая рука ОГПУ».

Да, двух толкований быть не может. «Здесь», в УГРО, его арестовали. А это никак не могло быть на третий день по переходе им границы. Версия Л. Никулина не может быть объединена с версией В. Минаева. Которая же из

двух правдоподобней?

Версия В. Минаева внутренне цельнее. Она свободна от необъяснимых противоречий спешного перехода границы и экспресс-расстрела. Да и только что упомянутое предложение Рейли продавать картины. Не верится мне, чтобы оно могло взволновать чекистов двадцатых годов гнусностью своей, презрением всего святого. Не тот был тогда настрой. Это отдельные, не от мира сего сотрудники Эрмитажа могли кончать с собой в те годы, не вынеса массового экспорта картин. А Якушев и Потапов в крайнем случае могли разве лишь насторожиться: появился конкурент, а ведь СТРАНЕ нужна валюта на индустриализацию. Держи его! Версия В. Минаева неплохо согласуется (при одном допущении) и с версией Сейсера и Кана. Допустим, что Рейли не доверял жене и умышленно ее дезинформировал, говоря, что он на три дня только забегал в СССР. Он давно и тщательно готовился к переходу и последующей шпионско-диверсионной деятельности. Чтобы никто его не искал, он хочет уверить всех, будто он мертв. Для этой цели он подстраивает неудачный переход границы, причем подбрасывает подставному лицу реплики, должностные отождествить того с ним, Сиднеем Рейли. В пользу такого отождествления говорит и поведение его ничего не ведающей жены, которая, узнав о перестрелке на границе, немедленно, вопреки запрету мужа, примчалась в Финляндию и опубликовала некролог. Ну, конечно, Сиднею пришлось бросить Пениту, но к смене жен Рейли относился с энтузиазмом. Итак, никакого «Треста» не было, Якушев тут ни при чем, да и Артузов тоже. Чекисты искренне верили, что убитый на границе и был С. Дж. Рейли. Нам не нужно принуждать себя, как заставляет нас Л. Никулин, не доверять официальному сообщению об убийстве Рейли на границе. Впрочем, «Трест» мог и существовать, Якушев мог даже заманивать Рейли или еще кого. Только на территории России Рейли перехитрил чекистов и оторвался от их слежки.

Итак, Рейли не был убит 28 сентября 1925 года на границе. Он не был расстрелян 5 ноября 1925-го в Москве. Он жил до 1927-го в Ленинграде.

Так бы оно так, да возникает шестая загадка. Фамилия! Обратите внимание на фамилию. Настоящая фамилия шпиона — Рейли. Он выдает себя за Реллинского. Фантазия не хватило, что ли? Зачем он выбирает себе фальшивую фамилию, от которой за версту несет его настоящей? Читаясь в слова В. Минаева «...под видом уроженца России «товарища Реллинского» пробираться...», мы можем заметить еще более странное обстоятельство. Вроде бы В. Минаев и не говорит прямо, что фамилия Реллинский была фальшивкой. Вроде бы ссылка на нее давала слышавшемуся какие-то права.

А если мы вернемся к Сейсеру и Кану, то узнаем, что Сидней Джордж Рейли орудовал в 1918-м почти восемь месяцев под именем Сиднея Георгиевича Реллинского (они пишут с одним «л»). Под этим именем он был замешан в истории, получившей название «заговор послов». И был тогда сотрудником петроградской ЧК, ее уголовного отдела, имевшим пропуск для свободного прохода в Кремль (хотя Кремль и не в Петрограде).

Тут я понимаю отказываюсь. Если он был известен под этим названием, под этим именем разоблачен и приговорен к смерти, то какого рожна лезет он под тем же именем в том же Ленинграде почти в тот же орган? Дабы здесь и настигла его карающая рука ОГПУ? До чего убога фантазия этого шпиона!

Хватит! Мне надоел этот сумбуз из утверждений, каждое из которых выдается с аллопом истины, заверенной гербовой печатью, и из которых ни одно не согласуется с другим да и с самим собой не вяжется. Мне надоело читать историко-фантастические романы: Рейли расстрелян? Где! Когда! Который из трех трупов был Рейли: труп на финской границе? Труп на Лубянке 5 ноября? Труп в Ленинграде в 1927 году? И был ли хоть один труп? И был ли вообще Рейли?!

© Р. Пименов, 1990

ШПИОНА РЕЙЛИ

предпринимать никаких шагов, они ни к чему бы не привели, а только воспользовались бы большевиками и способствовали бы выяснению мой личности. Меня могут арестовать в России лишь случайно, по самому ничтожному, пустяковому поводу, а мои новые друзья достаточно влиятельны, чтобы добиться моего освобождения».

Итак, мы видим, что поездка в Россию действительно была неожиданностью для С. Дж. Рейлли. Жена Рейли была в курсе всех его дел, именно она потом многократно переиздавала его мемуары с добавлениями, от нее он не скрывал ничего (или, может быть, все?). Во всяком случае, теперь у меня отпала гипотеза, будто Рейли заранее, безотносительно к Якушеву, собрался ехать в Россию и только для видимости разыгрывал перед Якушевым сцену колебания. Нет, для Рейли и его жены изменение маршрута (вместо Штеттина в Москву) было внезапным. Задержка тоже была внезапной. Далее. Он, матерый и опытный разведчик, внезапно поверил в почти всемогущую силу своего нового знакомого: «Мои новые друзья достаточно влиятельны, чтобы добиться моего освобождения». Любопытно, не правда ли? Штатный сотрудник английской разведки, предвидя опасность ареста (хотя бы случайного, за нарушение правил уличного движения, скажем), просит жену... не о том, чтобы в этом случае она обратилась по начальству с просьбой о заступничестве, нет! Он просит ее молчать и ничего не делать!.. Ну, знаете, он верит первым встречным Якушеву — Шульцам больше, чем шефу Интеллидженс сервис! Вот так сотрудник Интеллидженс сервис! Капитан английской службы!

Неуловим все-таки облик С. Дж.

баться: Рейли поехал в Россию под гарантию Якушева и исчез. Заподозрят. Разоблачат. И вот силами пограничников на финской границе инсценируется перестрелка при попытке неизвестных перейти границу со стороны СССР. Наутро сообщение:

«В ночь с 28 на 29 сентября четверо контрабандистов пытались перейти финскую границу. В результате двое было убито. Третий, оказавшийся финским солдатом, арестован, а четвертый умер в результате тяжелого ранения».

Через несколько дней советские власти сообщили, что они выяснили личность убитого и официально сообщили о смерти капитана Сиднея Джорджа Рейли, сотрудника английской Интеллидженс сервис. Вдова — тогда еще соломенная, как мы знаем от Л. Никулина, — поместила в «Тайм» некролог:

«Сидней Джордж Рейли убит 28 сентября войсками ГПУ у деревни Аллекюль в России».

Сейсер и Кан останавливаются на этом официальном советском сообщении. Они не знали, что перестрелка была инсценировкой и что Рейли жил еще до 5 ноября. Л. Никулин подымает (или приподымает?) засек.

И совсем уже между прочим. Интересно бы знать, кто были те трое, которые одолжили свои трупы пограничникам для инсценировки?

Не знаю, как вы, читатель, но я ощущал себя окончательно подавленным загадками и неразрешенными противоречиями. Поистине верны слова Паскаля: «Человеческое познание — это бесконечно растущая сфера. Чем больше ее объем, тем больше точек ее соприкосновения с неизвестным».

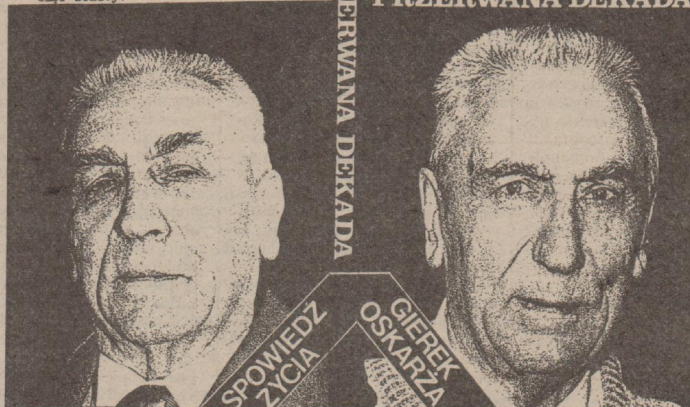
Следующей книгой, которую я взял в руки, была книга почти тридцатилет-

Растолкав книги с кричащими заголовками, которых так много сейчас на книжных прилавках Варшавы, место бестселлера заняла «Прерванная декада» Януша Ролицкого. Это интервью-исповедь Эдварда Герек (род. в 1913 г.). Он в течение десяти лет (отсюда название книги) был первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии — с декабря 1970-го до сентября 1980 года.

Герек молчал 10 лет, «как огня, избегая журналистов». И вот теперь — исповедь.

Книга, как и жизнь,

Odmówiono mi prawa do obrony, skazano na nieśmiertelność i poniżenie... Ale tej książki nie dyktowałem — choć żałuję.

Janusz Rolicki
**EDWARD GIEREK:
PRZERWANA DEKADA**

вместила многое. Мальчик из рабочей семьи, Герек в 13 лет начинает «вкатывать» на шахте. Вскоре семья в поисках работы вынуждена эмигрировать во Францию, затем в Бельгию. В 17 лет Эдвард Герек вступает в компартию. Участие в Сопротивлении в годы войны и возвращение на родину в 1948 году. Стремительный взлет по ступенькам партийной карьеры и падение с головокружительной высоты...

Мы публикуем отрывки из книги «Прерванная декада».

Это еще не последнее мое слово

— 5 сентября 1980 года Вы не явились на заседание Сейма. Вскоре стало известно, что Вы находитесь в больнице в Анино. Что же произошло?

— Я работал всю ночь в своей служебной квартире в Кларысе под Варшавой, готовясь к важному выступлению на Сейме. К утру я почувствовал такую резкую боль под грудиной, что подумал: «Это конец». Дали знать о себе волнения двух последних месяцев. Стараясь не паниковать, я осторожно разбудил жену и попросил вызвать врача. Через полчаса дежурный офицер прибыл с реанимационной каретой «скорой помощи». Приехал профессор Янушевич, а вслед за ним профессор Сливинский.

— Министр здравоохранения?

— Да, профессор Сливинский был тогда министром здравоохранения. Оба профессора осмотрели меня, сняли кардиограмму и незамедлительно забрали в Агинскую больницу. Там меня поместили в отдельном корпусе, под особым надзором, как я потом узнал. Подключенный к аппаратам и мониторам, я восемь дней пролежал прямо как Лазарь. А потом провел целых восемь недель на излечении в этой больнице. Мною занимались замечательные врачи, прежде всего пани профессор Хоффманова и профессора Янушевич и Гибинский.

— Утром, когда стало известно о Вашей болезни, было созвано экстренное заседание Политбюро ЦК ПОРП. На нем было принято решение о назначении первым секретарем ЦК ПОРП Станислава Кани. Вечером того же дня на срочном созванном Пленуме Центрального Комитета утверждается это решение Политбюро. Кто-нибудь информировал Вас об этом?

— Нет. Никто ничего мне

не сказал — ни о заседании Политбюро, ни о Пленуме. Никто не пришел, чтобы узнать, как я себя чувствую. Только на следующий день, ранним утром, появились Станислав Кани. Хотя и чувствовалось, что он не спал ночь, настроение у него было прекрасное, самодовольство просто выпирало из него. Я слышал, как профессор Хоффманова не разрешала ему войти ко мне, говоря, что визит нежелателен ввиду тяжелого состояния больного. Слабый, как младенец, я неподвижно лежал на кровати, вслушиваясь в мерные звуки «шип-шип», доносившиеся из репродуктора монитора, контролирующего работу моего сердца. И это было для меня важнее того, что стал говорить мне человек, которого я десять лет поднимал со ступеньки на ступеньку лестницы партийной иерархии. На свою, и не только на свою, беду...

— В тот момент Кани был секретарем ЦК и членом Политбюро. А кем он был в день Вашего выбора первым секретарем, в декабре 1970-го?

— Начальником отдела Центрального Комитета.

— То есть карьерой он обязан Вам?

— Безусловно. Так вот, о его визите. Хорошо помню, как он с напускной торжественностью извещал меня о решении помочь мне в моих нелегких обязанностях. При этом основная тяжесть ложилась на его плечи, ибо именно его избрали на мое место первым секретарем. Он не смог скрыть обуревавшую его радость, хотя говорил с похоронной миной. Почувствовав неприязнь, ибо я не имел оснований разделять его радость, Кани поспешил заверить меня, что, как только я оправлюсь от болезни, буду избран Председателем партии. Об этом говорилось на Пленуме. Я ни-

когда не был сторонником теории Паркинсона и не без иронии подумал: при создавшейся сложной ситуации в стране эта должность нужна мне как рыба зонт. Такой была моя последняя встреча с Каней. Он покинул палату и энергичным шагом направился оздоравливать партию, я же остался один на один с мониторами. Вскоре я понял, что стал персоной нон грата — со мной прекратили все контакты по политическим вопросам. Когда я уже выздоравливал, в корпусе, где я лежал, часто появлялся Юзеф Пиньковский, последний премьер-министр, назначенный мной. Он посещал свою больную мать. Как-то офицер из моей охраны предложил ему зайти ко мне, но тот отговорился нехваткой времени.

— Как Вы это переносили: тяжелая болезнь и политическая пустота вокруг?

— Я был действительно серьезно болен, и какое-то время врачи опасались второго инфаркта. В таком положении, независимо от обстоятельств, человек замыкается в себе. Но иллюзий я не питал, понимая, что для меня настали тяжелые времена. И в то же время кое-что вселяло бодрость. Во время долгих бессонных ночей я пришел к выводу, что у меня есть по крайней мере две причины гордиться собой. Первая: преодолел все препятствия — а их было немало, — я сумел все-таки прийти к соглашению с бастующими рабочими. Вторая: пусть как политик я проиграл, но я был единственным первым секретарем ПОРП, который не запялтал рук кровью своих сограждан. Я остался верен обещанию, данному народу и самому себе десять лет назад.

— Как долго Вы были в больнице?

— Через десять недель ме-

ня перевезли, вместе с женой, в особняк в Спале, на реке Пилице.

— Осенью 80-го года я видел телерепортаж об этой Вашей резиденции. В нем говорилось о баснословной роскоши убранства, о бесценных античных произведениях искусства. Посмотрев передачу, многие пришли к выводу, что у Вас слишком большая жилищная...

— Дворец Мосцицкого — а Спала была резиденцией польских президентов — строил не Эдвард Герек. В те времена я был безработным шахтером, вывоненным из Франции. А если говорить серьезно, то вскоре оказалось, что жить мне негде. Покинув служебную резиденцию в Кларысе, в феврале 1981 года я вернулся в свою квартиру в Катовицах.

— Вы находились под стражей?

— Нет, формально нет. Сначала, будучи тяжело больным, я и сам не мог покидать клинику. Я находился в полной изоляции, и какое-то время ко мне не пускали даже моих сыновей. Офицеров из моей охраны я не расспрашивал, какие им даны инструкции, — так, на всякий случай. Бываю в жизни ситуации, когда неведение лучше правды.

— Случалось Вам следовать этому принципу и в политике?

— Шутить изволите! В наше время, в таком большом и таком специфическом государстве, как Польша, никто стоящий у власти не может позволить себе прятать голову в песок, иначе ему ее просто не сносить.

— А не случалось ли Вам задумываться над тем, как поразительно интересно изменилась роль офицеров охраны? Из «горилла-охранников» они стали тюремщиками. С психологической точки зрения...

— Плохой из Вас психолог. Уверю Вас, эти люди были отнюдь не в восторге от своей новой роли. И ни один из них не был для меня Рафинадом из романа Уоррена, да и я, смею думать, никогда не был бездушным сатрапом.

— Средства массовой информации Вас представляли, мягко выражаясь, человеком глубоко нечестным, обвиняли во многих недостатках, прежде всего в непотизме (кумовстве). Сильный должен быть характер у человека, чтобы не сломаться.

— Обладание политической властью всегда связано с риском ее потерять. Что же касается обвинений... После такой кампании ненависти — и со стороны кого? не «Солидарности», а моих недавних товарищей по партии — каждый трезвомыслящий человек поймет: если бы мои враги располагали хоть какими-то доказательствами моей вины, я уже сидел бы на скамье подсудимых. Кстати, это было одним из пунктов программы Кани и Мочара.

— Думаю, Брежнев не допустил бы этого.

— Уверен, Брежнев охотно воспользовался бы возможностью расчитать со мной, уж слишком долго пришлось ему терпеть существование «Солидарности», в возникновении которой обвинял меня. Так неужели ради столь важного для Системы дела он не решился бы санкционировать процесс старого франко-американского шпиона?

— Шпиона?

— Да, да, я располагаю доказательствами, что меня пытались обвинить в этом. Особенно меня ранила травля моей семьи. О чем только не писали в газетах и не говорили по телевидению: что жена ездила в Париж делать прически, что сыну по моему звонку

присвоили звание профессора, что невестка владеет частной клиниккой. И т.д. и т.п. Немного окрепнув, уже из Катовиц, я позвонил Кане по правилу телефонного, который не успел еще снять в моей квартире. Странно, но меня с ним сразу соединили. Я сказал ему: «Хотите бороться со мной — боритесь, но отцепитесь, холера вас дерит, от моей семьи!» И знаете, что я услышал в ответ от первого секретаря ЦК ПОРП?

— Что?
— «Товарищ Герек, а помните, как вы вместе с Ярошевичем хотели прикончить меня? Может, вы и забыли, да я помню, и теперь я вам покажу, как приканчивают. До смерти меня не забудете». Согласитесь, довольно зловеще это прозвучало.

Вы спросили, благодаря чему я все это перенес и, как видите, очень неплохо держусь — назло моим врагам. Секрет прост: как многим из моего поколения, мне пришлось испытать немало превратностей судьбы. Меня просто-напросто закалила жизнь.

— Давайте попытаемся выяснить вопрос о декабрьских событиях. Мога ли не произойти эта трагедия?

— Декабрь 70-го года — самая большая после войны трагедия нашего народа. Вызвана она была стечением целого ряда различных обстоятельств. Здесь и недовольство народа слишком медленным развитием страны, и застой — как в политической, так и в экономической и социальной сферах, отсутствие перспектив, особенно для молодежи, расхождение слов с делом и все более ясное осознание того, что мир убегает от нас все быстрее, а мы отстаем.

Известно ли Вам, что по уровню экономического развития мы были на последнем месте среди европейских стран социалистического содружества? И все же даже всех этих тревожных факторов самих по себе было недостаточно для того страшного взрыва народного недовольства, который произошел в декабре 1970 года. Народное недовольство могло тлеть годами. Но резкое повышение цен на продукты питания сыграло роль детонатора. И, что еще более обострило положение, сделано это было в праздничные дни...

— ...Сначала Вы поехали с новым премьер-министром Петром Ярошевичем в бастующий Щецин?

— Да. В Щецине на переговоры с бастующими рабочими судоверфи мы приехали без предупреждения. Остановились в здании воеводского Совета, а Шляхчиц отправился на судоверфь подготовить встречу. Проходит час, второй, а от него никаких вестей. Я и говорю: «Будь что будет, поехали на верфь». А уже наступил вечер, стемнело. На нескольких машинах мы подъехали к воротам судостроительной верфи имени Варско-го. Ворота были закрыты, безлюдно, лишь флаги билась на ветру. Я подошел к проходной, где стояли несколько рабочих, вооруженных цепями, ломом, колыями. Увидев нас, они двинулись навстречу, настроены были явно агрессивно. Один спросил: «Вы кто? Чего вам надо?» Когда я ответил, что я Эдвард Герек, первый секретарь ЦК партии, это их явно смутило. Несколько человек сразу же побежали в дежурку — позвонить руководителям забастовки, спросить,

что делать с такими гостями. Минут через десять ворота перед нами открылись, и мы вошли на территорию уже спящей верфи. В помещении дирекции, где размещался забастовочный комитет, народу было совсем не много. Я сказал им, что вместе с премьером мы хотим встретиться с бастующими рабочими и их комитетом в полном составе. Нас отвели в большой конференц-зал и попросили подождать, пока не соберутся народ. Ждать пришлось довольно долго, часа полтора, не меньше. Тут к нам приблизился перетрусивший Франтишек Шляхчиц. Он очень нервничал: «Зачем вы сюда пришли? Это опасно. Я не в состоянии обеспечить вам охрану». «Да перестань ты, никакой опасности нет», — успокоил я его.

— Да, ситуация не банальная. Поздний вечер, в стране беспорядки, а в сердце бастующей верфи глава правящей партии и глава правительства пребывают в долгом ожидании сбора забастовочного комитета. Вряд ли теоретики марксизма могли предвидеть такой поворот...

— Пока ждали, о многом я успел передумать. Сам факт моего приезда к бастующим благотворно действовал на них. Ничего не скрывая, рассказал я рабочим о положении в стране, о своем отношении к разгону прежним руководством демонстраций, обещал никогда не применять оружия против рабочих. Эти простые слова, а также мое искреннее сочувствие тем из рабочих, кто пострадал в декабре, видимо, действовали, так как они решили прекратить забастовку и вернуться на рабочие места. Никогда не забуду радость, облегчение, которые отражались на лицах рабочих, когда они пришли к этому решению. Начиная забастовку, каждый рабочий обязательно думает о том, чем она закончится. Уж я-то это знаю, в жизни мне не раз самому приходилось быть по ту сторону баррикад. И, поверьте, когда в четыре часа утра мы с рабочими выходили с территории судоверфи, мы все были счастливы. Ну а я особенно, ведь мой рискованный шаг — а так его расценили многие из моих коллег — закончился полным успехом.

— Вы поставили на карту свою карьеру. А если бы не удалось?

— Честно скажу, я верил в успех. Ставкой в игре был не только Герек, ставкой была Польша, а ради страны я готов заплатить любую цену. После той ночи, несмотря на огромную усталость, мы отправились в Гданьск. Я попросил пригласить на встречу также рабочих судоверфи имени Парижской коммуны из Гдыни.

— Это там Вы спросили: «Вы нам можете?»

— Именно так я поставил вопрос на той встрече, рабочие поддержали меня, и это позволило Польше в последующие десятилетия сделать большой шаг вперед.

— ... Не слишком ли много Вы заботились об интересах партии?

— Мой дорогой, в то время интересы Польши тесно зависели от интересов партии. Сегодня, когда реальный социализм не только в польском, но и в европейском масштабе рассыпался на мелкие кусочки, легко изображать удивление: как это они могли не замечать, что социализм советского образца явно задыхался? Тогда

же, в начале семидесятых годов, еще не было тотального отрицания Системы, и для каждого здравомыслящего политика было ясно, что будущее Польши зависит от успеха именно этой общественной формации.

— Однако убийство рабочих на улицах польских городов органами порядка никак не вытекало из философии Системы, ни с провозглашаемыми ею лозунгами.

— В тревожные часы ожидания встречи с забастовочным комитетом в Щецине, а потом в Гданьске я понял: самое главное — отказаться от манипулирования лозунгом классовой борьбы, ибо он раздражал все. Наши польские условия позволяли перейти к другим лозунгам, в которых устаревшее понятие диктатуры пролетариата заменялось социальной, общепартийной солидарностью. Так родилось понятие «морально-политическое единство народа». Благодаря ему, благодаря вскоре объявленному нами переходу к развитому социалистическому обществу мы могли официально провозгласить возможность отказа от применения силы. Знаю, многим это казалось просто риторикой, многие пожимали плечами, читая эти наши лозунги, обвиняли нас в глупом манипулировании словами. Мои противники как в партии, так и вне ее не отдавали тогда себе отчета в том, что при каждой моей встрече с руководителями братских компартий, а особенно с Брежневым, разговор как минимум наполовину обязательно сводился к нашему отношению к костелу и к индивидуальному сельскому хозяйству.

Мы уже к середине моей декады самоуверенно заявили, что нами построен фундамент социализма, хотя подавляющее большинство поляков каждое воскресенье ходили в костел, а около 80% всех земель было в руках частных владельцев. Нет, Вы себе просто не представляете, как остро меня критиковали на встречах на высшем уровне.

— Многие тогда (а уж все бастующее побережье — точно) были недовольны Вами за то, что Вы взяли под защиту

Гомулку.

— Я отдавал себе отчет в том, что теряю популярность, защищая Гомулку. И тем не менее решение мое было твердо: отмежевываясь от его методов, но не задевая его личность. Почему? Во-первых, поступал так я просто из обыкновенного чувства порядочности — пребывая четырнадцать лет в руководстве партии, я в определенной степени, пусть даже формально, нес ответственность за сделанное им, не вчера же я, в самом деле, родился! Во-вторых, приходилось считаться с возможными последствиями внутри нашего блока. Еще 17 декабря Брежнев, обеспокоенный событиями в Польше, звонил Гомулке и предлагал ему братскую помощь, а уже 19 декабря, без согласования с русскими, на польской арене появился новый первый секретарь ПОРП, которого звали Эдвард Герек. Поздравил меня Брежнев только через сутки, а Аверкий Аристов, посол СССР в Польше, явился с поздравлениями лишь 21 декабря. Согласитесь, меня трудно было назвать ставленником советских товарищей.

Кроме того, осудив публично политику Гомулки, даже не предавая его самого суду, я мог вызвать демонтаж социализма, а этого я хотел избежать любой ценой. Только политический младенец или глупец может считать, что, оплевав с ног до головы первого секретаря, не нанесет ущерба его партии. Об этом знал Гомулка и не трогал Берута, человека, с которым боролся столько лет, за что был посажен в тюрьму и долгие годы пребывал в изоляции. А, следуя Вам знать, развенчать Берута, унижить его рвались очень многие. Гомулка не позволил, пренебрегая дешевой популярностью. Я поступил так же. Отказался от его методов, от применения силы против бастующих, но Гомулку не разрешил трогать.

— А чем Вы мотивировали свою защиту Гомулки?

— Тем, что нельзя оценивать человека, стоявшего во главе партии целых 14 лет, лишь через призму декабрьской трагедии. Я напомнил о споре его с Берутом и Стали-

ным, о заслугах Гомулки во время польского Октября. Ведь все знают, что в значительной степени благодаря ему в 1956 году мы избежали судьбы Венгрии. К сожалению, мои аргументы не очень-то убеждали бастующих. Люди, потерявшие во время разгона демонстраций своих родных и близких, были глухи к моим аргументам.

— Почему же от этого принципа отказались Ваши преемники?

— Из страха, из обыкновенного страха. Каня просто-напросто боялся моего возвращения. В конце концов, это я вел успешные переговоры в Гданьске и Щецине, я отказался от применения вооруженной силы в решении социальных проблем, я, наконец, в значительной степени поднял жизненный уровень поляков. Гереку народ не мог предъявить претензий, вот и понадобилось очернить его, сделать из него вора, расстратчика, бог знает кого, чтобы навсегда исключить возможность его возвращения на политическую арену. А каков результат? Он известен. Каня нет, Польской объединенной рабочей партии нет.

— Какую роль в Вашей «команде» играл Петр Ярошевич? Существовало мнение, что он «человек Москвы».

— Сущий вздор! Петр Ярошевич в переговорах с русскими боролся за каждый злотый для поляков. По профессии он был учителем, до войны работал в восточных областях Польши, там и попал под советскую оккупацию. Его взяли морозной зимней ночью, а зима 1939—1940 годов была очень суровой, и вывели в Сибирь, вместе с женой, которая тогда была в положении. Петр не любил рассказывать о том, что ему пришлось там пережить, никогда не ридился в одежде мученика. Не выдержав лишения и болезней, жена его вскоре умерла, он сам работал на лесоповале. Оттуда он попал в польскую дивизию имени Костюшко, когда в СССР собирали в нее поляков, ибо у него хватило ума понять — наперекор русским Польшу не восстановить. И, как всякий умный человек, он предположил, что бы русские были нашими союзниками, а не врагами.

Заняв пост премьер-министра, он, как никто другой, умел с ними спорить и в сотрудничестве с могущественным восточным соседом всегда защищал польские интересы. Сейчас очень много говорится об экологических проблемах, о той опасности, что несет атомная энергетика окружающей среде, а знаете ли Вы, что только благодаря Ярошевичу в Польше нет ни одной атомной электростанции? Помню, как пришел он ко мне, вернувшись с одной из сессий СЭВ, и сказал, что советские товарищи нажимают на нас, велют строить в Польше атомную станцию. Мы оказались единственной страной в союзе, которая отказалась от строительства. Петр мне сказал тогда: «Пусть суют эти электростанции куда угодно, но мы на это не пойдем. Первое поколение их атомных реакторов еще недостаточно доработано, подождем, пусть устранят обнаруженные недостатки, и возьмем реакторы второго или даже третьего поколения, чтобы была гарантия безаварийной работы».

Свое знание России, ее культуры и языка он всегда использовал в интересах Польши. С русскими он умел дого-

вариваться намного лучше меня. Я понимаю по-русски и даже немного говорю, а он говорил очень хорошо. Он знал обычаи и привычки русских, знал, как и чем им потрафить. Были у него свои маленькие секреты. Так, например, он знал, кому надо дать чемодан водки, а кто будет рад варшавским тряпкам. И обвинять его в деятельности во вред Польше и на пользу Большого брата просто подло. И ведь что интересно, в этом его обвиняли люди, которые сами именно так и поступали. Вот, например, Кая. Он всегда ехидно называл Ярошевича на русский манер: «Дорогой Петр Константинович».

— Первым человеком в государстве Вы стали в исключительно тяжелый для государства и партии момент — по всей стране одна за другой затихли волны забастовок. Разруха, разгромленные здания комитетов партии. Не позавидуешь наследству, оставленному Гомулкой. Какова была Ваша программа? С чего Вы начали?

— Главным было восстановить доверие к партии, убедить людей поверить мне и моим планам. Стратегической же линией моей политики стало ускорение экономического развития Польши. Сделать это собственными силами мы бы не смогли, нам понадобились иностранные кредиты, причем очень крупные. Иностранные кредиты и интенсивный труд всех поляков позволили бы создать экономически мощную Польшу, и тогда другому строились бы отношения с нашим восточным соседом, мы бы заняли другое место в социалистическом лагере.

Действовать мы решили широким фронтом, развивая одновременно промышленность и сельское хозяйство, строительство и сферу услуг. Нами был подготовлен пакет юридических и экономических актов, направленных на развитие сельского хозяйства, цель одна — чтобы Польша сама себя кормила. Зная жалкое состояние нашего жилищного строительства, мы тем не менее наметили за двадцать лет предоставить квартиру каждой польской семье. Причем это должны были быть качественно иные квартиры — большей площади и без слепых кухонь. Для улучшения политического статуса страны решено было немедленно прекратить продолжавшуюся целое десятилетие «партизанскую войну» с костелом и сделать Польшу открытой для контактов с миром, чему должны были способствовать либерализация паспортного режима и возможность выезжать за границу без приглашений.

— Планы прекрасные, но январь принес новую волну забастовок. И они были направлены уже не против Гомулки, а против Вас.

— Судьба меня и в самом деле не баловала, действительно, в январе поднялась новая волна забастовок. Но я не согласен с тем, что они были направлены против меня, скорее, они объяснялись общим недоверием к партии. И не забывайте, что высокие цены, о которые споткнулся Гомулка, все еще не были отменены.

— А Вы хотели их отменить?

— Хотел — не хотел, не в этом дело, мне ведь хорошо было известно положение с продовольствием в стране. И, даже когда мы поняли, что эти цены нельзя сохранять, не

было резервов, чтобы вернуться к старым. Запад не хотел давать в долг мне и моим соратникам, а советские товарищи тоже не спешили раскошелиться. Нам нужно было сто миллионов долларов. Только через два месяца они предоставили нам эти деньги, что позволило заполнить продуктами полки магазинов. Деньги эти были предоставлены по краткосрочному кредиту, который мы быстро выплатили русским.

— Как Большой брат отнесся к оживлению дипломатической деятельности Польши во время Вашего пребывания на посту первого секретаря?

— Брежнев удалось убедить, что это выгодно и для Советского Союза. Да так оно, в сущности, и было, ибо благодаря Польше политика Советского Союза по наведению мостов между Востоком и Западом, закончившаяся конференцией в Хельсинки, стала более активной. Со своей стороны, мы постоянно стремились к тому, чтобы в Варшавском Договоре Польша заняла второе место. Оно по праву принадлежало нам, учитывая наш человеческий и военный потенциал, размеры нашего государства, а также все возрастающую в мою декаду 1970—1980 годов экономическую мощь Польши.

— Тем не менее наша внешняя политика всегда оставалась лишь эхом советской политики.

— А разве Италия или ФРГ — третья промышленная держава мира, — разве они вот уже сорок лет не поддерживают во всех мельчайших деталях политику американскую? Мне не известен ни один мало-мальский серьезный шаг, о котором можно сказать, что он противоречит интересам американцев.

— Мне тоже не известен ни один Ваш шаг, противоречащий интересам Советского Союза!

— Просто Вы не очень знакомы с нашей внешней политикой. Например, руководимая мной Польша не одобрила советской интервенции в Афганистане. Мы проявили сдержанность в этом вопросе. Советскую интервенцию в Афганистане одобрила лишь Польша Кани и Ярузельского. Мы не могли опубликовать заявление, осуждающее эту интервенцию, но наша сдержанность была отмечена западными политиками. Кстати, только благодаря этому могла состояться организованная мною встреча Жискара д'Эстена с Брежневым в мае 1980 года в Виланове под Варшавой. На вопрос Брежнева о моем отношении и отношении поляков к советской помощи Афганистану, а прошло уже пять месяцев со дня введения советских войск в Афганистан, я ответил, что и я, и поляки обеспокоены этим шагом и «считаем» интервенцию серьезной и дорогостоящей ошибкой.

— Вы высказались так на самой конференции?

— Нет, ведь я был ее организатором и хозяином и стремился к тому, чтобы стороны пришли к соглашению. Разговор, приведенный выше, состоялся уже после отъезда французского президента.

— А я думаю, что встреча в Виланове состоялась по инициативе Брежнева.

— Вы объясняетесь. Русские не привыкли пользоваться своими союзниками для ведения внешней политики. Наши попытки превратить Польшу в мост между Востоком и Западом их раздражали или сме-

шили. Так что организация встречи в Виланове была чистой польской инициативой. Меня очень беспокоило усиление напряженности после декабря 1979 года. Обе стороны — и Восток, и Запад — заняли более жесткие позиции. Картер решил бойкотировать Олимпийские игры в Москве и приступить к размещению ракет средней дальности в Западной Европе. Это грозило возвращением к временам «холодной войны». Такой оборот событий грозил крахом наших планов: и экономических, и политических. Вот почему, воспользовавшись встречей в Варшаве с известным американским промышленником Хаммером, я через него договорился с президентом Франции, с которым меня связывали особые отношения, и позвонил Брежневу — с ним у меня тоже были хорошие отношения. В тот же день я получил от него согласие в ближайшие три дня приехать в Варшаву. Я передал эту информацию Жискара д'Эстена, и таким образом встреча состоялась.

— А Вы участвовали в ней?

— Конечно, но, как я уже сказал, в качестве хозяина.

— А был ли шанс договориться?

— Обе стороны определили свои позиции. Президент Франции сказал о большом беспокойстве Запада из-за ввода советских войск в Афганистан; о том, что этот шаг привел к ухудшению отношений между сторонами. Улучшение политической атмосферы он связывал с выводом советских войск из Афганистана. Брежнев в ответ привел известные советские аргументы об опасности на южных рубежах страны и заверил, что, как только положение нормализуется, части Советской Армии будут выведены из Афганистана.

— Выходит, конференция ни к чему не привела?

— Русские поняли всю глубину обеспокоенности Запада и масштаб грозящего конфликта. А президент Франции осознал, что пока нечего надеяться на вывод Советской Армии из этой далекой страны.

— А лично Вам конференция нанесла лишь вред... У Брежнева не было причин быть Вами довольным.

— Международное влияние Польши, безусловно, лишь укрепилось. А что касается меня... Наверняка его обеспокоило мое заявление об отношении поляков к интервенции в Афганистане. Но тогда я еще не предполагал, что мое высказывание отразится на моей собственной судьбе.

— А отразилось?

— Конечно. Ведь не случайно в 1980 году на мое место главы партии был назначен Кая... Впрочем, когда я еще был первым секретарем, Брежнев отлучал меня среди других руководителей соотран. На совещаниях я выступал сразу после Брежнева, на юбилейных встречах держал речи от имени всех братских делегаций. Безусловно, это было отражением особого влияния Польши в период моего пребывания во главе партии.

— За такое особое положение мне приходилось бороться, ведь между нашими братскими странами существовало постоянное соперничество. Мне приходилось часто сталкиваться с завистью руководителей других соотран и даже с их интригами против меня. Они стремились подорвать доверие советского руководства и ко мне и к Польше...

Использовали для этого любой повод, в частности, тот факт, что я отменил обязательные поставки сельхозпродуктов. По мнению руководителей так называемых братских стран, это был шаг назад. О сельском хозяйстве в Польше во времена Гомулки еще можно было сказать, что оно находилось на уровне военно-коммунизма, а то, что было при мне, уже не укладывалось ни в одну схему примитивного марксизма.

— Не хотите ли Вы сказать, что Эдвард Герек сознательно разрушил социалистическую систему в Польше?

— Ни в коем случае. Я просто хотел, чтобы социализм стал для поляков системой приемлемой, более того — хотел, чтобы они полюбили эту систему.

— А это было возможно?

— Тогда я считал это возможным. Впрочем, в середине семидесятых годов все так думали. Практически до 1976 года в Польше не было оппозиции. Наши профессиональные революционеры Куроны, Модзелевский, Михник всецело отдавались делам семейным, учились, защищали диссертации, в том числе и за границей. Наша творческая интеллигенция — научные работники, люди культуры — за малым исключением переживала период увлечения народной властью. И мне очень понятна ее истерическая реакция в последующем, ее стремление сгладить свои возмущенные высказывания. Понятно, но тем не менее не кажется этичной. Что ж, люди известные всегда хотят быть на виду. Но уж очень похоже на фарс теперешнее высшее чиновничество из тогдашних «звезд и обид».

— Как бы то ни было, когда Вы ушли в 1980 году, партия была слабой той, которую Вы приняли.

— Шутить изволите. Если бы не смена руководства и не мой приход на должность первого 19 декабря 1970 года, у нас в Польше было бы военное положение. Не исключено — и помощь соседей. Без всякого хэппи энда.

— Сегодня все направо и налево трещит о Катини. Сейчас для этого не требуется гражданское мужество. В семидесятых же годах на эту тему я вел с советскими товарищами очень нелегкие переговоры. Когда в начале семидесятых годов я в первый раз начал с Брежневым разговор о Катини, катынское дело еще не сформировалось в общественном сознании. Кто знал, тот знал, а широкие круги общественности им не занимались.

— Говоря откровенно, этот вопрос и должны были поднять коммунисты.

— Я тоже так считал, вот и сказал Брежневу, что на благо взаимоотношений наших стран катынский вопрос должен быть выяснен. Брежнев сначала удивился, что этому придется такое значение, а когда я ему все как следует объяснял, обещал изучить вопрос. На этом дело и кончилось. Через два года я опять вернулся к этой теме в разговоре с Громыко. Тот был намного лучше подготовлен к разговору. Он заявил, что точка зрения советской стороны по этому вопросу уже высказана и ему, в сущности, нечего добавлять.

— Это были годы постепенной реабилитации Сталина и его политики.

— В том-то и дело, но я считал, что оба наших народа

заинтересованы в «выяснении деталей этой трагедии, что ее следует всесторонне изучить. Хотите, спросил я Громыко, мы предоставим вам работы наших историков? Громыко вообще был очень трудным и ловким собеседником. Однако моя настойчивость заставила его обещать, что они еще раз изучат вопрос, даже обратятся к архивам НКВД (это он так сказал), а о результатах нас известят.

Прошло какое-то время, и в Варшаву вместо очень неприятного и враждебного по отношению к полякам посла Аверсия Аристов был назначен Пилотович, кажется, поляк из Белоруссии. Это был, пожалуй, лучший в послевоенной истории Польши советский посол в Варшаве. Он неплохо говорил по-польски, с симпатичным мягким восточным акцентом. Когда меня вывело из терпения затнувшееся молчание и КПСС, и советского МИД, я пригласил Пилотовича на официальную беседу. Рассказал ему о моих усилиях по прояснению катынского дела, поделился своими опасениями о возможном развитии событий — к сожалению, я был прав. Катинь оказалась важным козырем в активизации польской оппозиции, дала материал для всевозможных политических спекулятивных акций. Это самое большое «белое пятно» во взаимоотношениях СССР и Польши, говорил я Пилотовичу, и в наших взаимных интересах быстрее его как можно скорее. Посол слушал меня внимательно, был взволнован и обеспокоен. Очень сложный и трудный это вопрос, но он обязательно все изложит в Москве, передаст мою тревогу своему министру, ознакомит его со всеми нюансами проблемы.

— И он передал все Громыко, как обещал?

— Передал, на свою беду. Вернувшись в Варшаву, он встретился со мной. Выглядел он очень удрученным, и чувствовалось, что над ним нависли тучи. Сказал, что ознакомил свое руководство с моей точкой зрения, встречено это было неприязненно, ответа мне он никакого не привез, он будет передавать дипломатическими каналами. Последний раз я виделся с Пилотовичем, когда он месяца через два явился с прощальным визитом. Я извинился за то, что из-за меня у него такие крупные неприятности. И до сих пор упрекаю себя в том, что мы лишились хорошего человека на столь важном для нас посту.

— А что потом было с этим послом?

— Ему обещали работу в Министерстве иностранных дел, но не дали. Он отправился в Минск, работал в должности одного из заместителей Председателя Совета Министров Белоруссии. Отношение к нему было неприязненным, через несколько лет он покончил с собой выстрелом из охотничьей винтовки.

— ...Вы упоминали о попытках русских воздействовать на политику Польши при помощи посредников, членов партийного руководства ПОРП.

— Да, бывали случаи, когда Брежнев или другие русские лидеры, не решаясь обратиться непосредственно ко мне или боясь отказа, или по каким-то другим причинам, «прошупывали» Эдварда Герка с помощью посредников. Однажды, например, явился ко мне Ковальчик, ну, Вы знаете, министр внутренних дел, член Политбюро ПОРП.

Он передал просьбу Андропова представить советской разведке списки наших агентов в третьих странах, главным образом в странах Западной Европы. Как следует намылился Ковальчику шло за то, что он сразу не сказал «нет», и категорически запретил ему не то что давать эти списки, но даже вести разговор на эту тему. А следуют Вам знать, что мы годами создавали свою разведку, и создали очень хорошую. Она стояла на страже не только наших интересов, но и нашего суверенитета.

— Вы ощущали давление со стороны союзников?

— Мне чуть ли не каждый день звонил советский посол Аверкий Аристов, говорил о своем беспокойстве в связи с событиями в Польше, о тревоге за будущее социалистического строя в Польше. Перед IV Пленумом по прямому телефону мне позвонил Брежнев и сказал (далее в тексте приводится фраза по-русски. — Прим. пер.): «У тебя контра, надо взять за морду, мы поможем». И стал говорить о страшной угрозе делу социализма в Польше, заверял меня, что на него мы всегда можем рассчитывать. Он очень нервничал, говорил путанно и нечленораздельно. Впрочем, его речь с каждым годом становилась все хуже. Болезнь оказывала разрушительное воздействие на его организм, подолгу он держался лишь на успокоительных лекарствах. Этот его звонок для меня прозвучал зловещим предупреждением об опасности для Польши. При моем разговоре с Брежневым молча присутствовали товарищи Ярузельский и Каяна.

— А что Вы ответили?

— Я ответил, что никакой «контры» у нас нет, а есть забастовки, и вызваны они экономическими причинами. Затем я его заверил, что мы хозяева положения, контролируем ситуацию и не нуждаемся, совершенно не нуждаемся, я это несколько раз подчеркнул, ни в какой помощи.

— Почему же Брежнев так поздно среагировал на развитие забастовочной ситуации в Польше в 1980 году?

— Признаюсь, это до сих пор для меня загадка. Я уже говорил Вам, что во время моего последнего разговора с Брежневым с глазу на глаз в Крыму он выражал беспокойство по поводу стачек в Люблине. И тогда меня удивило несоответствие: такая сильная обеспокоенность по несущественному поводу. А тут такие события... Я думаю, этот его единственный телефонный звонок в августе можно объяснить контактами Каяны и Милевского с Андроповым за моей спиной. Если, по мысли моих недругов, забастовки, контролируемые Каяней, должны были вызвать мой уход с поста первого секретаря партии, это должно было произойти без вмешательства советских товарищей. Звонок Брежнева свидетельствовал о том, что «беспорядки в Польше» (они так выражались) вышли за допустимые или контролируемые рамки.

После этого звонка Каяна из всех сил стремился как можно быстрее покончить с забастовками. На заседаниях Политбюро он решительно требовал блокировать баскую побережье, отрезать его от центральных и южных областей страны. Как по мажорному волшебной палочке служба безопасности положила конец беспрепятствен-

ному до тех пор курсированию эмиссаров оппозиции в Гданьск и обратно, во все концы страны.

Когда я сегодня уже спокойно оглядываюсь на события тех дней, ничем не могу объяснить столь одержимую жажду власти моих товарищей по партии. Как они могли заставить такую опасную игру на забастовках? Легко разжечь эмоции, но трудно их сдерживать. Бесконечные польские кризисы были настолько глубокими потому, что, как правило, та часть руководящей верхушки, которая готовилась захватить власть, втягивалась в свои игры общественности. Этим наша партия отличалась от всех прочих в Восточной Европе...

— В чем вы усматриваете шансы социализма?

— В пробуждении общества. Польша — страна, в которой идеалы равенства и общественной справедливости глубоко укоренились в сознании людей. Польки вернутся к социалистической программе. И я надеюсь, что новый модифицированный социализм общество построит лучше нас. Почему, например, уже в ближайшем будущем эффективную рыночную экономику мы не можем дополнить коммунистической или социалистической программой социального развития? В Европе найдутся примеры, к которым следует обратиться. И, вместо того чтобы пытаться орлиным взглядом заглянуть за океан, лучше внимательнее присмотреться к тому, что делается по другую сторону Балтики.

ИЗ ПОСЛЕСЛОВИЯ

Конечно же, интервью мое субъективно, но смею думать, что у меня есть на то моральное право — и большее, чем у кого бы то ни было, ведь меня лишили возможности защищаться, обрекли на бесславие и унижение. Держали в заточении, подвергали насмешкам, пытались стереть мое имя со страниц истории. Более того, перечеркнули труд и достижения целого поколения поляков. Вот этим людям, дезориентированным и лишенным права гордиться делом рук своих, я и посвящаю мою книгу.

Не месь диктовала мне эту книгу. История и без того жестоко обошлась с моими противниками, лишив их всяких иллюзий о правильности избранного ими пути. Сегодня мы присутствуем при последнем акте, завершающем целую эпоху. Эпоху, которую нельзя выбросить из жизни нашего народа. И эта эпоха заслуживает серьезного, всестороннего исследования, а не хлестких оценок политиканов. Мне бы хотелось, чтобы моя книга помогла такому исследованию.

Надеюсь, это еще не последнее мое слово. Прочитавшая вашу книгу — скорее просто запись бесед, размышлений, радужных в бессонные ночи. Я сейчас нахожусь в том возрасте, когда человек подводит итог своей жизни, пользуется в основном глаголами прошедшего времени. От жизни я уже ничего особенного не жду, а если и рассчитывать на что-то, то лишь на понимание и на справедливую, деловую оценку того, что я сделал, и того, чего я сделать не смог...

Эдвард ГЕРЕК
Катовице, февраль 1990 г.

Перевод и публикация
Веры Селивановой

ПОЧТА «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В № 3 «Совершенно секретно» прочитала злобное письмо в ваш адрес. Письмо это почему-то без подписи, хотя автор его и утверждает, что за ним стоят сотни миллионов человек. Но, несмотря на такую якобы поддержку, подписаться побоялся.

Автор брызгает слюной, изрыгает проклятия и не знает, как вам побольнее насолить. Но вы, наверное, не хуже меня знаете, что подлости были, есть и будут. Поэтому не стоит на них обижаться.

Но раз вы опубликовали это письмо, значит, не принимаете его всерьез и реагируете с юмором.

А такие, как этот человек, пусть изрыгают проклятия — это от бессильной злобы. Газета ваша хорошая, нужная. Я ее читаю одним из вестников настоящей гласности. Если все редакторы газет и журналов не будут ничего бояться, в том числе и публиковать такие письма, то тогда и наступит окончательно та гласность, к которой надо стремиться.

Это говорит только о вашей силе, мужестве и честности. Хотелось бы, чтобы ваша газета выходила еще большим тиражом. Чем больше людей ее прочтут, тем лучше.

С искренним уважением к вам

Т. ТАЙРОВ
Ташкент

Не так давно узнал из передачи о проводимом вами розыске картин и ценностей, увезенных из Советского Союза немцами во время войны 1941—1945 годов.

Я был узан в Германию и работал там на железной дороге с 1942 по 1945 год. Лагерь наш находился в маленькой баварской деревне Neuhaus (аналогичное название и ж/д станции), находившейся около 50—60 км в северо-восточном направлении от Нюрнберга. Примечательно, что в этой деревне родился Геринг.

Работая на этой станции, я несколько раз видел, как сюда прибывали товарные вагоны (три—пять), из которых под усиленной военной охраной выгружали картины, скульптуры и под охраной же вывозили в эту деревню, в которой находился замок. О ценности этих картин и скульптур можно было судить по их тщательной упаковке и сверхосторожной выгрузке, погрузке и транспортировке. Некоторые картины были написаны на дереве. Тщательная сторона некоторых картин, написанных на дереве, от времени уже разрушилась. Немцы говорили, что все это везет себе Геринг. Это было в 1942 или 1943 году. В то время адрес этой деревни был:

Neuhaus a/d Pegnitz Bay-Ostmark.

Буду счастлив, если мое сообщение поможет вам в розыске увезенных картин.

З. МАСЛО
Киевская обл., Фастовский р-н,
пос. Кованка

В последнее время руководители страны часто говорят: «Как работаем, так и живем». Этот лозунг не отражает существа дела. В действительности правильным будет: «Как руководим, так и живем». Хотя некоторые и впрямь живут неплохо. Тем более что недавно было осуществлено повышение зарплат аппарата предпринимателей, трестов, министерств, партийному, советскому, профсоюзному и комсомольскому — это привело к еще большей конфронтации между трудящимися, создателями материальных благ, и аппаратом чиновников.

А аппарат велик. Нашу страну можно назвать страной заместителей. Нигде в мире нет такого большого корпуса замов. В обкомах КПСС и ВЛКСМ введено по пять секретарей, то есть у первых секретарей по четыре зама. По четыре зама у председателей облисполкомов и Совминов АССР, у начальников управлений облисполкомов и министров АССР, а у министров СССР по восемь и более заместителей. В ЦК ВЛКСМ десять секретарей, следовательно, у 1-го секретаря девять замов, в ВЦСПС у председателя есть заместитель и еще 11 секретарей на правах замов. По пять и более замов у директоров предприятий, трестов. Даже в Чебоксарском горсовете на 80 тысяч жителей города и района пять замов, без зама по сельскому хозяйству. Для сравнения: у президента США один зам — вице-президент, он же председатель сената, у канцлера ФРГ тоже один зам, он

же министр иностранных дел, а у премьер-министра Великобритании вообще нет замов. В СССР у аппарата сложилось ложное мнение о том, что чем больше замов, тем больше успехов. Но, как видно, все происходит наоборот — низка производительность труда, низок уровень жизни людей.

Все руководят, но никто ни за что не отвечает, льются по течению, и только.

За время перестройки аппарат чиновников увеличился в стране почти на полмиллиона человек. В десятках тысяч контор сотни тысяч людейленно и ношно пишут и пишут. Если принципиально это оценить, то процентов 50 этой писанины обществу не нужны, ее на человека не оденешь и на стол вместо обеда не положишь.

С. ЛИПОВ, член КПСС, пенсионер
Коми АССР, Печора

Все, что делалось под завесой «секретно», сейчас должно обретать гласность. Наш район — один из наиболее пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы, но, несмотря на то что вокруг полно страсти, цезия, по существу, никому нет до нас дела.

Почему я так думаю? Насколько знаю, за три года на дезактивацию было ухлопано более 150 млн. рублей. А сейчас выясняется, что людей надо выселять. Ладно, думаю, значит, деньги, отпущенные на жилье нам, пойдут на строительство... там, куда нас выселят. Но, оказывается, ничего подобного — продолжают автоматически строить, хотя с каждым месяцем все больше и больше семей начало уезжать куда глаза глядят, лишь бы подальше от района. Парадокс: люди уезжают, а дома — строят.

С. СКОМОРОХ
г.п. Брагин, Гомельская обл.

Мне 63 года, пенсионер МВД СССР, член КПСС (ветеран партии), награжден многими правительственными наградами. Более 33 лет вел борьбу с уголовно-преступными элементами.

Вандали в образе людей ворвались в мою квартиру, откуда похитили все принадлежащие мне носильные и домашние вещи. Из книг устроили костры. И вот я, одинокий человек, под охраной солдат Советской Армии на пароме прибыл в г. Красноводек, где получил справку о том, что я являюсь бездомным, и доставлен в г. Ереван.

Кто же несет ответственность за то, что мы еще раз опоздали с предотвращением кровавых событий? Сколько еще понадобится времени власти, для того чтобы оказать действенную помощь бездомным (армянам, русским и другим)? Уже не хватает терпения, если этого не будет в ближайшее время, видимо, мы превратимся в БОМЖЕЙ, сейчас же проживаем у родственников, но потом что будет?

С. ГРИГОРЯНЦ
Обнинск

Из всех форм собственности только частная собственность, по-моему, есть нравственная, так как человек не может сам себя обворовывать, приспосабливать, но за все ошибки, брак, невежество платит только.

Государственная собственность, наоборот, стимулирует извращенчество, стремление скопировать, как бы меньше вложить труда, а больше получить. Государственной собственности присущи три главных недостатка: мало, некачественно и дорого. Если в тридцатые годы при помощи лошадей крестьянин мог обработать 20 гектаров вдвоем с женой, то сейчас в лучших хозяйствах на «много работника только 3 гектара. Таким образом, чтобы по «передовой» технологии обработать все 240 гектаров наших, нужно 80 миллионов человек. Технология туловищная. За 60 лет коллективизации сельское хозяйство все время двигалось назад и достигло средневекового уровня производства, то есть один человек может держать одну корову, землю обрабатывать лопатой и нормально жить. В 30-е годы на 20 гектаров крестьянин мог держать 10 коров, получая от одной коровы 5000 литров молока.

Чтобы спасти социалистическое сельское хозяйство, государство вынуждено каждый год выделять дотацию около 90 миллиардов рублей.

Стапки сельское хозяйство могут только радикальная реформа, аренда, кооперативы, фермерство.

Я. РУБИКИС
Даугапилис Латвийской ССР

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция напоминает, что «Совершенно секретно» — орган Международной ассоциации «Детектив и политика». Ежемесячник не участвует в разрешении спорных юридических вопросов, связанных с применением советского законодательства, не занимается пересылкой писем в государственные и правоохранительные органы.

Елена СВЕТЛОВА,
обозреватель
«Совершенно секретно»

«...Сейчас три часа ночи, и я пишу вам о самом важном. Я по половому признаку парень, но большинство моих гормонов — женские. Я люблю мужчин и не представляю себе жизни без мужа и детей. Мое положение можно представить так: женщина в мужском облике. Живу в общежитии — естественно, в мужском — и очень страдаю от этого. Со мной эти странности начались еще в детстве. Крутился возле зеркала, примеряя мамыны платья, играл исключительно в куклы, мечтал иметь костюм балерины. Я очень одинок. Попытка закончить жизнь самоубийством, потому что не вижу выхода. Как жить? Уже год я добиваюсь операции по перемене пола, но вы не представляете себе, как это сложно. В. К.»

В воображаю себе реакцию на это письмо. Кто-то посмеется, кто-то сочтет автора психом, кто-то заподозрит в нем хитрого гомосексуалиста, мечтающего таким вот способом найти себе партнера.

— На первый взгляд в данном письме речь идет о транссексуализме, — говорит Сергей Тихонович Агарков, старший научный сотрудник Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР. — Примечательно, что пациент сам себе поставил диагноз. Транссексуализм — это достаточно редкое страдание, оно обнаруживается у нескольких человек на 100 тысяч населения, несомненно реже, чем гомосексуализм. С формальной точки зрения транссексуализм тоже входит в группу половых извращений, хотя само слово «извращение» должно утратить свое негативное, осуждающее значение. С психологической точки зрения транссексуализм — это нарушение полового самосознания. Образно говоря, это ошибка природы, когда человек физически представляет из себя совершенно нормального мужчину, а психологически, может быть, не очень нормальную, но — женщину. Или наоборот.

Женщины — транссексуалы, как правило, выбирают чисто мужские профессии: водителей, следователей, геологов.

Они ни в чем не уступают сильному полу и чувствуют себя в мужской среде на равных. Это равноправие они воспринимают как должное. В чем-то им даже легче, чем их товарищам по несчастью — мужчинам — транссексуалам, чье поведение нередко вызывает насмешку, пренебрежение, а порой и травлю. Им проще встретить дружеское участие среди женщин, но все равно это жизнь между небом и землей, каждодневная борьба за свое «Я», мучительная пытка раздвоенностью.

— Когда это начинается? — спрашиваю доктора Агаркова.

— Если гермафродит распознается при рождении, то ребенок-транссексуал проявляет себя позже, в дошкольном возрасте. Сначала ребенок еще не относит себя к тому или другому полу и не обижается, когда его по ошибке принимают за девочку или за мальчика, позже он воспримет такую «неточность» иначе — до слез, до драки, до истерики будет отстаивать свою половую принадлежность. В раннем возрасте транссексуализм проявляется безобидно, а к периоду полового созревания это уже драма. И все попытки переубедить ни к чему не приводят. Подросток начинает искать выход из этой ситуации и, если не видит никакой перспективы на будущее, может прибегнуть к последнему средству разрешения всех проблем — самоубийству.

— Может ли неправильное воспитание способствовать развитию транссексуализма у ребенка? Мальчик по каким-то причинам растет без отца в чисто женском окружении. Или девочка, родившаяся вместо ожидаемого мальчика. Не имеют ли такие дети больше шансов стать транссексуалами?

— При подобном воспитании могут сформироваться только внешние признаки похоти поведения, но не истинный транссексуализм, являющийся врожденной аномалией. Но, несомненно, оказывают роль и другие факторы: токсикозы беременности, некоторые заболевания матери. Не исключено влияние и женских половых гормонов, которые применяются для сохранения беременности, и, коли в таком случае рождается мальчик, может произойти парадоксальная вещь: физически ребенок формируется по одному типу, а центры в головном мозгу получают иной толчок...

— Если родители замечают что-то необычное в поведении ребенка в этом плане, как они должны поступить?

— Чем раньше они придут к специалисту-сексопатологу, тем лучше. Но бывают «ядерные» формы транссексуализма, ярко выраженные, необратимые процессы, когда все меры будут бессильны, и, чем больше родители проявят давление, тем сильнее будет оппозиция. А есть красивые, стертые формы без клинических проявлений, не считая незначительных эпизодов, — тогда можно уговорить человека не ломать хотя бы внешние контуры судьбы, но все равно он будет тосковать в душе по своей второй ипостаси...

«...Прошу вас помочь мне и проявить милосердие к моему великому горю. Я стала замечать за сыном следующие странности: он хочет стать девочкой, требует, чтобы назы-

...Их предпочитают не замечать, их внутренний мир и психология мало кого интересуют.

ЧЕЛОВЕК СРЕДНЕГО СРЕДНЕГО ПОЛА

вали его не Олегом, а Наташей, просит сшить ему платья и юбки, не жалеет стричься, мечтает носить косы. Упросил меня договориться с учителем по труду перевести его заниматься с девочками. Дело доходило до слез. Сын хорошо готовит, вяжет. Раньше играл с ребятами во дворе, были друзья, а в последнее время стал очень нервным, раздражительным, нигде не ходит... С.В.»

Представить себе драму транссексуала очень трудно. Тяжесть его судьбы можно вообразить, если на минуту дать себе отчет, что с завтрашнего дня все окружающие воспринимают тебя как человека другого пола. Но и эта фантазия будет лишь бледным отблеском тех мук, которые выпадают на долю трагически раздвоенного человека. Ему все в тягость: и реакция окружающих, и одежда, и собственный облик.

— Это ужасное психическое состояние, — говорит Сергей Тихонович Агарков. — Я пытался проникнуть во внутренний мир одного нашего пациента, который отсидел два года в тюрьме. Он сорвал с веревки женское белье, пришел домой и переоделся. Его поймали и судили за кражу. Что он вынес за решеткой, страшно сказать. Даже когда в больницу они укладываются, возникает вопрос: в какое отделение положить. Это же психиатрическая

больница, где люди иногда не скрывают предрассудки общественного мнения, поскольку они больны. Положить такого мальчика в женское отделение — провоцировать женщин, в мужское — мужчин. «Махровые» психиатры говорят, что лучше иметь десять «принудчиков» и наркоманов, чем одного транссексуала, потому что вокруг него всегда огромный круг проблем, водоворот всяких коллизий.

— Но если мужчина ощущает себя женщиной, то совершенно логично, что у него возникает потребность в партнере другого пола.

— Нет, это совсем отсюда не вытекает. Половая потребность для организма — некоторая роскошь, если хотите. Когда человек внутренне не стабилен, ему не до этого вообще. Когда половая потребность доминирует, если она является ведущей в структуре личностных переживаний, то речь скорее идет о гомосексуализме, а все остальное (типа переодевания) не более чем обслуживающие феномены.

— Но ведь гомосексуалист знает, что он мужчина, и вряд ли захочет изменить пол?

— Да. Гомосексуалисты бывают биологически немножко похожи на женщин, но это не самосознание. Операция, смена документов для них — это легализация той жизни, которую они ведут, а на другую они не способны. Здесь опять статья УК давит, иначе эти гомосексуалисты и не шли бы с просьбой об операции. Мы им просто объясняем: «Ты пойми, тебя любят потому, что ты — мужчина, и если ты станешь женщиной, то ты никому не будешь нужен, ты потеряешь всех своих партнеров». Когда они эту простую истину постигают, то говорят: «Спасибо, никакой операции не надо...»

— Бывали такие случаи? Страшно подумать, до какой степени страха можно довести человека...

— Многие гомосексуалисты выучивают транссексуальную легенду и рассказывают слово в слово, учебники-то общедоступны, а начинать разбираться ни драматизма, ни накала, идея смены пола не доминирует, а преобладает другое — желание легализоваться. Им кажется, что, если в паспорте будет написано «Мария Петровна», никакой постановки не привяжется. Дай такому справку, что ему можно жить с мужчиной, и он будет доволен... Хотя бывают и мягкие, красивые варианты транссексуализма, вызванные малым повреждением мозга, с одной стороны, и большим давлением факторов воспитания, при которых возможно сочетание транссексуализма и гомосексуализма, — с другой.

— Скажите, а для чего человека, желающего изменить пол, помещают на обследование в психбольницу?

— Для того, чтобы убедиться, что это именно транссексуализм, который, к слову, включен в международную номенклатуру психических заболеваний. Не надо забывать, что есть еще один неблагоприятный и опасный синдром — синдром психологического перехода в другой пол в рамках шизофрении. Оперировать такого больного, менять ему пол и даже паспорт — это все равно что дать ему справку, будто он — Наполеон Бонапарт. Или вырезать несуществующий рак... Я хочу сказать, что помещение транссексуала в психбольницу в его же инте-

ресах, и дело тут не в репрессивной системе и не в идеях — административах. Кстати, не стоит думать, что у нас консерватизм, а на Западе — пришел, сделали женщиной, надоело — опять мужчиной. В большинстве западных стран еще более жесткое отношение к ним, в некоторых санкционирована частичная смена, то есть из мужчины в женщину. Вообще же транссексуализм — не хирургическая проблема, ножом отрезать — дело нехитрое. Главное — умение адаптироваться в жизни. Опыт показывает, что дезадаптированному человеку после операции становится еще хуже. У него уже нет прошлого и нет будущего.

— Итак, после обследования в психиатрической больнице человеку выдают паспорт на новое имя и какое-то время наблюдают...

— Год или два. Если он активно идет наверх, успешно создает вокруг мнение, что он человек другого пола, — одно, но бывает и другая картина. Он бросает работу, никуда не выходит — о чем тогда говорить? Прооперируй такого — жди беды. Ведь не от хирургического ножа меняется мир. В лучшем случае он пожалуется на врача: «Что вы сделали, вы меня изуровали, я был плохой, но мужчина, а теперь я вообще никто». Бывали случаи агрессии по отношению к врачам. Или случаи самоубийства. Мы прошли времена фантаста Беляева, когда эндокринологическая клиника рассматривалась как кухня по переделке людей.

— Как складывается жизнь транссексуалов после операции? Вступают ли они в брак?

— Бывают идеальными супругами, если женятся, в половых отношениях думают о партнере, а не о себе, боятся его потерять, потому что завтра его не поменяешь на другого. Описаны случаи, когда два транссексуала со взаимным переходом пола, познакомившись в клинике, образуют брачную пару и безумно счастливы.

— Знаю, что на Западе есть ассоциации, клубы, объединяющие представителей различных сексуальных меньшинств. У нас до последнего времени и помыслить об этом было нельзя. А вот недавно мне попала в глаза газетка «Тема» — издание ассоциации сексуальных меньшинств...

— Во всяком случае, идея простого публичного дома во сто крат аморальнее и антигуманнее по своей основе, чем идея клуба, где бы эти люди могли найти какую-то отдушину, перестать чувствовать острое одиночество. Может быть, тогда меньше было бы самоубийств...

— Много ли самоубийств среди транссексуалов?

— Очень высокий процент. Статистики нет, но говорят, что чуть ли не каждый делает попытку. Это один из показателей драматичности...

«Я хочу стать мужчиной. Скажу больше: это мечта всей моей жизни. Мне 38 лет... Если бы я знала, что еще 20 лет назад профессор Калиберз сделал подобную операцию. Не считайте нас исключением. Я согласна, что это своего рода патология, но раз мы есть, значит, нам надо помочь, ведь и у нас тоже наравне с другими есть право быть счастливыми. Мне противна жен-

ская одежда, меня корбит, когда ко мне обращаются «женщина», я и профессию себе выбрала мужскую (очень ответственную и мужественную), чтобы хоть в этом отличаться от «слабого пола». Внешне меня постоянно путают с мужчиной, даже дети. Я перенесу любую боль, любые моральные переживания, лишь бы стать мужчиной. Помогите! Вас просит несчастный человек. Я устала. Я презираю женщин, совершенно не интересуюсь мужчинами в том плане, что я «женщина». Даже слово это противно произносить. Не думайте, что я отступилась от своей мечты. Только тогда, когда для меня погаснет последняя надежда, я убью себя!!! И...»

Идут и идут письма подобного содержания (каждое — немой крик!) в адрес Всесоюзного эндокринологического научного центра (ВЭНЦ) АМН СССР. Геннадий Ильич Козлов, заведующий консультативно-диагностическим отделением ВЭНЦ, отвечает всем страждущим изменить свой пол примерно одинаково: «...Вам следует начинать с психиатрической консультации».

— Это, очень несчастные люди, — говорит Геннадий Ильич. — Легче жить без ног, чем так — не зная, что ты есть. К ним надо бережно относиться, они затравлены из-за нашей невоспитанности. Люди страдают, и им надо помогать, то есть менять пол. Другого варианта нет. Такие операции у нас начали делать еще в 60-е годы. Я тогда problems транссексуалов не очень себе представлял, понимаю приходит с опытом. Ну, представьте себе, является на прием абсолютно здоровый мужчина с хорошо развитыми половыми органами и говорит: «А я женщина...» Я просто гонял их, а когда увидел, какими счастливыми они становятся после операции, понял, что это не блажь, не причуда, а человеческая трагедия. Ведь сколько попыток суицида, сколько случаев самокастрации!

— Знаю, что не все коллеги разделяют вашу точку зрения.

— Да, потому что сами по себе операции калечащие. У некоторых возникает жестокий посткастриционный синдром, бывают и другие осложнения, не говоря уж о том, что люди лишаются репродуктивной функции — способности к деторождению. Особенно сложно, когда приходится женщинам переделывать в мужчин — молочные железы надо удалять, иногда не прекращаются менструации, и тогда удаляют матку, иногда яичники. Но пациенты идут на все...

— Делают ли сегодня в вашем центре такие операции?

— Нет. Дело в том, что это больше область пластической хирургии. У нас они проходят курс лечения гормональными препаратами — до и после операции.

— Но раньше «превращения» все-таки бывали и в ваших стенах?

— У нас работала доктор Голубева Ирина Вячеславовна. Она с большим пониманием относилась к транссексуалам, проводила уникальные операции: не все гинеко-

логи могли распознать, что перед ними бывший мужчина.

Геннадий Ильич Козлов показывает мне фотографии бывших пациентов эндокринологического центра. Мужчины и женщины, пришедшие наконец к внутреннему согласию. У многих из них сложилась жизнь. Вот Володя, в прошлом деревенский мальчик, который ходил на танцы в соседнее село в женской одежде и с накрашенными губами. Отец его записал в гора, узнав о несчастье сына. Вот еще один бывший парень, после операции вступил в брак (надо бы сказать «вступила»), воспитывает детей. Причем чувство материнства было столь сильно выражено, что грудные железы вырабатывали молоко — до 150 г в сутки...

Смотрю и думаю о тех, кто сегодня обивает пороги минздравовских кабинетов, пишет письма во все инстанции. Но очередь длинная, и шансов не так уж много.

— Нет, условий, — говорит доктор Козлов, — в идеале необходим единый центр. Надо создавать институт патологии физиологии пола, где будет небольшое — на 20 коек — психиатрическое отделение, эндокринологическое, хирургическое и восстановительное. Пока этого нет, будут очереди и будут проблемы. Хирурги, делающие сегодня такого рода операции, сталкиваются, к примеру, с обыкновенной задачей — куда положить пациента, в мужскую палату или в женскую? Ведь больные не очень-то хотят делить кров с человеком другого пола. Поместить в отдельную палату? А где ее возьмешь, если тяжелобольные лежат в коридорах на раскладушках...

Абсолютно не разработаны в нашей стране и правовые аспекты перемены пола. А проблем очень много. Является ли транссексуализм основанием для освобождения от воинской обязанности? Должен являться, но правового регулирования нет. Когда транссексуалу вручают новый паспорт, ему приходится начинать жизнь с нуля — менять окружение, работу, место жительства. Должно ли государство как-то помогать человеку в этой ситуации, в то же время сохраняя тайну?

— Тут смыкаются несколько отраслей права, — говорит Алексей Николаевич Игнатов, профессор, доктор юридических наук, — гражданское, семейное, административное, уголовное. Чисто внешне поведение транссексуала можно принять за гомосексуальное. А 121-я статья УК все еще не отменена...

— Были ли случаи привлечения транссексуалов к уголовной ответственности по этой статье?

— Думаю, такие случаи были. Сейчас, по-видимому, меньше привлекают к уголовной ответственности за мужеложство, но закон есть, и в принципе его имеют право применять. В то же время транссексуал, как и любой другой человек, совершив какое-либо правонарушение, может быть осужден к лишению свободы. Отбывая наказание он будет в мужской или в женской колонии — в зависимости от своего физического пола. Можно себе представить, сколько горя он хлебнет за колечкой проволокой...

— Вам пришлось беседовать с пациенткой рискованного профессора Калиберза, который изменил пол. Расскажите, пожалуйста, о ваших впечатлениях.

чтений.

— Меня пригласили в качестве юриста. Сложность ситуации заключалась в том, что сначала была сделана операция и лишь затем решены правовые вопросы. Очень компетентная медицинская комиссия, в которую вошли ведущие специалисты республики, провела экспертизу и вынесла определение, что пол данного субъекта мужской. На основании этого заключения человеку выдали новые документы. Перед встречей с ним меня предупредили: «Только не называйте в женском роде! Не говорите, что молодое выглядит, будет расстраиваться». Я увидел невысокого паренька. Одежда скрывала многочисленные послеоперационные рубцы. Операции были очень мучительные, они длились в целом почти два года.

«Я все время имитировал роль женщины, — сказал он мне. — Это хуже, чем жизнь разведчика в чужой стране, у которого все-таки есть надежда вернуться. Мне было неприятно выслушивать поздравления с женским днем, мучительно было замечать знаки мужского внимания». «Есть ли у вас друзья?» — спросил я. «Друзей у меня нет. Как же вы не понимаете? Если вас приглашают в компанию, вы должны себя вести или как мужчина или как женщина. Как женщина — не хочу, а как мужчина — не имею права. Когда я шел на операцию, мысль о том, что исход может быть летальным, была реальной, но меня это не останавливало...»

Операции по коррекции пола, насколько мне известно, делаются нечасто и как бы в порядке исключения. Они вызывают разные толкования. Некоторые говорят, что это опыты над людьми, вивисекция, другие считают, что это поощрение гомосексуализма — как мужского, так и женского. Третьи, наконец, и врачи, и юристы, придерживаются мнения, что если природа в чем-то допустила ошибку, то надо восстанавливать стандарт с учетом желания субъекта. То есть как с правовой, так и с медицинской точки зрения такие операции допустимы. Следовательно, это должно найти отражение в законе.

— Но пока не нашло. Может быть, сейчас что-то делается в этом направлении?

— По-моему, нет. Правда, надо сказать, у нас сейчас столько проблем возникло первостепенной важности, касающихся жизни всего общества; не знают, что делать с экономикой, как людей накормить, как гражданской войны избежать, национальные конфликты ликвидировать. И если вынести на Верховный Совет обсуждение проблем транссексуалов, нас просто не поймут...

...Их немного. По данным различных авторов, количество транссексуалов варьируется от 1 на 37 000 до 1 на 100 000. Явное меньшинство. Значит ли это, что мы по-прежнему будем делать вид, что их не существует?

«...Умоляю, не молчите, дайте хоть какой-нибудь ответ. Очень прошу. И как можно скорее. А то вдруг можете опоздать».

То есть ответ придет поздно. Слишком поздно. Его просто некому будет читать.

А что ответить — я не знаю.

Во время своего выступления на обеде, устроенном Ассоциацией приверженцев беспорочной администрации, я свалил дурака, и Ники Уэлт, подсев ко мне в «Голубой лун», где мы оба иногда завтракаем, вдоволь надо мной поиздевался, едко анализируя мой промах. Дело в том, что, произнося речь, я допустил непростительную вольность — отвлекаясь от заранее подготовленного текста и начал критиковать заявление, с которым выступил в печати мой предшественник на посту окружного прокурора. Из этого его заявления мною был сделан ряд выводов, хотя и вполне логичных, но тем не менее вызвавших негодование бывшего прокурора, который не преминул тут же обвинить меня в передергивании фактов и мошеннической манипуляции законами логики.

Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как я, будучи выдвинут партийной реформой на должность окружного прокурора, бросил преподавание на юридическом факультете, так что политика была абсолютно еще незнакомой мне игрой. Этим я и пытался оправдаться перед Николасом Уэлтом, на что Ники, никогда не оставшийся со мной своего менторского тона (профессорствует на кафедре английского языка и литературы в здешнем университете), ответил так, словно перед ним не окружной прокурор, а студент-второкурсник, выклинивающий отсрочку зачета по курсовой:

— Это не оправдание.

Мы с ним почти ровесники. Ники старше меня на каких-нибудь два-три года, ему и пятидесяти нет еще, тем не менее он всегда разговаривает со мной, точно школьный учитель, раздракнивающий тупого ученика. Со своими абсолютно седыми волосами и морщинистым, как у гномика, лицом он выглядит намного старше меня, и, пожалуй, именно поэтому я всегда кротко сношу его невозможный тон.

— Помилуй, но ведь с точки зрения логики мои выводы были просто безупречны, — взмолился я.

— Дорогой мой, да будет тебе известно, что, хотя процесс общения людей между собой стал бы почти невозможен, не делай они выводов, большинство так называемых логических умозаключений оказываются, как правило, ложными, — ласковым голосом поучал меня Ники. — Особенно часто неверными умозаключениями грешат юристы, руководствуясь стремлением не столько понять, что именно говорится, сколько догадаться, о чем же это он старается умолчать.

Взяв счет, я медленно поднялся из-за стола.

— Ты, вероятно, имеешь в виду перекрестный допрос свидетелей в суде. Но ведь если выводы, сделанные из показаний свидетеля, логически неверны, противная сторона всегда может опротестовать их.

— При чем тут логика? — возразил Ники. — Вывод может быть вполне логичным и вместе с тем абсолютно неверным.

Он направился вслед за мной в проход между столиками, и мы подошли к кассе. Я оплатил счет и принялся нетерпеливо наблюдать, как Ники роется в своем старомодном кошельке, выуживает одну за другой монеты и кладет их на прилавок рядом со счетом; наконец он убедился, что мелочи для оплаты не хватит, сгреб монеты обратно в кошелечек и, с едва уловимым вздохом вынул из особого отделения банкноту, нехотя передал ее кассиру.

— Дай мне любое предложение из десяти-двенадцати слов, — продолжал он развивая свою мысль, — и я построю тебе логическую цепь из таких выводов, о которых ты и думать не думал в тот момент, когда формулировал свое предложение.

В кафе заходили новые посетители, и, поскольку перед кассой стало тесно, я счел за благо выйти на улицу и обождать там, пока Ники не закончит расплачиваться с кассиром. Помнится, меня слегка позабавила мысль о том, что Ники, может быть, не заметил моего ухода и продолжал вволю разглаговствовать насдине с собой.

Когда он вышел на тротуар, я сказал ему:

— Пройти пешком девять миль — не шутка, в особенности по такому дождю.

— Да, конечно, — по рассеянности согласился было он, затем вдруг резко остановился и пристально посмотрел на меня. — Что это за дичь ты несешь?

— Это не дичь, а предложение из одиннадцати слов, — возразил я и снова повторил всю фразу, разгибая после каждого слова по пальцу.

— Ну и что из этого?

— Ты же обещал, что если тебе дать фразу из десяти...

— Ну да, конечно! — он окинул меня подозрительным взглядом. — А где ты взял эту фразу?

— Она просто взбрела мне на ум. Давай строй свои выводы.

— Ты это что, серьезно? — глаза его заискрились насмешкой. — Ты на самом деле этого хочешь?

Так вот он всегда: сперва бросает мне вызов, а после разыгрывает удивление, когда я этот вызов принимаю. Я разозлился:

— Начинать или прекратим весь этот разговор.

— Полно тебе, — примирительно сказал он, — стой ли из-за этого сердиться. Итак, м-м-м, позволька, ты сказал: «Пройти пешком девять миль — не шутка, в особенности по такому дождю». Совсем не густо, не очень-то разгуляешься.

— Тут одиннадцать слов, — упрямо повторил я.

— Ну что же, — Ники отважно ринулся в бой, — вот тебе первый вывод: говорящий выражает

недовольство.

— Допустим, — неохотно согласился я, — хотя это слишком очевидно и вряд ли можно назвать выводом.

Он нетерпеливо затряс головой:

— Следующий вывод: дождь оказался непредвиденным обстоятельством, в противном случае было бы сказано так: «Пройти пешком девять миль — не шутка», безо всякого «в особенности».

— Согласен, — сказал я, — хотя и это весьма очевидно.

— Первые выводы всегда очевидны, — огрызнулся Ники.

Я не стал с ним спорить. Рассуждал он не очень-то уверенно, и мне не хотелось, чтобы он подумал, будто я злорадствую.

— Дальше: говорящий — не атлет и не любитель туристских походов.

— Требуя разъяснений, — заявил я.

— Опять-таки это «в особенности». Говорящий хочет сказать, что не девятимильная прогулка под дождем, а вообще девятимильная прогулка — одно лишь расстояние, заметь, — не шутка. Девять миль

была совершена вовсе не с целью выиграть пари или что-нибудь в этом роде.

— Вполне резонно, — согласился я.

— И еще одно условие: прогулка эта была совершена здесь.

— Здесь, в Фэрфилде?

— Не обязательно в Фэрфилде. Я имею в виду близлежащую округу вообще.

— Согласен.

— Раз ты согласен с моими оговорками, значит, должен согласиться и с моим выводом, что говорящий не атлет и не любитель турпоходов.

— Так уж и быть. Валей дальше.

— В таком случае вот тебе еще вывод: прогулка была совершена либо очень поздно ночью, либо ранним утром, скажем, между полуночью и пятью или шестью утра.

— С чего ты взял?

— Обрати внимание на дистанцию — девять миль. Мы живем в очень густонаселенной местности. Ты обязательно наткнешься на какой-нибудь городишко, не пройдя и девяти миль по любой из наших дорог. В пяти милях отсюда расположен Хедли, в

Хэрри КЕМЕЛМЕН

— не такая уж и громадная дистанция. Играющий в гольф, например, покрывает больше половины такого расстояния, прежде чем мяч побывает в восемнадцати лунках. А ведь гольф, — лукаво добавил он, подразумевая тот факт, что я играю в гольф, — это игра стариков.

— Твое объяснение, — возразил я, — справедливо лишь для обычных условий. Но ведь возможны и особые обстоятельства. Говорящий, например, может оказаться солдатом в джунглях; в этом случае и без дождя девять миль — весьма солидный крюк.

— Конечно, — саркастически поддакнул Ники, — кроме того, говорящий может оказаться инвалидом без ног, не менее вероятно также, что это аспирант, который свою диссертацию о юморе начинает с перечисления всего несмешного. Так вот, послушай, прежде чем продолжать, я хочу сделать несколько оговорок.

— Это еще зачем? — осведомился я.

— Я получил эту фразу, так сказать, в вакууме, в отрыве от контекста, не зная, кто и по какому поводу произнес ее. В обычном же разговоре предложения неразрывно связаны с определенной ситуацией.

— Понятно. И какие же оговорки ты бы хотел сделать?

— Во-первых, давай условимся, что цель этой девятимильной прогулки исключает легкомысленные намерения со стороны говорящего, то есть речь идет о прогулке, которая действительно имела место и

семи с половиной — Хедли-Фоллз, Гротон находится в одиннадцати милях, однако на пути к нему, всего в восьми милях, лежит Ист-Гротон. Параллельно дороге на Гротон ходит электричка, а на других дорогах имеется автобусное сообщение. Движение по всем идущим от нас автострадам более чем оживленное, так что переться пешком девять миль под дождем можно лишь ночью, когда автобусы и пригородные поезда не ходят, а водитель случайной попутки не рискнет в такую несусветную пору посадить к себе незнакомого человека.

— А может, ему не хотелось, чтобы его видели? — предположил я.

Ники снисходительно улыбнулся.

— Неужели ты думаешь, что в общественном транспорте, где все пассажиры обычно сидят, уткнувшись носами каждый в свою газету, он обратил бы на себя больше внимания, чем плетясь по автостраде пешком?

— Ладно, я не настаиваю, — довольно резко ответил я.

— Тогда как тебе понравится такой вывод: говоривший шел не из города, а в город.

Я утвердительно кивнул.

— Похоже, что так оно и было. В городе он в конце концов смог бы найти какой-нибудь транспорт. Ты это имел в виду?

— Не только это, — сказал Ники. — Расстояние тоже следует принять в расчет. Пешком девять миль...

Девять-то — цифра точная.

— Я что-то не улавливаю твоей мысли.

Он снова превратился в раздосадованного педагога.

— Предположим, ты говоришь, будто прошел десять миль или проехал сто. Это может означать, что на самом деле ты прошел расстояние порядка восьми-двенадцати миль или проехал где-то около девяноста-ста двадцати. Короче говоря, десять и сто — круглые числа. Ты мог пройти, конечно, и ровно десять миль, хотя в такой же степени вероятно, что ты прошел около десяти миль. Если же говорят о девяти милях, то я вправе думать, что тут названа точная цифра. В большинстве случаев мы гораздо точнее знаем расстояние от того или иного населенного пункта до города, чем от города до какого-нибудь населенного пункта. Спроси, к примеру, горожанина, далеко ли живет фермер Браун, и он, если знает Брауна, ответит: «В трех или четырех милях отсюда». Но если ты спросишь самого фермера, далеко ли от его дома до города, то услышишь такой ответ: «Три и шесть десятых миль — самолечением проверь на спидометре, и не раз».

— Слабовато, Ники, — прокомментировал я.

— Но вкупе с твоим собственным предположением насчет возможности подыскать какой-нибудь транспорт в городе...

— Хорошо, хорошо, убедил, — сказал я. — Засчитывается! Будешь продолжать?

— Да я только еще начал входить во вкус, — прихватил он. — Говоривший направлялся в определенное место, куда ему необходимо было поспеть к определенному сроку. Это не тот случай, когда человек спешит за помощью из-за того, что у него поломалась машина, рожает жена или кто-то пытается вломиться к нему в дом.

— Ты это брось, — возразил я. — Поломка машины — как раз самая вероятная причина. А точное расстояние он мог знать, заметив при выезде из города последнюю цифру на счетчике спидометра.

Ники отрицательно покачал головой.

— Чем переться девять миль под дождем, он бы свернулся калачиком на заднем сиденье и проспал до утра, во всяком случае, не отошел бы от машины, а пытался остановить проехавший мимо транспорт. До города-то девять миль! За сколько он мог пройти их?

— Часа за четыре, не меньше, — прикинул я.

— Да, никак не меньше, принимая во внимание дождь, — согласился Ники. — Мы уже пришли к выводу, что дело происходило поздно ночью или ранним утром. Положим, машина вышла у него из строя в час ночи. В город он мог прийти не раньше пяти. В это время уже наступает рассвет, на дороге масса автомобилей. Чуть позже начинают ходить автобусы, первые из них прибывают в город около пяти тридцати. Кроме того, если нужна помощь, нет резона тащиться до самого города, достаточно добежать до первого телефона. Нет, все-таки у него в городе наверняка было какое-то дело, приуроченное к периоду времени до пяти тридцати утра.

— Почему же тогда он не приехал заранее и не обождал? — спросил я. — Он мог бы сесть в последний автобус, приехать около часу ночи и дожидаться назначенного времени. Вместо этого он топает девять миль под дождем, а ты еще говоришь — не атлет.

Мы подошли к административному зданию, в котором находился мой кабинет. Обычно споры, начавшиеся в «Голубой луне», обрываются у этого места, но сейчас, увлеченный аргументацией моего товарища, я пригласил его на минутку к себе.

Когда мы уселись, я спросил:

— Так что же, Ники, почему он все-таки не приехал загодя?

— Конечно, удобнее было бы приехать заблаговременно, — отвечал Ники. — Но, поскольку он этого не сделал, нам остается предположить, что либо какие-то дела помешали ему сесть на последний автобус, либо он где-то ждал условленного сигнала, телефонного звонка, например.

— Стало быть, ты полагаешь, что на период времени между полночью и пятью тридцатью утра у него было намечено какое-то дело?

— Время можно определить намного точнее. Значит, так, ему требуется четыре часа, чтобы покрыть указанное расстояние. Последний автобус уходит в половине первого ночи. Если он не воспользовался этим автобусом, но вышел вскоре после его отправления, то не мог прийти к назначенному месту раньше четырех тридцати утра. С другой стороны, если бы он сел на первый утренний автобус, то приехал бы около пяти тридцати. Из этого следует, что в город ему надо было попасть где-то между четырьмя тридцатью и пятью тридцатью.

— Ты хочешь сказать, что если бы он намеревался попасть в город до четырех тридцати, то сел бы в последний ночной автобус, а если бы хотел поспеть туда после пяти тридцати, то поехал бы первым утренним?

— Совершенно верно. И еще один момент: если он ожидал какого-то условленного сигнала — скажем, телефонного звонка, — то получил его не позднее часа.

— Понимаю, — согласился я. — Если прибытие в город приурочено к пяти утра, а ему требуется четыре часа, чтобы одолеть эти девять миль, он должен был отправиться в путь около часа.

Задумчиво и молчаливо Ники кивнул. По какой-то необъяснимой причине мне не хотелось прерывать

его раздумья. Я отошел к большой карте нашего округа, висевшей на стене, и стал внимательно ее рассматривать.

— Да, ты прав, Ники, — заметил я, не оборачиваясь. — Куда ни пойдешь от Фэрфилда, обязательно попадешь в какой-нибудь населенный пункт, расположенный ближе чем в девяти милях отсюда. Мы находимся как раз посреди целой кучки городишек.

Он тоже подошел к карте.

— Это не обязательно Фэрфилд, — тихо промолвил он. — Возможно, говорившему требовалось попасть в один из близлежащих городишек. Давай-ка проверим Хелли.

— Почему именно Хелли? Что можно делать в Хелли в пять утра?

— В пять утра там останавливается и набирает воду экспресс из Вашингтона.

— Верно, — сказал я. — Когда у меня бессонница, я слышу, как проходит этот поезд, а через пару минут часы на методистской церкви бьют пять. — Я вернулся к столу посмотреть расписание. — Из Вашингтона экспресс отправился в ноль сорок семь, в Бостон прибывает ровно в восемь утра.

Ники прилип к карте, карандашом измеряя расстояние.

— Как раз девять миль от Хелли до гостиницы «Олд Самтер», — объявил он.

— «Олд Самтер»? — эхом отозвался я. — Но ведь это опрокидывает все наши теории. С транспортом в этом месте так же просто, как и в любом городе.

Ники отрицательно затряс головой.

— Машины постояльцев находятся там за оградой, а ворота открывает сторож, который непременно запомнит человека, берущего свою машину в столь поздний час, — ведь порядки в этой гостинице весьма консервативные. Говорящий мог ждать в своей комнате, пока ему не позвонили из Вашингтона и не передали сведения о каком-то лице, едущем в экспрессе; возможно, что ему сообщили номер вагона и места. Потом он мог незаметно выскочить из отеля и пешком отправиться в Хелли.

Я заигнотизированно уставился на него.

— Пока локомотив набирает воду, — продолжал Ники, — совсем не трудно проникнуть в вагон, а если знаешь к тому же номер купе и места...

— Ники, — со зловещим выражением в голосе прервал я его, — в период избирательной кампании я ратовал за строжайшую экономию, но теперь как окружной прокурор я намерен растратить деньги налогоплательщиков на междоуличный разговор по телефону. Это глупо, безумно, но я действительно собираюсь звонить в Бостон!

Его маленькие голубые глаза заблестели, он облизал губы.

— Давай! — произнес он охрипшим голосом.

* * *

Я опустил трубку на рычаг телефона.

— Ники, — проговорил я, — это, наверное, самое невероятное совпадение за всю историю сысканого дела. Прошедшей ночью в экспрессе из Вашингтона убили человека! Труп обнаружен спустя примерно три часа после наступления смерти, то есть убийство произошло как раз в Хелли.

— Так я и предполагал, — последовал его ответ. — Но это ты зря насчет совпадения. Как попала к тебе эта фраза?

— Да так, она просто... взбрела мне на ум.

— Не могла она просто взбрести! Подобного рода фразы не приходят в голову просто так, сами по себе. Если бы ты преподавал язык, да еще столько, сколько я, то знал бы, что, когда человека просят составить предложение из десяти слов, получается что-нибудь вроде «Я люблю молоко» с дополнениями типа «потому что оно полезно для здоровья». Твое предложение относится к какой-то определенной ситуации.

— Право же, я ни с кем не разговаривал с самого утра. И в «Голубой луне» находился все время с тобой.

— Тебя не было рядом со мной, когда я платил в кассу, — недовольным голосом заметил он. — Ты никого не встретил, пока ждал меня на улице?

Я покачал головой.

— Я ждал тебя не больше минуты. Вообще-то, пока ты выковыривал мелочь из кошелька, в «Голубую луну» зашли двое мужчин, и один из них нечаянно толкнул меня, поэтому я и решил, что лучше подождать на улице.

— А прежде ты их не встречал?

— Кого?

— Да тех двоих, что вошли, — в его голосе опять появились желчные нотки.

— Нет, они мне абсолютно незнакомы.

— Они разговаривали между собой?

— Кажется, да... Конечно же, разговаривали. Еще бы, они были настолько поглощены своей беседой, что не заметили и толкнули меня.

— Случайные посетители редко заглядывают в «Голубую луну», — констатировал Ники.

— Думаешь, это они? — спросил я, начиная волноваться. — Я бы их, пожалуй, узнал, если бы снова увидел.

У него сузились глаза.

— Может быть, и они. Их должно быть по меньшей мере двое. Один выследил жертву в Вашингтоне, узнал номер места в поезде, другой совершил убийство. Тот, из Вашингтона, должен был приехать сюда

после: если убили с целью грабежа — для того, чтобы разделить добычу, если без ограбления — чтобы расплатиться с сообщником.

Я потянулся за телефонной трубкой.

— Прошло менее получаса с тех пор, как мы покинули «Голубую луну», — продолжал Ники. — Они в то время только входили туда, а обслуживают в этом кафе чрезвычайно медленно. Тот, что шел в Хелли пешком, должно быть, умирает от голода, да и другой, пожалуй, не лучше — наверняка всю ночь гнал сюда машину из Вашингтона.

— Если произведете арест, немедленно позвоните мне, — распорядился я по телефону и повесил трубку.

Пока мы ждали, никто из нас не проронил ни слова. Мы слонялись по кабинету, избегая глядеть друг на друга, словно совершили нечто постыдное.

Наконец раздался телефонный звонок. Я схватил трубку и выслушал сообщение. Потом сказал «о'кэй» и повернулся к Ники.

— Один из них пытался убежать через кухню, но Уинн предупредительно выставил охрану у черного хода, и голубчик попался.

— Похоже, что наши подозрения оправдываются, — произнес Ники с ледяной усмешкой.

Я молча кивнул. Ники взглянул на часы.

— Боже мой! — вскричал он. — Ведь я хотел сегодня пораньше взяться за работу, а вместо этого потерял уйму времени в разговорах с тобой.

Он подошел к дверям, и тут я его окликнул:

— Погоди, Ники, а что же ты все-таки пытался мне доказать?

— Что цепь выводов может быть построена по всем правилам логики и тем не менее заключение будет ложным, — ответил он.

— А-а-а...

— Над чем это ты смеешься? — с хитрой в голосе поинтересовался Ники, но не выдержал и сам рассмеялся.

Перевел с английского
Геннадий ДМИТРИЕВ

От переводчика:

Хэрри Кемелмен — современный американский писатель, выступивший в детективном жанре как автор сборника рассказов и нескольких романов.

В предисловии к сборнику, который открывается рассказом «Прогулка под дождем» (1968), автор писал: «Литературный герой Ники Уэлт рожден в аудитории. Я вел семинар по письменной практике и на одном из занятий пытался показать своим студентам, что слова существуют не в вакууме, не сами по себе и порой обладают смысловыми ассоциациями, выходящими за рамки их обычных значений, поэтому толкование даже короткого сочетания слов допускает различные варианты».

Случайно мой взгляд выхватил из лежавшей на столе газеты заголовок статьи о туристском походе отряда бойскаутов; написав на доске «Пройти пешком девять миль» — не шутка, в особенности по такому дождю, — я предложил студентам сформулировать выводы, которые можно сделать на основании логического анализа этой фразы.

Как перекладывается с педагогическими экспериментами, моя попытка оживить учебный процесс оказалась не особенно удачной. Студенты, по-видимому, заподозрили в моем предложении какой-то изощренный подвох и сочли, что благоразумнее будет хранить молчание. Я угораздил их, предлагал подкаски, варианты, и постепенно придуманная мною игра захватила меня. Я строил вывод за выводом, одно умозаключение за другим, увлекался все больше и больше...

В конце концов у меня возникла идея использовать анализ этой фразы как материал для рассказа. Дома я принялся было писать, но рассказ, что называется, не клеился, и мне ничего не оставалось, как отложить эту затею до лучших времен; спустя пару лет я вспомнил о ней и опять взялся за перо, однако у меня снова ничего не получилось.

Через четырнадцать лет после первой попытки я в третий раз засел за сочинение рассказа, на этот раз удачно — писалось очень легко, и, поздно вечером заканчивая свой труд, я чувствовал, что рассказ вовсе или почти не нуждается в правке.

Писателя часто спрашивают, сколько времени требуется для написания рассказа. Вот один из возможных ответов: один день или четырнадцать лет, в зависимости от того, как на это смотреть».

Ну разве можно устоять перед соблазном, не поддаться любопытству, не подойти поближе к снежной завесе, за которой тайна?

ЖЕЛЕЗНОМУ ИСТОГО СЧЕТА!

«МОСАЭРО» — совместное коммерческое предприятие Моссовета, Аэрофлота и «Совершенно секретно» — предлагает уникальные возможности в области рекреации. Вашу фирму и товары узнают на всех континентах без исключения.

Внеэкономическое коммерческое предприятие «МОСАЭРО» готово к сотрудничеству по организации различных видов туризма и другой коммерческой деятельности.

Наша координата: СССР, Москва
телекс 412151 input su for
MASAERO
телефакс: 200-22-65 su for
MOSAERO
253-94-82 su for MOSAERO
телефон 259-26-60

ВКП «МОСАЭРО» является генеральным спонсором и организатором уникального одиночного перехода на собаках Федора Конюхова к Южному полюсу.

Федор КОНЮХОВ — заслуженный мастер спорта СССР, член Союза художников СССР, кавалер ордена Дружбы народов, яхтенный капитан. На карте его путешествий Командорские острова и Камчатка, Полюс относительной недоступности и ледники Тянь-Шаня, Крайний Север и Чукотка. В октябре 1991 года новый беспрецедентный старт — к Южному полюсу в одиночку. Непривычно было видеть Федора Конюхова в тесной московской квартире, арендуемой редакцией «Совершенно секретно». Из бухты Врангеля, где он живет, он прилетел на несколько дней, время расписано по часам, надо успеть задать вопросы нашего экспресс-интервью.

— Федор, зачем вам это нужно? Ведь каждая экспедиция — нешуточный риск.

— Я профессиональный путешественник, не супермен и не турист. Это моя работа, мой бизнес, мой престиж, моя жизнь. Как говорил японец Наоми Уэмура, я путешествую

для того, чтобы узнать предел человеческих возможностей.

— Вы его узнали — этот предел?

— Нет, его можно только продвигать. На Эверест сейчас даже ночью поднимаются. Я не безумец, я все просчитал, у меня есть опыт — 4 похода в Арктике, 27 экспедиций...

— Почему вы хотите идти в одиночку?

— Я решил проверить себя, как Уэмура, как француз Этьен. Опасность я знаю: тонкий лед, медведи, торосы. И — безмолвие, над тобой бездна, под тобой 4 тысячи метров.

— А если что случится, у вас есть радиостанция...

— Да, я ее, конечно, включу, но ведь никто не прилетит сразу. До Северного полюса, к примеру, 17 часов полета, и то, если все наготове. Когда самолеты летят, я даю точные координаты, навову. Без этого найти невозможно.

— Что все-таки самое сложное, когда идешь в одиночку?

— Самое сложное — это решиться. Есть два парня, которые лучше, чем я, смогли бы пройти. — Василий Шишкарев и Владимир Леднев, но они не могут пока решиться оттолкнуться от земли. Это поразительное чувство, когда вокруг ни души. Пройдешь по тонкому льду, обернешься: как там парни? — а там никого... Когда я шел к Северному полюсу, разговаривал сам с собой, с палками, с санками, с гномиком, который всегда в рюкзаке, с космосом, с Богом, с теми, кто погиб на пути к полюсу. Саша Рыбаков не дошел 150 километров, Юре Подрядчикову оставалось 250...

— Вы верующий человек?

— Да. В жизни нужно во что-то верить. Перед моим переходом к Северному полюсу в Красноярске в церкви была служба, меня благословили. Я шел и верил, что со мной ничего не случится. Был тонкий лед, а по своему опыту я знаю — нельзя, не пройти, не выдержит лед. Но словно что-то толкает: иди. Я прохожу, а за мной валится...

— Переход к Южному полюсу на собаках вы намечаете начать в октябре. Почему?

— Сезон. Полярный день, весенняя погода. Минус 25 на побережье, под 50 ближе к полюсу. За 60 дней рассчитываю преодолеть 1500 километров. Как обычно, буду вести дневник, делать карандашные наброски.

— Федор, можем ли мы обещать нашим читателям информировать их о вашем походе?

— Конечно!

Елена БЕЛОЗЕРСКАЯ

Главный редактор
Юлиан СЕМЕНОВ

Редколлегия:
Артем БОРОВИК,
зам. главного редактора
Александр БЕНЕНСОН,
зам. главного редактора
Евгения СТОЯНОВСКАЯ,
зам. главного редактора
Михаил ШЕСТОПАЛ,
зам. главного редактора,
главный художник
Владимир ДОБИН,
ответственный секретарь
Виктор БАНЛАКИ
(Венгрия)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
Евгений ДОДОЛЕВ
Рышард КАПУСЦИНСКИЙ
(Польша)
Дмитрий ЛИХАНОВ
Роджер САЙМОН (США)
Елена СВЕТЛОВА
Вера ЧЕРНИКОВА
Милан ЧОЛИЧ
(Югославия)

Редакционный совет:
Майк АНДЕРЛЕ (Австрия)
Александр БЕЛЯЕВ
Карл Арне БЛОМ
(Швеция)
Алоиз БРЕНЧ
Ролан БЫКОВ
Аркадий ВАЙНЕР
Микола ВИНГРАНОВСКИЙ
Геннадий ЛИСЧИКИН
Хуан МАДРИД (Испания)
Александр МЕНЬ
Николай МИТРОФАНОВ
Вячеслав ПАНКИН
Мартин Круз СМИТ
(США)
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
Рафаэль Р. ЭРРЕДИА
(Мексика)

Любовь ПЕШКУНОВА,
зам. ответственного
секретаря

Оформление номера:
Валерий БЕЛЯКОВ
и Владимир ПОМОЧИЛИН
Технический редактор
Татьяна КОИРАНСКАЯ
Корректоры
Любовь АГАФОНОВА
и Татьяна БУЧА
Рукописи, присланные в редакцию,
не рецензируются и не
возвращаются.
Во всех случаях типографского
брака обращаться в типографию,
указанные в выходных данных.

© Московская штаб-квартира
Международной ассоциации
«Детектив и политика» (МАДПР)
1990
Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар, 4, АПН
Московская штаб-квартира
МАДПР
Ежемесячник
«Совершенно секретно»
Тел.: 201-44-16; 291-98-62
Телекс 411323 Факс 2302170
Подписано к печати 2. 08. 90
А 10209
Кооператив «ФАБЕР»
Типография Издательства АПН
107005, Москва,
ул. Ф. Энгельса, 46
Зак. 22Ф Тир. 350 000 экз.

В следующих номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

Юлиан СЕМЕНОВ. Возвращение Шаляпина

Похищение Михаила Романова. Неизвестный дневник претендента на русский престол

Федор СЕРГЕЕВ. Трагедия абвера

